

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 9 2019 (СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боровов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

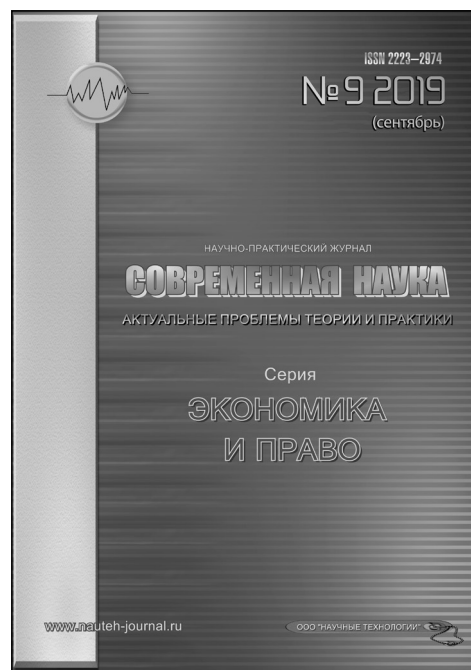
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ,
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ
НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ,
ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ
ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ,
БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА,
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 20.09.2019 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, профессор

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления, профессор

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт государства и права РАН, г.н.с.

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор
Северо-Западного института (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета, профессор

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор
Национальный институт бизнеса, профессор

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор Институт
социально-экономических проблем народонаселения
РАН, г.н.с.

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор
Института экономики РАН, в.н.с.

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса, директор

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., Институт
социально-экономических проблем народонаселения
РАН, в.н.с.

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского, зав.
каф.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, профессор

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина, доцент

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор
Российский государственный гуманитарный университет,
зав. кафедрой

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор Санкт-
Петербургский университет МВД России, профессор

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, профессор

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор Научно-
исследовательского финансового института Минфина РФ,
рук. центра

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор
Московский университет МВД России, профессор

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор
Всероссийский государственный университет юстиции,
профессор

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации,
профессор

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор РАНХ
и ГС при Президенте РФ, зав.каф.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономическая теория

Бувечич А. П., Терская Г. А. — Кластеризация национальной экономики в рамках мирового экономического механизма
Buevich A., Terskaya G. — Clustering national economics within framework world economic mechanism 6

Бувечич А. П., Варвус С. А. — Особенности формирования российского института интеллектуальной собственности в контексте цифровой экономики
Buevich A., Varvus S. — Features of formation of the Russian institute of intellectual property in the context of the digital economy 11

Экономика и управление народным хозяйством

Баринов Г. О. — Санкции как нерыночный фактор риска для предприятий АПК
Barinov G. — Sanctions as a non-market risk factor for agricultural enterprises 16

Бачина Т. В., Евсенкина Ю. М., Фролова Е. С. — Повышение эффективности управления организацией сферы услуг с использованием современных систем бизнес-аналитики
Bachina T., Evsenkina Yu., Frolova E. — Increase in effective management of the organization of services sector with use of modern systems of business analytics 23

Демин С. С., Столяров Н. С., Семенова А. А. — Перспективы цифровой трансформации предприятий воздушного транспорта
Demin S., Stolyarov N., Semenova A. — Prospects for the digital transformation of air transport enterprises 30

Ибатуллина А. А. — Анализ факторов влияния на критерий оптимальности при оптимизации затрат проекта
Ibatullina A. — Analysis of factors of influence on the optimality criterion at the optimization of project costs 35

Курбанмагомедова Э. А., Гарумова М. А., Айро И. Н., Албаков А. Ю. — Анализ ценовых характеристик хондропротекторных лекарственных препаратов, определяющих их экономическую доступность для жителей Республики Дагестан
Kurbanmagomedova E., Garumova M., Ayro I., Albakov A. — Analysis of price characteristics of chondroprotective drugs, determining their economic accessibility for residents of the Republic of Dagestan 39

Миндлин Ю. Б. — Кластерный подход к модернизации образования: отечественный и зарубежный опыт
Mindlin Yu. — Cluster approach to modernization of education: domestic and foreign experience 45

Пивоварова О. В. — Открытое и прозрачное управление социально-экономическим развитием региона: анализ состояния и проблемы реализации
Pivovarova O. — Open and transparent management of socio-economic development in the region: analysis of the state and problems of implementation 52

Сафиуллин М. Р., Ельшин Л. А. — Особенности оценки региональных экономических циклов во взаимосвязи с макроциклами: методология исследования
Safullin M., Elshin L. — Features of assessment of regional business cycles in interrelation with macrocycles: research methodology 58

Финансы, денежное обращение и кредит

Голованов В. С. — Факторы, определяющие кредитную политику коммерческих банков в Российской Федерации
Golovanov V. — Factors determining the credit policy of commercial banks in the Russian federation 68

Лентюгов Д. А. — Современный вектор развития систем управления бюджетными потоками муниципалитетов <i>Lentugov D.</i> — Modern vector of management systems of municipal budget flow development	72	Жеребцова Т. Э. — Предмет прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве <i>Zherebtsova T.</i> — The subject of prosecutors' supervision on the implementation of laws on fisheries	109
Охрина М. В. — Механизмы распределения бюджетных средств <i>Ohrina M.</i> — Budget allocation mechanisms	77	Каландаришвили З. Н., Ращупкин А. В. — Специфика и особенности национального права и правовой культуры восточной цивилизации <i>Kalandarishvili Zu., Rashchupkin A.</i> — Specific features and feature of national law and legal culture of Eastern civilization	113
Мировая экономика			
Абрамов В. Л. — Оценка интеграционных эффектов во взаимной торговле стран ЕАЭС <i>Abramov V.</i> — Assessment of integration effects in mutual trade of the EAEU countries	80	Лебедев В. С. — Условия и механизмы борьбы с коррупцией, протекционизмом <i>Lebedev V.</i> — Conditions and mechanisms to combat corruption, protectionism	116
Файн Б. И., Репетюк С. В. — Исследование подходов к формированию общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза <i>Fain B., Repetyuk S.</i> — The common electricity market of the Eurasian economic Union: research of approach formations	85	Марчишина М. А. — Бесхозные сети инженерно-технического обеспечения <i>Marchishina M.</i> — Unmanaged objects of engineering infrastructure	122
Право			
Аблякимова Э. Э. — Программные документы как основа публичного администрирования земельных отношений в России <i>Ablyakimova E.</i> — Program documents as the basis of public administrirovanie land relations in Russia	90	Марьина А. А. — Принцип целесообразности в современном российском праве (гражданско-правовые аспекты) <i>Marina A.</i> — The principle of expediency in modern Russian law (civil law aspects)	126
Витко В. С. — Признаки понятия «объективная форма» <i>Vitko V.</i> — Features of the concept «objective form»	94	Набиуллина В. Р. — Договорные отношения супругов по семейным вопросам в Германии <i>Nabiullina V.</i> — The contractual relationship between the spouses on family issues in Germany	131
Гудков А. И., Красильщиков А. В., Мищенко В. И. — Правовые последствия за вред, причиненный правомерной деятельностью <i>Gudkov A., Krasilschikov A., Mishchenko V.</i> — Legal consequences for harm caused by lawful activities	101	Очеретняя Р. Ю. — Злоупотребление правом как явление правовой действительности <i>Ocheretnaya R.</i> — Abuse of rights as a phenomenon of legal validity	134
Жеребцова Т. Э. — Направления совершенствования прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве <i>Zherebtsova T.</i> — Directions for improving prosecutorial oversight of the implementation of fisheries laws	104	Рябова О. А., Кузнецова Н. А., Матвеева Т. П. — История становления правового регулирования торговых отношений между Россией и Китаем <i>Riabova O., Kusnetcova N., Matveeva T.</i> — History of legal regulation of trade relations between Russia and China	139

Сеvрюкова А. В. — Регистрация прав на недвижимость с применением технологии блокчейн в России и за рубежом как элемент юридического состава – основания возникновения вещных прав на недвижимость <i>Sevryukova A.</i> — Registration of property rights using blockchain technology in Russia and abroad as an element of the legal structure – the basis for the emergence of property rights to real estate 143	Храмцова Н. Г., Майборода Т. Ю. — Эволюция оценочных понятий в гражданском праве <i>Khramtsova N., Mayboroda T.</i> — Evolution of values in civil law 154
Сиушкин А. Е. — К уточнению понятия социального государства <i>Siushkin A.</i> — To the specification of the concept of social state 148	Юсупов А. М. — Особенности рассмотрения сообщений о преступлениях в кредитно–финансовой сфере <i>Yusupov A.</i> — Features of consideration of reports of crimes in the credit and financial sphere. 157
	Информация
	Наши авторы. Our Authors. 160
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 162

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В РАМКАХ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА

CLUSTERING NATIONAL ECONOMICS WITHIN FRAMEWORK WORLD ECONOMIC MECHANISM

**A. Buevich
G. Terskaya**

Summary. Modern realities of development of the global economic system determine the national economy is committed to active action of an adaptive nature in terms of accelerating the pace of implementation of scientific and technological developments in order to improve competitiveness. One of such tools, contributing to the attainment of competitive advantage and intensify the introduction of NBIC technologies ("technologies of the future") is clustering.

The purpose of this study is to analyze the state of the national economy of Russia in the global economic system in order to enhance the process of clustering in leading industries.

In the framework of this article, the author made an attempt to identify the key trends in the development of the world economy, investigated the methodological approaches of scientists regarding the competitiveness of the national economy, and also analyzed the competitiveness of Russia in the global arena in the context of the activation of the clustering process.

Keywords: clustering, world economic system, national economy, competitiveness, efficiency..

Понятие конкурентоспособности национальной экономики является многогранным понятием, и для его практического применения разные группы исследователей и аналитиков предлагают различные методики.

Так, Чернов А.В. указывает, что одной из методик, применяемых для оценки конкурентоспособности национальной экономики, является ежегодно публикуемый отчет Всемирного экономического форума (ВЭФ; WorldEconomicForum; WEF), содержащий характеристику позиций разных стран по показателю — Индекс глобальной конкурентоспособности (государств), который составляется на основе сбора и/или расчета 113 переменных, позволяющих ранжировать национальные экономики мира. Данный показатель основан на группировке всех учитываемых факторов в 12 контрольных показателей, формирующих конкурентоспособность каждой национальной экономики: макроэкономиче-

Бувевич Анжелика Петровна

К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва
buanpet@mail.ru

Терская Галина Алексеевна

К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва
Terskaya@list.ru

Аннотация. Современные реалии развития глобальной экономической системы обуславливают национальные экономики стремятся к активным действиям адаптивного характера в части ускорения темпов внедрения научно-технических разработок с целью повышения конкурентоспособности. Одним из таких инструментов, способствующих обретению конкурентных преимуществ и активизации внедрения технологий NBIC («технологий будущего») является кластеризация. Цель настоящего исследования состоит в анализе состояния национальной экономики России в рамках глобальной экономической системы на предмет активизации процесса кластеризации в ведущих отраслях.

В рамках настоящей статьи предпринята попытка выявить ключевые тренды развития мировой экономики, исследовать методические подходы ученых относительно конкурентоспособности национальной экономики, а также проанализировать конкурентоспособность России на мировой арене в контексте активизации процесса кластеризации.

Ключевые слова: кластеризация, мировая экономическая система, национальная экономика, конкурентоспособность, эффективность.

ская стабильность; технологическое развитие; емкость национального рынка; эффективность рынка товаров и услуг; развитость финансовых рынков; качество институтов; инфраструктура; конкурентоспособность корпоративных субъектов экономики; здоровье и начальное образование; высшее образование и профподготовка; эффективность рынка труда; инновационный потенциал [11].

Индекс глобальной конкурентоспособности в России имеет положительную динамику: в 2013–2014 гг. он составлял 4,25; в 2014–2015 гг.— 4,40; в 2015–2016 гг.— 4,44; в 2016–2017 гг.— 4,50; в 2017–2018 гг.— 4,60 [13]. Несмотря на это, эксперты WEF указывают на то, что при наличии таких конкурентных преимуществ, как высокий образовательный уровень населения и положительные сдвиги в системе государственного регулирования корпоративного сектора, ограничительными факторами для российской экономики являются: низкая эффективность

государственного аппарата, неразвитость финансового сегмента в экономике и другие.

По мнению Чернова А.В., который проводил сравнительный анализ всё более взаимопроникающих друг в друга национальных экономик России и КНР, повышение конкурентоспособности отечественной экономики может быть обеспечено через технологическое обновление обрабатывающих производств и ориентирование существующих и создаваемых экономических кластеров на кооперацию с зарубежными производственными комплексами и правительствами [11].

Туралина А.Г., анализируя векторы активизации инновационной политики России, за основу исследований берет составленный с 2007 г. консорциумом Всемирной организации интеллектуальной собственности, Школы бизнеса INSEAD (Франция) и Корнельского университета (США), ежегодный рейтинг «GlobalInnovationIndex» (GII; Глобальный инновационный индекс), который в 2017 г. составлялся на основе 81 показателя (для 127 стран), в 2018 г.— 80 показателей (для 126 стран) инновационного развития оцениваемых стран. Показатели GIИ группируются в 7 направлений, включая: институты; развитие бизнеса; развитие рынка; развитие технологий и экономики знаний; инфраструктура; человеческий капитал; развитие креативной деятельности [11].

На основе представленных данных Туралина А.Г. выявляет основные резервы роста эффективности российской экономики: развитие сферы наукоемких производств; повышение инвестиционной привлекательности и медиа-информационной открытости России, в том числе в целях активизации источников иностранных инвестиций в отечественную экономику; приведение законодательной базы государственного регулирования бизнеса и схем взаимодействия «G2B» в соответствии с современными вызовами внутреннего и внешнего происхождения, ориентированных на повышение конкурентоспособности субъектов российской экономики на международных рынках [10].

Общей тенденцией для мировой экономики в настоящее время остается повышение взаимопроникновения локализованных по разным критериям сфер производства экономических благ и зон их потребления, включая принцип резидентства или территории присутствия экономических агентов. Основой данного процесса является развитие специализации национальных экономик на конкретных видах создаваемой продукции (промышленное оборудование; продукты питания; минеральное сырье; энергоносители и электроэнергия; туристические и другие услуги; продукция инновационного сектора и цифровой экономики и другие товарные и сервисные позиции), что в условиях постоянного совершенствова-

ния логистических сетей и удешевления транспортировки (включая в том числе межконтинентальную; оптоволоконную, беспроводную и другие виды перемещения продуктов производственно-созидательной деятельности) всех видов производимых ресурсов и благ приводит к поиску каждой страной своей экономической ниши, кристаллизующейся вокруг какого-либо производимого продукта, группы связанных продуктов или набора технологически не связанных между собой продуктовых позиций, направленных на обеспечение внутреннего потребления и/или экспортоориентированных.

Ставка страны на те или иные существующие или создаваемые экономические кластеры исходит либо из исторически сложившейся направленности национальной экономики (например, США, России — рынок вооружений; Саудовская Аравия, ОАЭ, Россия, Нигерия — рынок энергоносителей; Япония, Германия — рынок автомобильной и высокотехнологичной продукции; Франция, Италия — рынок брендовых товаров личного потребления; Франция, Испания, Таиланд, Египет — рынок услуг въездного туризма; и т.д.), либо из позиционирования стран на мировом рынке, исходя из текущей тенденции изменения потребностей и достигнутых договоренностей с другими странами и международными организациями (например, Сингапур — машиностроение, приборостроение, финансовые услуги; Люксембург — банковские услуги; и т.д.).

Начало XXI века ознаменовалось очередной трансформацией смещения и разброса центров экономического роста и инновационной активности. Так, Абрамова И.О., анализируя изменение роли развивающихся стран и стран группы БРИКС в мирохозяйственном процессе, выделяет следующие тенденции:

- ◆ появление новых центров экономической силы (Китай, Индия, Бразилия), у которых будут сочататься прорывы на отдельных направлениях производственно-продуктовой специализации с сохранением отставания показателей социального развития (уровня жизни основной части населения стран) от стран-лидеров;
- ◆ увеличение роли капитала развивающихся стран на мировых рынках (например, выход индийской компании «АрселорМиттал» на первое место в мире по производству стали за счет поглощения в 2006 г. металлургической компании из списка 500 крупнейших компаний мира) по отдельным направлениям производственной деятельности, а также противодействующее стремление стран ОЭСР сохранить свои позиции в мировом производстве и на мировых рынках, в том числе с помощью институциональных инструментов, а иногда — и методом прямого дипломатического и/или вооруженного вмешательства;

- ♦ продолжающуюся экспансию экономических решений наиболее экономически развитых стран в отношении развивающихся государств (Латинской Америки, Азии, Африки), которая привела, с одной стороны, к интенсификации индустриализации или «сервисизации»/«софтизации» зависимых экономик, что ускорило темпы их экономического роста, а с другой — привела к еще большему отрыву развивающихся стран от стран-лидеров по большинству показателей социально-культурного и финансово-экономического профиля [1].

Анализируя страны с экономикой с относительной малой капитализацией (небольшая по меркам мира территория, невысокая численность населения и/или малый уровень накопленного/сформированного экономического потенциала), можно отметить, что финансовой основой кластерной специализации, то есть ориентирования всей национальной экономики или большого числа ее резидентов на производство тех или иных видов товарных позиций и/или оказание конкретного перечня услуг, могут быть как внутренние ресурсы национальной экономики (средства государственного бюджета, выделяемые в рамках общегосударственных инвестиционных программ); средства граждан (наиболее обеспеченных слоев населения, олигархии); финансовые ресурсы организаций, вовлеченных в процесс создания/оформления целевого экономического кластера), так и внешние источники (средства ТНК, присутствующих на местном рынке; средства международных финансовых и финансово-инвестиционных организаций; финансовые ресурсы правительств других стран, входящих со страной в кластеризации экономики в один экономический, государственно-политический или комплексный блок). В этом случае основным направлением в изыскании ресурсного обеспечения кластерной программы выступают внешние источники ввиду малого экономического потенциала самой страны.

Крупные по численности населения/занимаемой территории/накопленному экономическому потенциалу экономики, как правило, имеют меньшую возможность ориентирования на внешние источники финансирования целевых кластерных программ (в том числе вследствие отсутствия на мировых рынках свободного мультифинансового капитала, который было бы целесообразно направить на модернизацию или техническое перевооружение таких стран, как, например, Китай или США), поэтому основным источником для таких экономик должны стать национальные резервы финансовых и материальных ресурсов. В случае с Китаем и Россией ограничительным фактором также служит антипропаганда существующих политических режимов этих стран в средствах массовой информации в странах ОЭСР и тес-

но связанных с ними международных финансовых организациях (МВФ, МБРР и других).

К настоящему времени практически все страны мира (за исключением, в большой степени, Северной Кореи), включены в общий мирохозяйственный процесс и зависят друг от друга. Данная зависимость проявляется практически на всех уровнях экономических процессов: от программ решения глобальных проблем (например, проблема изменения климата Земли) и реализации совместных межнациональных проектов (например, программы освоения космического пространства) до формирования логистических сетей импорто-экспортного перемещения отдельных видов ресурсного обеспечения для целей функционирования производственных комплексов в национальных экономиках, глобализации финансового рынка на уровне его инструментов и торговых площадок и совершения покупок и иных денежных трат гражданами одной страны на территории другой. Сформированная система экономических отношений на уровне мировой экономики получила название мировой экономической архитектуры, которая представляет собой совокупность экономических отношений в пределах мировой экономики с выделением центров управления, контроля, производства и потребления экономических благ [4].

При формулировании и разработке собственной кластерной политики экономически крупным странам необходимо на первом этапе провести анализ:

- ♦ имеющихся конкурентных преимуществ внутренних производственных комплексов на мировых рынках;
- ♦ уровня фактического и требуемого внутреннего потребления в стране;
- ♦ материальной, кадровой и научной базы для технологизации каждого создаваемого экономического кластера.

Анализ внутренних конкурентных преимуществ (инкорпорированных в национальную экономику) заключается в оценке уровня затрат, сопутствующих производству каждого вида продукции, по сравнению с производствами, налаженными на территории других стран. При этом, например, в отношении производства отдельных видов сельхозпродукции важную роль играют природно-климатические условия, которые объективно создают направление специализации на производстве тех или иных видов продовольствия (Италия, Греция — оливки; Россия, Украина, Казахстан, США, Канада — зерновые; Норвегия, Великобритания, Япония, Россия — морепродукты и т.д.). К числу факторов формирования кластерной специализации страны можно также отнести: наличие земель, пригодных для ведения профильного вида деятельности; территориальная удаленность

друг от друга материальных источников функционирования целевого экономического кластера (минеральные, водные ресурсы, энергоносители и источники возобновляемой энергии, и другие) и сравнение данных параметров с другими странами: действительными или потенциальными конкурентами по обозначенному продукту.

Современный мир, все в большей степени вовлекаемый в процессы глобализации и информатизации, порождает такой феномен, как «общество потребления», в котором, как показывает в своем исследовании Стоян А. А., с одной стороны, логика потребления создает общий курс трат и приобретений индивида, который считает себя свободным в выборе и нуждающимся в тех или иных пропагандируемых товарах и услугах как средствах социального отличия от других индивидов (для достижения состояния счастья), а с другой — среднестатистический потребитель/обыватель становится объектом воздействия информационно-идеологического потока данных, целью которых является создание на уровне каждого вовлеченного индивида системы псевдоиндивидуальных потребностей, которые индивид стремится любыми усилиями удовлетворить. В результате, по мнению Стояна А. А., индивид попадает в замкнутую систему, основанную на вживленном ощущении стремления к счастью через удовлетворение навязанных потребностей [7].

Влияние феномена «общества потребления» на кластеризацию национальной экономики носит двубратный характер. Внутри национальной экономики формируется совокупный общественный запрос на комплекс материальных и нематериальных благ, который общество желает приобрести и который соответствует совокупному платежеспособному спросу, находящемуся в прямой зависимости от уровня доходов разных групп населения и доступа/недоиспользования источников кредитных ресурсов (потребительские кредиты, частные займы, спонсорская помощь, в том числе внутри-семейная). Данный запрос не всегда соответствует той массе товарных позиций и услуг, которая, будучи рационально распределена, обеспечила бы наибольший положительный эффект для развития трудового потенциала в обществе (по модели достижения максимума эффективности В. Парето или модели альтернативной полезности Г. Госсена), так как источником совокупного запроса становится управляемая законами маркетинга и целеполагания коммерческой деятельности производителей потребность индивидов, а не результат какой-либо оптимизационной общенациональной экономической модели. Возникающая разница между эффективным и фактически сформированным запросом на предметы потребления формируют упущенную выгоду для национальной экономики в целом.

Обратный, положительный, эффект страна может получить, если сможет организовать производственный процесс, направленный на удовлетворение потребностей индивидов-резидентов другой страны/национальной экономики, так как в этом случае одновременно будет сформирован экономический кластер, прибыль которого будет извлекаться за счет потребителей в мировых масштабах, а также национальная экономика получит конкурентное преимущество за счет сокращения инвестиционных возможностей стран резидентства индивидов с маркетингово вмененными потребностями, которые конкурирующая национальная экономика сама удовлетворить по тем или иным причинам не в состоянии.

Третьим важным фактором построения национальной кластерной программы является оценка имеющегося материального, трудового и научного потенциала, в котором отдельно следует выделить фактически неиспользуемые мощности, незадействованные в производственных и управленческих программах носителей трудовых ресурсов, не доведенные до практического внедрения научные разработки, а также определить временные затраты и стоимость доведения всех видов ресурсного обеспечения на основе техники бенч-маркинга до состояния максимальной ресурсной конкурентоспособности.

Результатом учета всех указанных факторов и создания комплексной программы трансформации производственной направленности национальной экономики должна стать национальная кластерная программа (программа кластеризации национальной экономики), которая сочетала бы организационную, технологическую и управленческую гибкость (в условиях меняющегося мира, изменения роли, масштабов и специализации конкурирующих национальных экономик в текущий момент времени и в перспективе — с созданием механизма постоянного мониторинга данных изменений в мире) со строгим соблюдением принципов, обеспечивающих максимальный эффект от поиска субъектами национальной экономики при прямом партисипативном взаимодействии с специализированными органами государственной власти наиболее эффективной локации применения предпринимательской инициативы и реализации производственных программ.

Локации, создаваемые в результате реализации национальной программы кластеризации экономики, не являются постоянными, что связано с такими факторами, как:

- ◆ прогноз создания аналогичных кластеров (дублирование, или множение кластерных локаций) в конкурирующих национальных экономиках;

- ◆ эффективность механизма защиты уникальности и конкурентных в сфере международных торгово-производственно-экономических отношений преимуществ, созданных в целях обеспечения уникальности каждого специализированного кластера (правовыми, технологическими, дипломатическими и иными методами);
- ◆ управляемость и изменение запроса общества на совокупный в национальном и мировом масштабе набор товаров и услуг в рамках концепции «общества потребления», а также изменение логической составляющей способов удовлетворения этих потребностей.

Указанные причины приводят к тому, что программа кластеризации национальной экономики должна разрабатываться и управляться с учетом высокого уровня вероятности и возможности изменчивости ориентиров, методов и инструментов ее реализации для поддержа-

ния конкурентных преимуществ в тех или иных управляемых рыночных локациях (экономических нишах), состав и структура которых может и будет так же постоянно меняться.

Таким образом, тенденции изменения закономерностей функционирования мировой экономики диктуют необходимость ориентирования каждой страны в лице государства и субъектов бизнеса на формирование комплекса конкурентных преимуществ, обеспечивающих эффективное удовлетворение сформированных резидентами национальной экономики потребностей при одновременном выполнении программ аналитико-выборочного импортозамещения и создания условий результативного присутствия в тех или иных локациях мировой экономической архитектуры, что призвано обеспечить повышение уровня жизни населения страны с программно-кластеризованной национальной экономикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И. О. Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: формирование новой архитектуры международных экономических отношений // Проблемы современной экономики. 2011. № 1(37). С. 70–75.
2. Верич Ю. Л. Финансирование и ее последствия для глобальной экономики // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. 2017. № 6. С. 121–126.
3. Донцова О.И., Засько В. Н. Кластерная стратегия повышения конкурентоспособности национальной экономики как институциональная предпосылка привлечения частного капитала в экономику России // Российское предпринимательство. 2018. Том 19. № 5. С. 1377–1390.
4. Дрыночкина А. В. Новая мировая экономическая архитектура: сущность и форма // Мир и политика. 2009. № 11(38). С. 58–61.
5. Миндлин Ю. Б. Зарубежный опыт функционирования кластеров в экономически развитых странах (Великобритания, США, Канада, Япония) // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. -№ 1. -С. 53–56.
6. Миндлин Ю. Б. Ведущая роль кластеров в экономике // NB: Экономика, тренды и управление. — 2012. -№ 1. -С. 1–5.
7. Стоян А. А. Общество потребления как реальность постидеологической эпохи // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 12–2(66). С. 49–51.
8. Терская Г. А. Барьеры инноваций в России. В сборнике: Современные исследования экономических проблем: российский и зарубежный опыт. — М., 2016. С. 52–59.
9. Терская Г. А. Развитие инновационного потенциала регионов // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 1. С. 155–158.
10. Туралина А. Г. Инновации как фактор конкурентоспособности национальных экономик // Наука сегодня: опыт, традиции, инновации. Материалы международной научно-практической конференции (г. Вологда, 25.07.2018 г.). 2018. С. 55–57.
11. Чернов А. В. Сотрудничество с Китаем как фактор повышения национальной конкурентоспособности Российской Федерации // Студенческий форум: электрон. научн. журн. 2018. № 3(24). URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/24/31964> (дата обращения: 03.07.2019).
12. Chuvakhina L.G., Terskaya G. A., Buevich S. Y. Innovations as a factor of state's improved performance in the world economic system // Revista ESPACIOS Vol. 39 (# 04) Year 2018. Page 22.
13. GII-2017: как инновации кормят мир и Россию: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научные подразделения. Институт статистических исследований и экономики знаний. [Электронный ресурс]. — URL: <https://issek.hse.ru/news/206860724.html> (дата обращения: 04.07.2019).
14. GlobalCompetitivenessIndex [Электронный ресурс]. — URL: <https://widgets.weforum.org/global-competitiveness-report-2017/> (дата обращения: 05.07.2019).
15. Mindlin Yu.B., Kolpak E. P., Gasratova N. A. Clusters in System of Instruments of Territorial Development of the Russian Federation // International Review of Management and Marketing (IRMM). — 2016, —6(S1), -p. 245–249.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

FEATURES OF FORMATION OF THE RUSSIAN INSTITUTE OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL ECONOMY

**A. Buevich
S. Varvus**

Summary. The article is devoted to the study of the peculiarities of the formation of the Russian Institute of intellectual property in the context of the digital economy. The paper presents the author's views on the problems of intellectual property protection in order to identify areas of improvement of state regulation in this area. The advantages and risks of implementing a blockchain platform for intellectual property management are identified. The main tasks of the Russian economy in the context of increasing the efficiency of the Institute of intellectual property are outlined.

Keywords: Intellectual property, digital economy, legal protection, state regulation, problems..

Бувич Анжелика Петровна

К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва
buanpet@mail.ru

Варвус Светлана Анатольевна

К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва
varvus@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей формирования российского института интеллектуальной собственности в контексте цифровой экономики. В работе представлены взгляды авторов на проблемы защиты интеллектуальной собственности с целью выявления направлений совершенствования государственного регулирования в данной сфере. Выявлены преимущества и риски внедрения блокчейн-платформы по управлению интеллектуальной собственностью. Обозначены основные задачи российской экономики в контексте повышения эффективности института интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, цифровая экономика, правовая защита, государственное регулирование, проблемы.

Интеллектуальная собственность как центральный и практически неисчерпаемый ресурс экономики в современных условиях становится основным инструментом развития цифровых технологий, формирования самостоятельного глобального цифрового рынка.

Включая в себя ряд институтов, таких как авторское и патентное право, смежные права и права на средства индивидуализации, право на секреты производства (Ноу-хау), интеллектуальная собственность оказывает ключевое воздействие на развитие цифровой экономики, демонстрирует эффективность применения интеллектуальных, научно и научно-технических ресурсов.

С другой стороны, сама цифровая экономика оказывает влияние на институт интеллектуальной собственности, что обусловлено видоизменением притязаний авторов в эпоху цифровизации, а также необходимо-

стью преобразования неохраноспособной информации в объект сделок.

Нужно сказать, что формирование и становление института интеллектуальной собственности как отдельной стороны общественных отношений произошло относительно недавно, как некий ответ на появившиеся потребности технологичного общества, осознавшего созидательную роль результатов интеллектуальной деятельности и необходимость закрепления имущественного права собственников данных результатов. При этом формирование и развитие этого института происходит по определенным законам, что подчеркивает естественность его конструкции [3].

Если в большинстве европейских государств завершение становления института интеллектуальной собственности относится к середине XIX века (при его дальнейшем совершенствовании и в наши дни), то в со-

временной России единым законодательство об охране интеллектуальных прав стало только 1 января 2008 года, что было связано с вступлением в действие 4 части Гражданского Кодекса РФ [2].

Причем, если до 2008 года в российском законодательстве дефиниции «интеллектуальная собственность» и «исключительные права» использовались как тождественные, то в последствии интеллектуальная собственность стала трактоваться как совокупность охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и хозяйствующих субъектов. То есть прослеживается уход законодателя от применения вещно-правовой категории «собственность» по отношению к нематериальным результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним объектам к категории интеллектуального права (ст. 1226 ГК).

Сам процесс становления института интеллектуальной собственности в нашей стране прошел все те же этапы развития, что и в зарубежных странах. В процессе создания экономического оборота объектов интеллектуальной собственности, а также при организации взаимных отношений субъектов, наблюдаются общие закономерности, обусловленные созданием рыночных институтов: повышение роли трансакционных издержек, формирование механизмов государственного регулирования экономико-правовой системы институтов, усиление государственного участия в экономическом развитии института интеллектуальной собственности, переход на инновационный путь развития, связанный с научно-технической революцией и вызванный ею бурным прогрессом науки, техники и технологий и т.п.

В рамках предложенного Д. Нормом [6] определения институтов, институт интеллектуальной собственности может трактоваться как совокупность формальных и неформальных ограничений, регулирующих экономические отношения, обусловленные информацией и интеллектуальными продуктами вдоль всей цепочки добавленной стоимости (производства, распределения, обмена и потребления).

Очевидно, что категория «ограничений» связана с выработкой определенных норм: формальных (патентное право, товарные знаки, коммерческая тайна и др.) и неформальных (компьютерное пиратство, проблема спецификации прав в научных изысканиях, имитация товарных знаков и др.). Следовательно, само понятие института интеллектуальной собственности предполагает существование правового регулирования и защиты в данной сфере.

При всей приоритетности правовой защиты в сфере интеллектуальной собственности, которая является стимулятором прогресса во всех отраслях экономики, а также значимости регулирования интеллектуальной деятельности как основы формирования институциональной среды гармонизации интересов экономических субъектов, сегодня в данной сфере наблюдается ряд проблем:

- ◆ кадровые, обусловленные недостатком экспертов и специалистов, в том числе по оценке стоимости интеллектуальной собственности, а также в области борьбы с интеллектуальными правонарушениями;
- ◆ структурные, связанные с отсутствием единых стандартов работы экспертов по охране интеллектуальной собственности, регламентов их деятельности, справочных энциклопедий и других специальных изданий;
- ◆ мотивирующие, причиной которых является отсутствие конкретных мер по стимулированию научной, инновационной и иной деятельности по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности, уровень которых в стране очень низкий [1].

Все указанные проблемы негативно сказываются на развитии правозащитной сферы интеллектуальной собственности. В стране по-прежнему остаются нерешенными вопросы законодательного реформирования в сфере защиты прав интеллектуальной собственности и повышения эффективности государственного регулирования в данной сфере. Все это сдерживает активное развитие института интеллектуальной собственности.

Последние годы на фоне роста вложения ресурсов в инновационную деятельность наблюдается падение ее результативности. Так, если в 2014 году интегральный показатель по вложению ресурсов в инновационную деятельность глобального индекса инновационной активности Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее — ГИИ) составлял 43,77 при результативном интегральном показателе 34,50, то к 2018 году интегральный показатель по вложению ресурсов ГИИ увеличился до 47,89, а результативный интегральный показатель снизился до 27,91 [4] (см. таблицу 1). Приведенные в таблице 1 данные наглядно демонстрируют неэффективность распределения и использования ресурсов, вложенных в формирование интеллектуальной собственности в нашей стране. Очень низким остается и процент количества результатов интеллектуальной деятельности, которые вовлечены в экономический и гражданско-правовой оборот, от общего количества созданных охраноспособных таких результатов. По данным Роспатента в 2018 году их доля составила всего 2,4%.

Таблица 1. Интегральные показатели индекса инновационной активности Всемирной организации интеллектуальной собственности для Российской Федерации в период с 2014 г. по 2018 г.

	2014	2015	2016	2017	2018
Вложения ресурсов в инновационную деятельность	43,77	45,33	46,69	48,21	47,89
Результаты инновационной деятельности	34,50	33,32	30,31	29,31	27,91
Место России в ГИИ	49	48	43	45	46

Поэтому одна из ключевых задач российской экономики состоит в совершенствовании механизмов вовлечения в экономический и гражданско-правовой обороты прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Специфика цифровой экономики состоит в постоянном росте потоков информации, идей и новаций, мгновенном обмене различного рода товарами, развитии электронной коммерции, активном использовании публичных интернет-платформ — социальных сетей, мессенджеров, медиа-площадок, интернет-магазинов и др. При этом с развитием цифровых технологий продукт интеллектуального труда становится более уязвимым для нелегального использования. Поэтому особенность формирования института интеллектуальной собственности в контексте цифровой экономики состоит в необходимости создания глобальной регулирующей и контролирующей системы.

Регулярно принимаемые поправки в отечественном законодательстве направлены на повышение эффективности использования интеллектуальной собственности, в том числе посредством создания современных методов ее защиты и механизмов коммерциализации. Для того, чтобы российский рынок интеллектуальной собственности стал полноценным, масштабным, прозрачным, высоко эффективным и обладал качественно новым уровнем доверия, необходимы интерес со стороны ведущих корпораций, наличие современной цифровой инфраструктуры, конструктивная позиция государства, а также поддержка международных организаций.

В качестве одного из направлений решения вопроса защиты интеллектуальной собственности предлагается внедрение блокчейн-платформы по управлению интеллектуальной собственностью, которая позволит повысить надежность и степень защиты авторских прав, а также систематизировать отношения участников рынка интеллектуальной собственности, тем самым облегчив управление авторскими правами и обеспечив его прозрачность. Создание блокчейн-платформы для управления объектами интеллектуальной собственности в России соответствует мировым трендам. При этом необходимо учитывать возможные риски, связанные с возникновением конкурирующих платформ и повыше-

нием стоимости контента. В настоящее время в нашей стране уже создана и развивается платформа IPChain Фонда развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Фонда «Сколково»), предоставляющая своим пользователям располагать объектами интеллектуальной собственности и узнавать, какие операции с ними совершают при помощи мониторинга информации. На данный момент система завершена и используется в промышленной эксплуатации [5].

В основе работы платформы лежат технологии блокчейн, позволяющие агрегировать информацию обо всех объектах интеллектуальной собственности, об особенностях их использования в цифровой среде (в интернете, на телевидении, в публичном пространстве, где имеется возможность распознавания воспроизводимых произведений и др.), о переходе прав собственности на эти объекты. Учитывая возможности блокчейна по отслеживанию использования объектов и регистрации с ними различного рода сделок, предполагается, что в перспективе данная платформа послужит базой для создания бирж по продаже прав.

В условиях цифровой среды появляется возможность ввода в оборот объектов, не рассматриваемых в традиционной сфере интеллектуального права, например — сложных трехмерных информационных моделей, цифровых описаний генетического редактирования, алгоритмов «искусственного интеллекта» и др. Все это может позволить перейти от устаревшей системы коллективного управления правами к системе индивидуального управления правами.

В условиях цифровой экономики происходит смена института посредничества на цифровые платформы, предоставляющие пользователям возможности прямого взаимодействия с производителями контента.

Однако при всех преимуществах внедрения данной платформы в стране сохраняются проблемы ее применения, обусловленные, во-первых, отсутствием законодательной базы. В России зачастую законодатель предпринимает попытки подстроить технологии под устаревшие законодательные нормы вместо того, чтобы адаптировать законодательство к появлению новых

технологий, как это делается в развитых странах. Отсутствие правового поля усложняет легализацию проектов и вынуждает стартапы базироваться за рубежом. Возникают сложности и со смарт-контрактами, являющимися электронными протоколами, созданными с помощью компьютерного кода, с целью передачи информации и обеспечения исполнения условий контракта обеими сторонами. По российскому законодательству они не являются договорами, подписанными электронной подписью, которая выдается только авторизованным удостоверяющим центром, а, следовательно, не является объектом интеллектуальной собственности и не может быть предметом судебного разбирательства;

Во-вторых, молодостью технологии. В данном случае имеется проблемы с повсеместным промышленным использованием блокчейн-платформы из-за ее незрелости, с одной стороны, и из-за неосознанности положительного эффекта от нее со стороны бизнеса и государства, с другой стороны. В-третьих, нехваткой специалистов и информации о самой технологии и о потенциальных её перспективах в различных отраслях экономики. Учитывая вышеизложенное, мы опять возвращаемся к вопросу нормативной базы.

К сожалению, пока в нашей стране, несмотря на постоянные попытки совершенствования законодательства в области защиты интеллектуальной собственности, государственное регулирование несоизмеримо с международными стандартами. В частности, в настоящее время отсутствуют четкие критерии расчета и взыскания размера компенсации при нарушении исключительных прав. Произвольное заявление правообладателем завышенной суммы требований при отсутствии объективной независимой оценки исключительного права чревато злоупотреблением прав. В то же время наблюдаемое занижение судами размера взыскиваемой компенсации делает правовую защиту интеллектуальной собственности бессмысленной.

В российском законодательстве и судебной практике имеются проблемы с защитой права на неприкосновенность произведений по причине отсутствия четких критериев для понимания того, где произведение может быть переработано, а где должно сохраняться право на его неприкосновенность. Установить это возможно только на основании экспертизы, которая является субъективной. Реализация удовлетворения требования автора о запрете использования произведения на практике зачастую несоизмеримо совершенному нарушению. Не решены также и проблемы легализации параллельного импорта товаров, злоупотребления интеллектуальными правами со стороны правообладателей, регистрации торговых марок лишь с намерением ограничения конкуренции на рынке и т.д.

При этом обратим внимание, что российские суды, как правило, синонимизируют злоупотребление правом и недобросовестную конкуренцию, что в корне не верно. Учитывая то, что злоупотребление правом является более древним институтом, упоминаемым еще в римском праве, а понятие недобросовестной конкуренции появилась только в конце XIX века вместе с Парижской конвенцией по охране промышленной собственности, ставить равенство между этими понятиями не является верным. Недобросовестная конкуренция может быть злоупотреблением правом, но так происходит не всегда. Все зависит от характера отношений конкурирующих субъектов. То есть одни и те же действия в конкурентных условиях могут обладать признаками злоупотребления правом, а при отсутствии конкурентных отношений не будут. И для верного принятия решений требуется наличие квалифицированных специалистов, проблемы отсутствия которых отмечалась авторами выше.

Еще одна проблема формирования полноценного института интеллектуальной собственности в условиях современной экономики состоит в недооцененности ее роли и значения в качестве генетической основы современного бизнеса и предмета залога, в неразвитости нормативных правовых механизмов банковского кредитования под залог объектов интеллектуальной собственности, а также в отсутствии у банков опыта работы с данным способом обеспечения исполнения кредитных обязательств. Так, если за рубежом стоимость интеллектуальной собственности высока и банки предоставляют под ее залог кредит, то в России такой возможности нет.

Сложной является и система передачи результатов интеллектуальной собственности в экономику Российской Федерации. Учитывая то, что по данным Роспатента, до 90% НИОКР в России финансируются государством, задача трансфера технологий стоит также достаточно остро.

В целом можно сказать, что в условиях ускорения технологического развития, превышающего по своим параметрам все ранее наблюдавшиеся явления, которые сопровождаются быстрым появлением новых продуктов и результатов при отставании в получении выгоды от предыдущих и развитии новых технологий, необходимо такое же ускоренное развитие правовых инструментов, регулирующих вопросы интеллектуальной собственности.

Обобщая вышесказанное, отметим, что в статье были представлены взгляды и позиции авторов на вопросы защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровой экономики. В контексте специфики цифровой экономики выделены особенности формирования российского института интеллектуальной собственности, а также обозначены основные проблемы государственного регулирования в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестнев Р. Е. Актуальные проблемы правовой защиты прав интеллектуальной собственности // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по мат. XXXVII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 8 (37). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/8\(37\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/8(37).pdf) (дата обращения: 17.06.2019).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) / КонсультантПлюс — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения 21.06.2019).
3. Калятин В. О. Функции режима общественного достояния в современном информационном обществе // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 4. С. 4–16.
4. Развитие сферы интеллектуальной собственности в свете «Основных направлений деятельности Правительства РФ до 2024 г.» // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. № 3 / 2019. URL: <https://rupto.ru/ru/news/razvitie-sfery-intellektualnoj-do-2024-g> (дата обращения: 20.06.2019).
5. Бувеч А. П., Варвус С. А. Электронный муниципалитет — первая ступень цифровой экономики // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 1. С. 29–32.
6. Сергеева А. Интеллектуальной собственности требуется защита. Для авторских прав и от пиратов / Анна Сергеева // Коммерсантъ, «Review IPQuorum 2018». Приложение № 71 от 24.04.2018. С. 13 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3607862> (дата обращения: 19.06.2019).
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Дуглас Норт. Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с

© Бувеч Анжелика Петровна (buanpet@mail.ru), Варвус Светлана Анатольевна (varvus@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

САНКЦИИ КАК НЕРЫНОЧНЫЙ ФАКТОР РИСКА ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК

Баринов Георгий Олегович

Аспирант, Финансовый университет при
Правительстве РФ
Mr-Brownstone@yandex.ru

SANCTIONS AS A NON-MARKET RISK FACTOR FOR AGRICULTURAL ENTERPRISES

G. Barinov

Summary. This article examines the modes of sanction restrictions applied by the US and the EU against Russia in the period 2014–2019 and their efficiency in terms of the influence on the economic situation in Russia. The problems of application of sanctions and examples of “bypass” anti-sanctions measures at various levels of government are defined and analyzed. Conclusion is drawn on the conditions under which it is possible to achieve the effectiveness of sanctions. Recommendation to use of anti-sanction tools for the purpose of ensuring national food security of the Russian Federation by agricultural enterprises is proposed.

Keywords: sanctions, sanctions regime, economic crisis, efficiency, anti-sanctions measures, agricultural enterprises.

Аннотация. В статье исследуются режимы санкционных ограничений, примененных США и ЕС в отношении России в период 2014–2019 гг. Проанализирована эффективность и результативность применения санкций с точки зрения их влияния на экономическую ситуацию в России. Определены проблемы применения санкционных режимов и приведены примеры «обхода» режима санкций через разработку антисанкционных мероприятий на различных уровнях государственного управления. Сделан вывод относительно условий, при которых удастся достичь эффективности применения санкций. Предложена рекомендация по применению антисанкционного инструментария для целей обеспечения национальной продовольственной безопасности РФ предприятиями АПК.

Ключевые слова: санкции, санкционный режим, кризис экономики, эффективность, антисанкционные мероприятия, предприятия АПК.

Введение

Введение отдельными странами и международными организациями режима санкций на сегодня, в условиях дальнейшей глобализации, стало одним из основных реальных инструментов влияния на поведение отдельных субъектов на международной арене.

Санкции рассматриваются как меры предосторожности и ограничительные меры, которые позволяют реагировать на политические вызовы и события, противоречащие целям и ценностям применяемых стран [4]. Для примера, ЕС определяет следующие ключевые цели при применении режима санкций [2]:

- ◆ обеспечение ценностей, фундаментальных интересов и безопасности ЕС;
- ◆ сохранение мира;
- ◆ укрепление и поддержка демократии, верховенства права, прав человека и принципов международного права;
- ◆ предотвращение конфликтов и укрепление международной безопасности.

Экономические санкции включают:

- ◆ эмбарго на поставки определенных товаров и технологий;
- ◆ замораживание активов, принадлежащих лицам или организациям, включенным в санкционные

списки (все их активы замораживаются, а физические и юридические лица не могут предоставлять любые средства указанным лицам);

- ◆ целевые ограничения в отношении отдельных отраслей и видов экономической деятельности, включая запрет на импорт или экспорт определенных товаров, инвестиционные запреты, запрет на поставку определенных услуг и т.д. [16; 10]

В организационно-управленческом плане режим санкций — это риски, которые надо анализировать и которыми надо управлять для минимизации ущерба, негативных последствий и выработки контр-санкционных мер. Поэтому целью исследования была выбрана оценка эффективности антисанкционных мероприятий в сфере АПК — одной из наиболее динамично развивающихся сфер российской экономики.

Характер санкций в АПК и риски

Рассмотрим как отразилась ситуация для предприятий АПК в Российской Федерации за 2014–2019 гг., а также проанализируем, какие мероприятия были разработаны и оказались наиболее эффективными.

В настоящее время агропродовольственный комплекс РФ вместе с экономикой страны в целом функ-

ционируют в сложных социально-экономических условиях. В список стран, которые не могут осуществлять ввоз в Россию сельскохозяйственную продукцию, сырье и продовольствие, дополнительно включены Албания, Черногория, Исландия, Лихтенштейн и Украина. Данное постановление направлено на распространение специальных ответных экономических мер на отдельные государства с учетом степени их вовлеченности в санкционный режим против нашей страны. Преимущественно антироссийские санкции отрицательно сказались на финансово-инвестиционных условиях развития агропромышленного комплекса России. Европейский банк реконструкции и развития с участием фирм Франции и США в июле 2014 года заморозил инвестиции в аграрные проекты на 271 млн. долл., что эквивалентно 45% прямых иностранных инвестиций, привлеченных в АПК РФ в 2014 году. Несмотря на это приток внешних инвестиций в российское сельское хозяйство сохранился. Суммарные привлеченные прямые иностранные инвестиции в сельском хозяйстве снизились лишь на 12% в 2015 году по сравнению с I кварталом 2014 года.

Санкции повлияли и на российское аграрное кредитование. Введение санкций против «Россельхозбанка», который осуществлял кредитования сезонно-полевых работ на 65% и на 40% общее кредитование агропромышленного сектора, а также против «Сбербанка», который осуществлял кредитования сезонно-полевых работ на 30%, что привело к значительному сокращению возможности привлечения ими внешних финансовых ресурсов. Данная ситуация привела к сокращению для аграрного сектора экономики доступности «внутренних» кредитов из-за фактического удвоения процентных ставок. В начале 2015 года ставки по кредитам выросли до 25–27%, а в 3 квартале сократились до 18–19%. По оценке Минсельхоза Российской Федерации, сельское хозяйство получило на 5% меньше краткосрочных и на 28% инвестиционных кредитов в первом полугодии 2015 года. В целях недопущения кредитного кризиса Правительство РФ повысило субсидирование по кредитам для АПК до 15%, а «Россельхозбанку» оказало помощь в размере 15 млрд. руб., что привело к сокращению кредитно-инвестиционной базы реализации стратегии продовольственной безопасности России до 2020 года, инвестиционный потенциал которой, по оценкам экспертов, превышает 4 трлн. руб. [7].

Антисанкционные государственные меры в АПК и их эффективность

Аграрный комплекс РФ, поддерживаемый государством и последние годы тянувший вперед российскую экономику, начал притормаживать. Прошедший год показал, что отрасль все еще серьезно зависит от погодных условий, медленно разворачивается в сторону

новых технологий, теряет доходность. Однако реализуемые инициативы и актуальные тренды позволяют рассчитывать на то, что это временное явление, и включение новых механизмов позволит отрасли вернуть свое лидирующее положение в экономике страны. Уже традиционно было продлено продовольственное эмбарго, которое действует с августа 2014 года, а отрасль вместо импортозамещения получила новую стратегическую задачу — к 2024 году удвоить экспорт и довести его до \$45 млрд.

Переориентация с импортозамещения на активное развитие экспорта в 2018 году обрела реальные черты в виде национального проекта «Экспорт продукции АПК» [10].

В 2018 году был принят закон об органическом сельском хозяйстве [15], который также даёт аграриям хорошие шансы не только на работу на внутреннем рынке, но и на покорение зарубежных потребителей. Срок действующей госпрограммы развития сельского хозяйства (2013–2020 гг.) был продлен до 2025 года, в нее включены федеральные проекты «Развитие экспорта продукции АПК», «Цифровизация сельского хозяйства» и «Создание системы поддержки фермеров и сельскохозяйственной кооперации».

В настоящее время Минсельхоз работает над корректировкой единой субсидии, в которой будут учтены особенности регионов. Субсидию планируется разделить на компенсирующую и стимулирующую части, и стимулирующая часть будет направляться на реализацию региональных программ, отбираемых по конкурсу. Разделение начнет действовать с 2020 года. В целом объем финансирования госпрограммы развития сельского хозяйства на 2019–2025 годы составляет более 2,5 трлн. рублей, в том числе 2,3 трлн. рублей — из федерального бюджета.

Важным событием для продовольственного рынка стало внедрение системы обязательной электронной ветеринарной сертификации [14; 12], которая является важным звеном в системе прослеживания продукции животноводства. Также в отрасли активизировалась работа по масштабному практическому внедрению цифровых технологий и ускоренной модернизации, развитию отечественной селекции и семеноводства. Положительным трендам в АПК противостоит отсутствие понятных, долгосрочных, предсказуемых «правил игры», проблемы со спросом на внутреннем рынке и доступностью кредитных ресурсов для производителей, инфраструктурные и логистические проблемы, увеличение налоговой и административной нагрузки, влияние санкций и политической турбулентности, а так же рост издержек [1].

Таблица 1. Статистические показатели, которые характеризуют состояние АПК РФ в период санкционного режима*

Виды импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации	2014	2015	2016	2017	2018	Янв-июль 2019	Прогн оз 2019	Темп прироста, % (2019/2018)
Мясо крупного рогатого скота парное, остывшее, охлажденное	185,3	203,3	194,7	205,1	227,1	127,4	254,8	112,2
Мясо крупного рогатого скота подмороженное, замороженное, глубокой заморозки и размороженное	43,2	51,7	49,9	56,7	70,7	33,7	67,4	95,4
Свинина парная, остывшая, охлажденная	1438	1655	1947	2171	2414	1416	2832	117,3
Свинина подмороженная, замороженная, глубокой заморозки и размороженная	97,1	108,3	94,8	233,0	253,6	155,7	311,3	122,7
Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы, в том числе:	3978	4339	4464	4839	4877	2692	5385	110,4
мясо парное, остывшее, охлажденное и субпродукты пищевые домашней птицы	2456	2715	2866	1303	1273	598	1196	94,0
мясо подмороженное, замороженное, глубокой заморозки и размороженное и субпродукты пищевые домашней птицы	1508	1604	1574	3014	3069	1782	3564	116,1
Изделия колбасные	2475	2445	2436	2260	2282	1302	2604	114,1
Рыба живая, свежая или охлажденная	1167	1175	1341	111	154	66	131	85,5
Ракообразные немороженные; устрицы; водные беспозвоночные прочие, живые, свежие или охлажденные	55,5	67,9	63,6	17,3	17,4	8,7	17,3	99,8
Филе рыбное, мясо рыбы прочее, печень, икра и молоки рыбы свежие или охлажденные	21,1	18,8	20,7	44,3	52,5	21,5	43,1	82,0
Рыба (кроме сельди) мороженая, печень, икра и молоки рыбы мороженые	2347	2501	2606	3087	3056	1741	3482	113,9
Филе рыбное мороженое	109,9	123,0	141,3	148,3	155,3	98,9	197,9	127,4
Сельдь всех видов обработки	475,3	461,4	468,8	854,5	846,7	489,6	979,2	115,6
Фруктоовощная продукция замороженная	45,8	55,4	71,7	132,9	150,3	91,3	182,5	121,4
Фруктоовощные консервы	7861	7248	6919	34,5	38,3	17,5	35,0	91,5
Фрукты, ягоды и орехи сушеные	12,0	12,2	11,0	17,3	16,6	7,9	15,9	95,4
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко), млн. тонн	11,5	11,7	11,9	270,2	266,7	150,6	301,1	112,9
Молоко жидкое обработанное	5349	5448	5569	5390	5466	3158	6316	115,6
Сливки	114,8	120,8	125,1	132,9	150,3	91,3	182,5	121,4
Творог	387,0	415,9	410,5	485,9	501,4	272,6	545,2	108,7
Масло сливочное	250,5	256,3	250,9	270,2	266,7	150,6	301,1	112,9
Сыры и продукты сырные	499,2	588,7	605,2	463,9	466,8	296,5	593,0	127,0
Продукты молочные сгущенные	832,5	827,8	854,2	837,1	805,9	420,9	841,8	104,5
Продукты кисломолочные, кроме сметаны и творога	2519	2444	2491	2896	2820	1666	3333	118,2

*В соответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности ОК 034–2014 (ОКПД2)

Рис. 1. Порядок отбора предприятий АПК и ИП при реализации программы поддержки 512*

* Министерство сельского хозяйства Российской Федерации // Соглашение о повышении конкурентоспособности (СПК) 2019. URL: https://export67.com/files/251/msh_normativka-spk-dlya-r.pdf.

Поэтому как сами сельхозпроизводители, так и отраслевые эксперты считают, что 2019 год будет для аграриев сложнее, чем предыдущий, связывая это с дальнейшим усилением санкционного давления и падением экономики [11]. Приведем статистические показатели, которые характеризуют состояние АПК РФ в период санкционного режима (таблица 1).

Как видно по таблице 1 наблюдается не спад и ухудшение показателей основных импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации, а стабильный прирост. Исключением и не критическим снижением являются такие виды продукции как мясо крупного рогатого скота подмороженное, замороженное, глубокой заморозки и размороженное (спад на 4,6%), мясо парное, остывшее, охлажденное и субпродукты пищевые домашней птицы (спад на 4,0%), рыба живая, свежая или охлажденная (спад на 14,5%), филе рыбное, мясо рыбы прочее, печень, икра и молоки рыбы свежие или охлажденные (спад на 18,0%), плодоовощные консервы и фрукты, ягоды и орехи сушеные (спад на 8,5% и 5,6% соответственно).

Это связано с тем, что Министерство сельского хозяйства Российской Федерации были разработаны и внедрены антисанкционные мероприятия, которые способствовали стабилизации и оптимизации производства продукции АПК. К таким мероприятиям следует относить:

1. Федеральный уровень — Постановление Правительства РФ от 26.04.2019 № 512 (Льготное креди-

тование организаций и ИП, заключивших соглашение о повышении конкурентоспособности);

2. Федеральный уровень — Приказ Минсельхоза России от 09.07.19 № 388 (Об утверждении порядка и критериев отбора сельскохозяйственных товаропроизводителей (за исключением сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов), организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих производство, первичную и (или) последующую (промышленную) переработку сельскохозяйственной продукции и ее реализацию, для заключения соглашений о повышении конкурентоспособности, а также формы соглашения о повышении конкурентоспособности);
3. Муниципальный уровень — Соглашение о повышении конкурентоспособности (далее — СПК) заключается между Минсельхозом России, субъектом Российской Федерации, и организацией или индивидуальным предпринимателем, осуществляющими производство и (или) переработку продукции и ее реализацию на внутреннем и внешних рынках. СПК реализуется организацией, в том числе с привлечением со-исполнителей входящих с ней в одну группу компаний.

В обеспечение реализации механизма по СПК (Приказ Минсельхоза России от 09.07.19 № 388) были утверждены: порядок и критерии отбора организаций и ИП для заключения СПК, порядок заключения соглашений (СПК), форма соглашения.

Порядок отбора предприятий АПК и ИП при реализации программы поддержки 512 представлен в виде алгоритма на рисунке 1.

По данным консалтинговой компании Deloitte, уже 30% российских аграрных компаний оценивают перспективы и эффективность программы поддержки 512 в 2019 году, и это в первый год реализации программы. В результате индекс «Перспективы АПК» по прогнозам должен увеличиться с 37,5% до 70,2% к 2025 году.

Стратегия государства и производителей

Ввиду того что большинство целевых показателей программы продовольственной безопасности на сегодняшний день уже выполнены, агробизнес должен начать движение в сторону выхода на новый качественный уровень, наращивая объемы глубокой переработки сельхозпродукции. Главным показателем успешной работы отрасли должно стать увеличение экспорта сельхозпродукции АПК с \$20 млрд. в 2018 году до \$45 млрд. в 2024-м [16].

Со стороны государства необходимо создать условия для выработки экспорто-ориентированной модели экономического развития АПК, так как рубеж импортозамещения уже пройден.

Теперь модель развития должна быть направлена на повышение конкурентоспособности и поддержание доходов в секторе [21].

Производителям нужно активнее осваивать внешние рынки сбыта, к чему многие компании уже готовы, но, ввиду определенных ограничений (например, фитосанитарных), не могут начать экспорт продукции — так как важные и необходимые решения на уровне государства зачастую не принимаются годами.

По мнению ряда специалистов, дополнительный импульс аграрный сектор России мог бы получить в результате более активного распространения биотехнологий. Генная революция, связанная с созданием продовольственных и технических сельскохозяйственных культур с новыми или улучшенными свойствами и с менее высокой себестоимостью стимулирует как рост сельхозпроизводства, так и вовлечение в АПК регионов, которые ранее не были заняты в данной отрасли по причине неблагоприятных климатических условий.

Пока в России общество настроено в основном отрицательно в отношении генно-модифицированных (ГМ) продуктов, не подозревая, что оно их уже актив-

но потребляет. Наиболее часто источники встречаются в продуктах, содержащих сою, — 16,4%, мясных продуктов — 17,7%, хлебобулочных и макаронно-крупяных изделий — 16,7%. В мировые лидеры по производству ГМ культур выходят Китай, Бразилия, Индия [5, с. 353].

ГМ культуры, по мнению сторонников развития биотехнологий, повышают эффективность сельскохозяйственного производства, расширяют климатические и природные границы распространения сельскохозяйственных культур, повышают устойчивость к вредителям, а также становятся всё более эффективным инструментом борьбы с голодом. По мнению учёных, отказ от создания ГМ культур может привести к серьёзному отставанию от мировых конкурентов в области сельского хозяйства. «Исследователи приходят к единодушному выводу, что ни само производство ГМО, ни их употребление в пищу даже в течение пяти поколений не несёт никаких дополнительных рисков по сравнению с обычными продуктами», — 108 пишут биологи [5, с. 353].

В результате применения генных технологий российское сельское хозяйство смогло бы стать более прибыльным за счёт роста производства продовольствия и повышения диверсификации ассортимента и улучшения характеристик товаров, балансирования пищевого рациона, следствием стало бы увеличение уровня жизни на селе. Сельское хозяйство на сегодняшний день является одной из наиболее активно развивающихся отраслей национальной экономики. Одной из причин такого роста являются именно введенные в 2014 г. экономические санкции. Они послужили мощным стимулом развития отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Министр сельского хозяйства А. Ткачев отмечает, что на сегодняшний день на полках магазинов 80% продуктов отечественного производства и только 20% — зарубежного. Однако всё равно важно наращивать производство, в первую очередь, таких продуктов, как мяса птицы и скота, овощей, молока, плодово-годной продукции. «Полное обеспечение российских потребителей отечественными овощами и фруктами прогнозируется через 3–5 лет». Прогноз министра сельского хозяйства позволяет ожидать дальнейшего развития отрасли, однако без модернизации, введения новых технологий этот рост будет краткосрочным [13].

Выводы

Проведенный анализ свидетельствует о неоднозначности процесса применения санкций, их эффективности и результативности, как инструмента влияния.

В части макроэкономического влияния среди основных результатов введение антироссийских санкций следует отметить вывод из России инвестиционного капитала, имеющего общее макроэкономическое влияние на экономику России, и её качественные показатели. Причиной чего стали как переоценка рисков инвестирования и ведения бизнеса в России, так и соблюдение санкционных ограничений. В то же время, отток капитала не был вызван исключительно санкциями. Фактически он начался за несколько месяцев до введения санкций благодаря негативному прогнозу развития российской экономики через ее зависимость от экспорта нефти. В общем, в краткосрочной перспективе желаемые результаты от применения санкций достигаются в совокупности с другими факторами влияния в зависимости от конкретной ситуации на внешних внутренних рынках.

В то же время, в долгосрочной перспективе применение санкций отношении той или иной страны приводит к ее неотвратимого технологического и экономического отставания, а значит, ослабляет конкурентные преимущества этой страны и спо-

собность выдерживать длительное противостояние.

Текущее состояние отрасли АПК позволяет перейти на качественно новый уровень в её развитии путем перехода к глубокой переработке сельхоз продукции. Не смотря на санкционное давление, выполнение целевого показателя дохода от экспорта в \$45 млрд. в 2024-м году является выполнимым, при условии активного участия государства.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что обеспеченность сельхозугодиями земледелия и животноводства в нашей стране меньше, чем в европейских станах, а продуктивность сельского хозяйства остаётся пока вдвое ниже. Прогресс в этой области заметен особенно в последние годы, когда был объявлен курс на импортозамещение, но главным тормозом в развитии отрасли остаются не только её недофинансирование, но и общая технологическая деградация, которую преодолеть можно только созданием современной инфраструктуры, внедрением биотехнологий, позволяющих сокращать потери и увеличивать результат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрный локомотив на запасных путях стагнации // INTERFAX.RU. 06.01.2019. URL: <https://www.interfax.ru/business/644108> (дата обращения 18.08.2019).
2. Архипова В.В., Комолов О.О. Развитие международных санкционных режимов: исторический аспект // Российский внешнеполитический вестник. 2016. — № 3. — С. 53–69.
3. Гончаренко Л.П., Шарко Е.Р., Сибачин С.А. Уровень достаточности финансовой и социальной компонент организационно-экономического механизма стратегического управления экономической безопасности России: региональный аспект // Национальная безопасность / nota bene. — 2018. — № 2. — С. 48–68. DOI: 10.7256/2454–0668.2018.2.26518. URL: http://e-notabene.ru/pnb/article_26518.html.
4. Костяев С. Мрачные перспективы: что происходит с государствами под санкциями США. URL: www.rbc.ru/opinions/politics/26/04/2016/571f42379a79471fa7cb8900 (дата обращения 15.08.2019).
5. Кузнецова Г. В. Россия в системе международных экономических отношений: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2016. 353 с.
6. Максимова Е., Ганенко И. Агробизнесу нужны новые стратегии // Agroiinvestor.ru. 7 августа 2018. URL: <https://www.agroiinvestor.ru/analytics/article/30201-agrobiznesu-nuzhny-novye-strategii/> (дата обращения 18.08.2019).
7. Маханько Г.В. Проблемы АПК Российской Федерации в условиях экономических санкций и пути их решения // Научный журнал КубГАУ.— 2017.— № 132(08).— С. 1–20.
8. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации // Соглашение о повышении конкурентоспособности (СПК) 2019. URL: https://export67.com/files/251/msh_normativka-spk-dlya-r.pdf (дата обращения 18.08.2019).
9. Официальная статистика // Показатели, характеризующие импортозамещение в России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/importexchange/# (дата обращения 18.08.2019).
10. Паспорт федерального проекта «Экспорт продукции АПК» // Утвержден протоколом заседания проектного комитета национального проекта «Международная кооперация и экспорт» от 14 декабря 2018 г. № 5. URL: <http://mcx.ru/ministry/departments/departament-informatsionnoy-politiki-i-spetsialnykh-proektov/industry-information/info-federalnyi-proekt-eksport/> (дата обращения 18.08.2019).
11. Петрова М. 2019 год будет для аграриев сложнее // DairyNews.ru. 24.12.2018. URL: <http://www.dairynews.ru/news/marina-petrova-2019-god-budet-dlya-agrariyev-slozhn.html> (дата обращения 18.08.2019).
12. Приказ Минсельхоза «Об обязательной электронной ветеринарной сертификации с 01 июля 2018 года» от 27.12.2016 № 589. URL: <http://www.rshn-kbr.ru/index.php/smotret-vse/2484-elektronnaya-veterinarnaya-sertifikatsiya-s-1-iyulya-2018-goda> (дата обращения 18.08.2019).
13. Развитие сельского хозяйства в России: реалии и перспективы // «Комсомольская Правда». URL: <http://www.kp.ru/guide/razvitie-sel-skogo-khozjaistva-v-rossii.html> (дата обращения: 15.09.2019).

14. Федеральный закон «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О ветеринарии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 243-ФЗ. Доступ из системы КонсультантПлюс: <http://help.vetr.ru/images/f/f9/243-%D0%A4%D0%97.pdf> (дата обращения 18.08.2019).
15. Федеральный закон «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 3 августа 2018 г. N280-ФЗ. URL: <https://rg.ru/2018/08/06/fz280-dok.html> (дата обращения 18.08.2019).
16. EU restrictive measures in response to the crisis in Ukraine. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/Ukraine-crisis> (дата обращения 17.08.2019).

© Баринов Георгий Олегович (Mr-Brownstone@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ СФЕРЫ УСЛУГ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ БИЗНЕС-АНАЛИТИКИ

INCREASE IN EFFECTIVE MANAGEMENT OF THE ORGANIZATION OF SERVICES SECTOR WITH USE OF MODERN SYSTEMS OF BUSINESS ANALYTICS

**T. Bachina
Yu. Evsenkina
E. Frolova**

Summary. In this article the problem of improvement of management of the organization of services sector is considered. SWOT analysis of activity of the organization of services sector is carried out and the development strategy of the organization is defined. Need of application of a system of monitoring of a condition of business and the external environment with use of tools of modern business analytics is revealed. The model of functioning of processes of the business analysis when using a BI system is made and highlights of its introduction are described. For justification of introduction of BI tools calculation and comparison of key indicators of process of drawing up the business analysis is carried out.

Keywords: control system of the organization, strategic development, efficiency of activity of the organization, adoption of management decisions, competitiveness, SWOT analysis.

Бачина Татьяна Валерьевна

*К.э.н., доцент, Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина
bachina_t@mail.ru*

Евсенкина Юлия Михайловна

*К.с.-х.н., доцент, Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина
evsenkina@mail.ru*

Фролова Евгения Сергеевна

*Экономист, АО «Точинвест» (г. Рязань)
frolova.janes@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема совершенствования процесса управления организацией сферы услуг. Проведен SWOT-анализ деятельности организации сферы услуг и определена стратегия развития организации. Выявлена необходимость применения системы мониторинга состояния бизнеса и внешней среды с использованием инструментов современной бизнес-аналитики. Составлена модель функционирования процессов бизнес-анализа при использовании BI-системы и описаны основные моменты ее внедрения. Для обоснования внедрения BI-инструментов проведен расчет и сравнение ключевых показателей процесса составления бизнес-анализа.

Ключевые слова: система управления организацией, стратегическое развитие, эффективность деятельности организации, принятие управленческих решений, конкурентоспособность, SWOT-анализ.

В настоящее время с развитием экономики расширяется сфера использования бизнесом больших данных, с их помощью открываются новые возможности для анализа и составления наиболее точных стратегий действия организаций. Расширение потоков информации ставит вопрос об обеспечении ее качества и систематизации для дальнейшей качественной обработки и принятия на ее основе управленческих решений.

Важным является факт обеспечения фирм качественной информацией о внешней среде и высокой скоростью поступления данных об ее изменениях. Иными словами, в современных условиях ускорения операционных процессов необходимо пересмотреть классические модели управления фирмой с использованием современных цифровых технологий, которые позволяют обеспечить наиболее быстрое и качественное составление аналитики по результатам деятельности бизнеса.

BI-система призвана обеспечивать ускорение обработки операционной информации за счет координации

действий всех отделов компании, информация поступает из многих источников и становится доступна всем потенциальным пользователям без дополнительной выгрузки отчетов и получения доступа.

Снижение издержек происходит за счет ускорения принятия управленческих решений и своевременного поступления информации в компанию из внешней среды. Чем быстрее менеджмент фирмы получит данные об изменениях на рынке, тем выше вероятность эффективного реагирования на данные изменения. Здесь же раскрывается задача снижения управленческих рисков [1].

Инструменты BI представляют руководству полную визуализацию текущей ситуации по основным параметрам деятельности и позволяют повысить эффективность управленческих решений [5]. За счет накопления информации, ее обработки и анализа фирма может с помощью аналитической системы получать прогнозы о возможных направлениях деятельности на рынке, из-

Таблица 1. Результаты балльной оценки факторов SWOT-анализа [3, 4]

Сильные стороны		Слабые стороны	
Сложившаяся репутация на рынке	19	Слабо проработанная маркетинговая деятельность	34
Наличие уникальных торговых предложений (собственные подразделения бизнеса)	17	Отсутствие современных предложений для посетителей	34
Наличие популярных якорных арендаторов	21	Несвоевременность отклика на изменения в отрасли	33
Развитая корпоративная культура	14	Составление бизнес-аналитики «вручную»	31
Возможности		Угрозы	
Сотрудничество с новыми арендаторами	21	Быстрое изменение потребностей потенциальных посетителей	28
Развитие малого бизнеса и франчайзинга	18	Потеря якорных арендаторов	36
Информационный прогресс	24	Присутствие на рынке наиболее популярных конкурентов	32
Расширение возможностей размещения рекламы	23	Потребность в полном обновлении бизнеса	34

менении внешних факторов, что способствует поддержанию принятия стратегических решений.

Увеличение эффективности управления компанией является ключевой задачей внедрения BI системы, она является комплексной и достигается за счет повышения скорости обработки информации, наиболее адаптированного ее представления для пользователей и принятия менеджментом фирмы текущих и долгосрочных решений на ее основе.

Рассмотрим организацию сферы услуг. Основной вид деятельности — осуществление сдачи в аренду торговых площадей как собственным бизнес направлениям, так и сторонним организациям на основе договоров аренды.

Данная организация является объектом, чье положение на рынке зависит от сложившейся репутации и выгодно выстроенных отношений с арендаторами. Для эффективного функционирования данного вида бизнеса важно понимать целевую аудиторию и проводить анализ отдачи средств с имеющихся площадей. Качественный подбор арендаторов, расположение, инфраструктура торгового комплекса и его репутация являются ключевыми факторами для потенциальных посетителей. Для данного бизнеса важно осознание текущей ситуации и скорость реагирования на изменяющиеся интересы потенциальных посетителей, очень важно своевременно принимать решения для поддержки бизнеса.

Для проведения SWOT-анализа, необходимо рассмотреть внутреннюю и внешнюю среду организации с использованием метода попарного сравнения (Таблица 1).

На основе составленного взаимодействия определены возможные варианты развития деятельности.

Поддержание сильных сторон за счет возможностей, которые есть во внешней среде — SO:

1. Сложившаяся репутация на рынке/сотрудничество с новыми арендаторами.

Репутация торгового комплекса должна положительно сказаться на возможности привлечения новых арендаторов для сотрудничества. В результате есть возможность повысить показатели результативности деятельности организации.

2. Наличие популярных якорных арендаторов/расширение возможностей размещения рекламы.

За счет размещения таргетированной рекламы в браузерах и социальных сетях, а также поддержания качественного веб-сайта возможно привлечение дополнительных посетителей среди заинтересованной в услугах якорных арендаторов аудитории.

3. Развитая корпоративная культура/информационный прогресс

За счет развития способов сообщения между сотрудниками в части ИТ-решений можно достичь повышения

скорости решения возникающих в процессе работы проблем. Корпоративные порталы позволяют сотрудникам, относящимся к различным бизнес-направлениям совместно решать поставленные задачи и принимать ключевые решения. Наличие системы анализа информации для бизнеса упростит доступ к результатам анализа для сотрудников различных отделов.

Укрепление слабых сторон за счет возможностей внешней среды — W0:

4. Слабо проработанная маркетинговая деятельность/Расширение возможностей размещения рекламы.

Благодаря существованию современных инструментов размещения рекламы в сети интернет и возможности сотрудничества с поисковыми платформами можно расширять маркетинговую деятельность и увеличивать присутствие информации об организации на открытых интернет-площадках.

5. Отсутствие современных предложения для посетителей/Развитие малого бизнеса и франчайзинга.

Развитие малого бизнеса в сфере уникального предложения товаров/услуг для посетителей создает новых и интересных посетителям потенциальных арендаторов. При мониторинге текущего состояния предпринимательства в городе есть возможность заключить контракт с перспективным малым бизнесом с целью привлечения дополнительных посетителей. Возможность открытия популярных франшиз магазинов и ресторанов фудкорта привлекает также создает дополнительный поток посетителей.

6. Несвоевременность отклика на изменения в отрасли/Информационный прогресс.

Современные системы сбора и обработки информации, проведение опросов в сети интернет дают возможность мониторинга тенденций в отрасли, за счет чего можно оперативно реагировать на новые потребности и ключевые изменения в деятельности торговых объектов.

7. Составление бизнес-аналитики «вручную»/Информационный прогресс.

Развитие систем обработки информации позволяет повысить скорость анализа информации для бизнеса и составления основной отчетности по ключевым показателям. Облачные технологии дают возможность руководству являться первичным пользователем составленных отчетов и видеть реальное положение дел в организации.

Укрепление слабых сторон, на которые влияют угрозы из внешней среды — W1:

8. Слабо проработанная маркетинговая деятельность/Потеря якорных арендаторов.

Из-за того, что торговым комплексом не обеспечивается необходимый поток посетителей за счет рекламы, ключевые арендаторы могут перейти в наиболее востребованное место, где будет возможность получения дополнительного дохода с оборота. Необходимо расширять маркетинговую деятельность за счет наличия популярных арендаторов, развития сотрудничества с ними в рамках рекламных компаний.

9. Отсутствие современных предложений для посетителей/Присутствие на рынке наиболее популярных конкурентов.

Посетители всегда выбирают торговый комплекс для посещения исходя из набора полезных и интересных магазинов, ресторанов и иных бизнес-направлений, при отсутствии интересных предложений посетители выберут ближайшего конкурента. Необходимо предлагать потенциальным посетителям новых и популярных арендаторов с целью повышения доходности бизнеса.

10. Несвоевременность отклика на изменения в отрасли/Быстрое изменение потребностей потенциальных посетителей.

В бизнесе запоздалый отклик на изменения потребностей рынка может дорого обойтись как в финансовом, так и в репутационном плане. В современных условиях непрерывного обновления информации и изменения интересов людей необходимо обеспечить мониторинг их изменяющихся потребностей. Необходимо проведение аналитической оперативной работы для соответствия бизнеса запросам извне.

11. Составление бизнес-аналитики «вручную»/Потребность в полном обновлении бизнеса.

При отсутствии в организации ведения оперативной аналитики ведет к тому, что бизнес может долгое время стоять на месте, в результате требуется полное обновление образа ведения дел и совершенствование основных бизнес-процессов. Здесь имеет место быть опасность принятия неверных стратегических решений, поэтому важно быстро и правильно принимать решения по ведению собственного бизнеса, а для этого необходимо быстро и качественно проводить анализ текущей деятельности.

Поддержание сильной стороны, стратегия защиты ее от внешних угроз — S1:

12. Наличие уникальных торговых предложений (собственные подразделения бизнеса)/Присутствие на рынке наиболее популярных конкурентов.

Организация имеет в собственном арсенале бизнес-направления, пользующиеся популярностью у жителей города. Для защиты от деятельности основных кон-

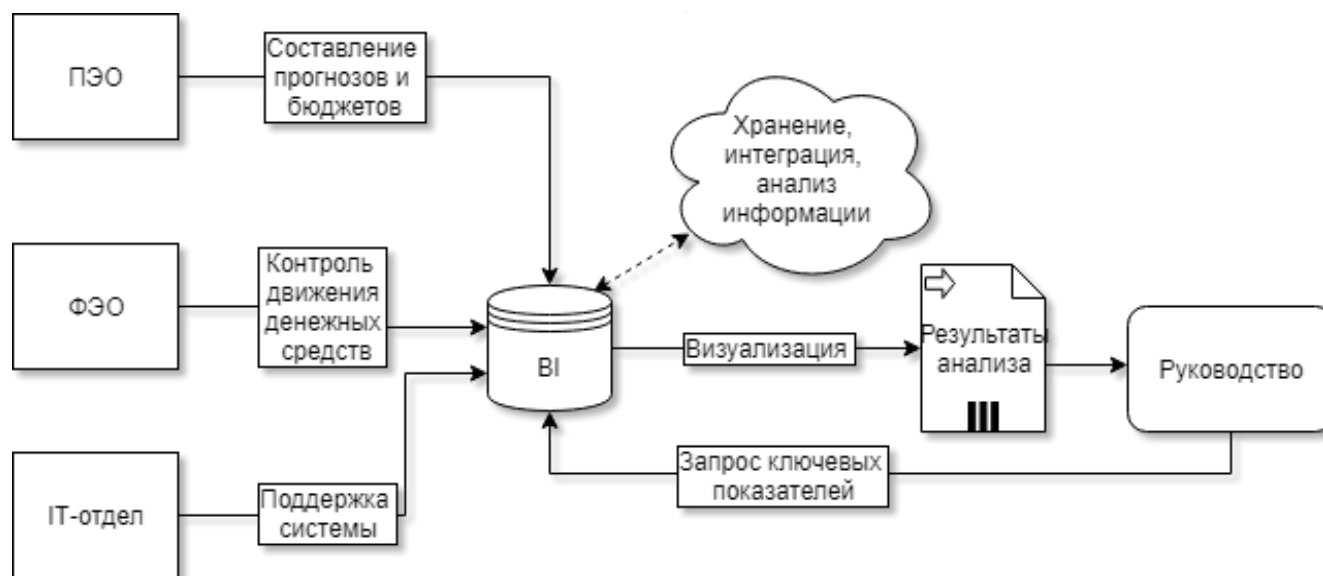

Рис. 1. Процесс составления бизнес-аналитики при помощи BI-системы.

курентов необходимо развивать данные направления, совершенствовать их и предлагать посетителям новые условия взаимодействия.

Оценка значимости факторов, отраженных в анализе, происходит при наличии двух параметров: важности фактора для компании и вероятности его реализации [3]. В результате можно выделить стратегические направления развития рассматриваемой организации:

1. Использование современных автоматизированных систем для упрощения проведения оперативной аналитики и повышения качества информации о внешней и внутренней среде
2. Ускорение поступления информации об изменениях потребностей рынка
3. Использование современных способов продвижения

Таким образом, для развития организации, повышения конкурентоспособности и устранения основных проблем в системе управления предлагается обеспечить проведение оперативной аналитики по ключевым процессам деятельности организации.

На основе соотнесения процессов в организации и модели CMMI — Capability Maturity Model Integration (набор моделей совершенствования процессов в организациях разных размеров и видов деятельности) [2] выяснено, что уровень зрелости управления организацией соответствует описанию «Определяемый» («Стандартизуемый»). Для того, чтобы осуществлять качественную оперативную аналитику текущей деятельности организации необходим переход на 4 уровень зрелости «Изменяемый» по следующим критериям:

- Описание с позиции процессов — процессы конструируются «наоборот» — от потребителя (руководства) к источникам (исполнителям);

- Характерные методы управления — управление по показателям (к процессу составления отчетов должны применяться определенные критерии качества);

- Характерные вопросы — Зачем? (Основная цель проведения аналитики), Сколько? (Количественная оценка составления отчетов).

Важнейшим здесь является наличие инициативы на проведение изменений со стороны руководства и понимание необходимости проведения оперативной аналитики в организации.

В рамках рассматриваемой организации интерпретация ключевых показателей бизнеса для руководства с целью принятия качественных управленческих решений может быть осуществлена следующими способами:

1. Формирование дополнительного подразделения оперативного бизнес-анализа (набор дополнительных сотрудников в штат фирмы; контракт на аутсорсинг дополнительных услуг), что является ресурсозатратным с точки зрения менеджмента, а так же вынесение ключевых процессов за пределы фирмы ставит под вопрос реалистичность и правильность полученных данных.
2. Использование автоматизированных систем проведения бизнес-анализа (разработка индивидуальной системы в соответствии с целями фирмы;

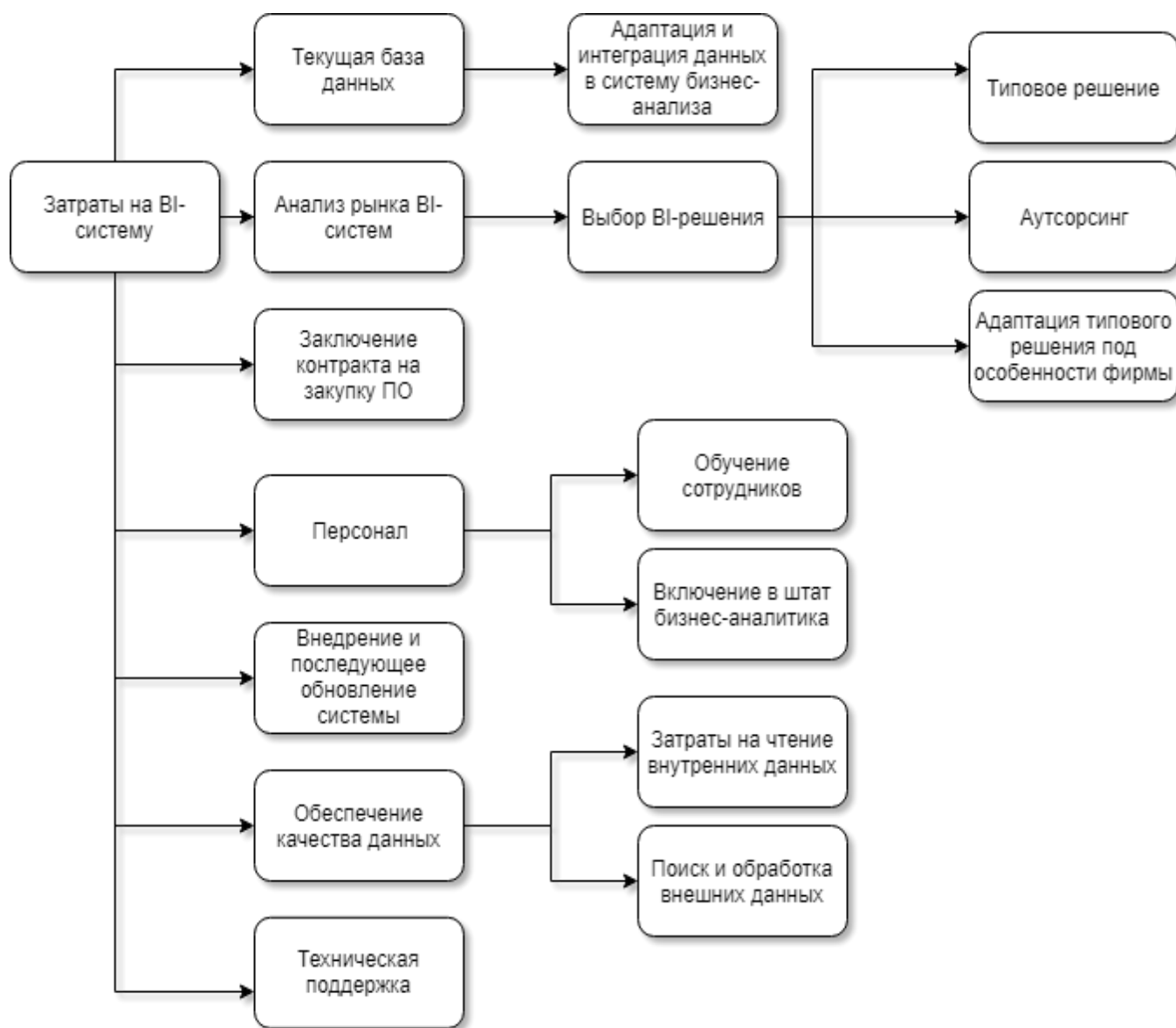

Рис. 2. Дерево целей для интеграции BI-решений в систему принятия управления организации сферы услуг.

закупка программного обеспечения и заключение контракта на обслуживание; программное обеспечение как услуга). Наиболее реалистичным способом внедрения является закупка программного обеспечения и заключения контракта с поставщиком ПО на обслуживание системы, так как здесь от организации не требуется дополнительных затрат ресурсов кроме денежных средств и наличия инициативы на внедрение. Данный способ предполагает выбор оптимального варианта сотрудничества по соотношению «Цена ПО/Качество предоставляемых услуг» с целью выбора одного варианта.

Для оценки изменений, предполагаемых в процессе совершенствования системы управления, рассмотрим схему процесса анализа бизнес данных после внедрения автоматизированной системы бизнес-аналитики (Рисунок 1)

Внедрение BI-системы дает возможность руководству получать доступ к ключевым показателям фирмы без дополнительных запросов в отделы. Ранее руководство получало отчеты, которые требовали дополнительной аналитики и обсуждения. При получении руководством возможности отслеживать ключевые показатели без дополнительных обработок снижается продолжительность процесса составления аналитики и ускоряется

принятие управленческих решений [5]. Доступ к данным фирмы может быть получен одновременно несколькими пользователями, что ускоряет обращение информации и документооборот. При реализации BI-системы увеличится эффективность процесса на 75% по сравнению с текущей ситуацией.

В результате внедрения BI-системы сотрудники планово-экономического и финансового отделов перестают быть вовлечены в процесс составления отчетов и аналитики. Для них нагрузка остается в части обеспечения необходимых для организации задач: бюджетирование и контроль за движением денежных средств.

Снятие полномочий по составлению визуализации отчетности с сотрудников ПЭО высвобождает 36 часов рабочего времени (продолжительность рабочего дня 8 часов и 20 рабочих дней в месяц [4]). В результате сотрудники смогут наиболее качественно подходить к исполнению основных обязанностей (бюджетирование, составление планов и отчетов).

Упрощение визуализации отчетности с помощью BI-инструментов дает экономию времени руководства на рассмотрение отчетов в размере 12 часов ежемесячно. Учитывая факт, что доступ к аналитике при использовании BI-системы обеспечивается в любое время и с любого устройства, данное время может быть перераспределено на ежедневный мониторинг текущей ситуации в бизнесе, что способствует ускорению принятия управленческих решений (при текущей ситуации аналитика предоставляется ежемесячно [4]).

Совершенствование системы управления следует начать с проектировки дерева затрат на интеграцию BI-системы. Учитывая объемы внутрифирменных данных группы компаний, а также специфику сферы деятельности фирмы, целесообразным является заключение контракта со сторонней фирмой на внедрение и дальнейшее обслуживание выбранной BI-системы. В данном варианте сторонняя фирма берет на себя обучение сотрудников по работе с новой системой и обеспечение качества данных. Данная модель внедрения является наименее затратной с точки зрения человеческих ресурсов организации.

Сферы возникновения затрат при внедрении системы автоматизированной бизнес-аналитики представлены на рисунке 2.

На основе дерева затрат для организации сферы услуг определена смета на внедрение BI-инструментов, общая сумма которой составляет 588000 рублей. Индекс рентабельности инвестиций составит 1,14. Таким образом, внедрение BI-системы с точки зрения инвестиционного проекта можно признать привлекательным для вложений, так как показатели эффективности находятся в норме, при этом окупаемость вложений в совершенствование системы управления произойдет в течение полугода, и оценить реальный эффект от проведения оперативной аналитики можно будет в краткосрочной перспективе.

При этом внедрение технологии бизнес-аналитики в процесс управления организацией создает ряд преимуществ для развития бизнеса компании:

- ◆ повышение скорости и точности составления отчетов, аналитики и планирования;
- ◆ большая наглядность и удобство работы с информацией для бизнес-пользователей;
- ◆ извлечение, анализ и консолидация данных из любых источников;
- ◆ обеспечение доступа к аналитическим инструментам большого числа пользователей;
- ◆ повышение качества внутрифирменных данных;
- ◆ ускорение получения руководством оперативной аналитики и повышение качества предоставляемых отчетов.

Все вышеперечисленное обеспечивает организацию качественной информацией о внешней среде и высокую скорость поступления данных об ее изменениях, упрощает руководителям и служащим организации доступ и мониторинг ключевых показателей деятельности фирмы, улучшает взаимосвязь между отделами организации, дает экономию времени руководства на рассмотрение отчетов, ведет к повышению эффективности и своевременности принятия управленческих решений, позволяет экономить фонд заработной платы и сокращать операционные расходы, что улучшает эффективность деятельности организации, повышает ее конкурентоспособность на рынке и обеспечивает продвижение стратегии бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митрович С. Проблемы и тенденции внедрения технологий бизнес-интеллекта в процесс экономического анализа в России и за рубежом // *Финансы и управление*. — 2019. — № 2. — С. 1–16. Режим доступа: http://e-notabene.ru/flc/article_28524.html (дата обращения 29.06.2019).
2. Перфильев, Д. А. Интеллектуальные системы поддержки принятия решений [Электронный ресурс]: учебное пособие / Д. А. Перфильев, К. В. Раевич, А. В. Пятаева. — Электрон. текстовые данные. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. — 136 с. — 978–5–7638–4011–7. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/84359.html> (дата обращения 10.07.2019)

3. Теория и методология разработки стратегии развития предприятия [Электронный ресурс]: научная монография / И. В. Булава, А. М. Батьковский, М. А. Батьковский [и др.]. — 2-е изд. — Электрон. текстовые данные. — Москва, Саратов: Международная академия оценки и консалтинга, Ай Пи Эр Медиа, 2019. — 278 с. — 978–5–4486–0700–4. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/82185.html> (дата обращения: 23.06.2019).
4. Торговые центры Рязани: Официальный портал «Моллы.ру» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.malls.ru/city/ryazan.shtml> (дата обращения: 30.06.2019)
5. Что такое BI и зачем это нужно вашему бизнесу: Совместное аналитическое исследование компании РБК и Softline. [Электронный ресурс] // РБК. 2015. Режим доступа: <http://softline.rbc.ru/page/chto-takoe-bi-i-zachem-eto-nuzhno-vashemu-biznesu/> (дата обращения: 04.07.2019).

© Бачина Татьяна Валерьевна (bachina_t@mail.ru),

Евсенкина Юлия Михайловна (evsenkina@mail.ru), Фролова Евгения Сергеевна (frolova.janes@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Рязань

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА

PROSPECTS FOR THE DIGITAL TRANSFORMATION OF AIR TRANSPORT ENTERPRISES

**S. Demin
N. Stolyarov
A. Semenova**

Summary. The article discusses the problems and prospects of digitalization of air transport enterprises. The specific examples of Aeroflot Russian Airlines PJSC and other airlines reveal the advantages of new digital technologies. A special place is given to scientific support for the development of air transport enterprises in the digital economy. The state of the regulatory framework governing the activities of civil aviation of the Russian Federation is analyzed. A system of the main directions of scientific research and practical measures to improve the management of civil aviation enterprises, ensure flight safety, and develop the domestic aviation industry is proposed. An important place in the article is given to the use of unmanned aerial vehicles (UAVs) and unmanned aerial systems (UAS) in a segregated and unified (integrated) airspace of the Russian Federation. The conclusion is drawn about the inadmissibility of a haphazard approach to the digital transformation of airspace.

Keywords: digital economy, enterprise, digital transformation, air transport, regulatory framework, flight safety, digital technologies.

Демин Сергей Сергеевич

*Д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО «Московский
авиационный институт (национальный
исследовательский университет)»
ssdemin@mail.ru*

Столяров Николай Сергеевич

*Д.э.н., профессор ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов»
sns147@mail.ru*

Семенова Алла Анатольевна

*Д.э.н., профессор, ФГАОУ ВО «Российский
университет транспорта»
allaa.s@ya.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и перспективы цифровизации предприятий воздушного транспорта. На конкретных примерах ПАО «Аэрофлот — российские авиалинии» и других авиакомпаний раскрываются преимущества новых цифровых технологий. Особое место отводится научному обеспечению развития предприятий воздушного транспорта в условиях цифровой экономики. Анализируется состояние нормативной правовой базы, регламентирующей деятельность гражданской авиации Российской Федерации. Предложена система основных направлений научного поиска и практических мер по совершенствованию управления предприятиями гражданской авиацией, обеспечению безопасности полетов, развитию отечественной авиапромышленности. Важное место в статье отводится использованию беспилотных воздушных судов (БВС) и беспилотных авиационных систем (БАС) в сегрегированном и едином (интегрированном) воздушном пространстве Российской Федерации. Делается вывод о недопустимости бессистемного подхода к цифровой трансформации воздушного пространства.

Ключевые слова: цифровая экономика, предприятие, цифровая трансформация, воздушный транспорт, нормативная правовая база, безопасность полетов, цифровые технологии.

Заметное доминирование сферы услуг над производством привело к тому, что ключевую роль в общественном движении стали играть новые информационные технологии, повысившие эффективность использования материальных и интеллектуальных ресурсов, изменившие качество жизни, стимулирующие принципиально новые подходы к управлению всеми, без исключения, сферами общественной жизни.

Войдя в четвертую технологическую революцию (индустрию 4,0), приняв ее вызовы, мир с необходимостью должен был бы принять и ее парадигму — цифровизацию как экономики в целом, так и ее важнейших отраслей, в частности, транспортной отрасли.

Цифровая экономика — это не отдельная отрасль, по сути, это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества. Формирование цифровой экономики — это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкуренции отечественных компаний [1].

Сегмент цифровых технологий занимает все более значительное место в развитии транспортных предприятий, инфраструктуры и логистических цепочек. Это — общемировая тенденция, характерная и для нашей страны. Однако, к сожалению, Россия на сегодняшний день не играет лидирующей роли в этом процессе. Доля цифровой экономики в ВВП России, по данным The Boston

Consulting Group, составляет 2,8%, или 75 миллиардов долларов США. При этом Россия отстает от стран-лидеров в области цифровизации примерно на 5–8 лет [9]. Согласно результатам исследования Международного союза электросвязи — подразделения ООН, определяющего стандарты в области информационно-коммуникационных технологий, — индекс ИКТ (UDI), зафиксированный в России в 2016 году, составляет 6,95. В соответствии с этим комплексным критерием Российская Федерация занимает 43 место в мире [7].

Однако не следует драматизировать ситуацию. За последние годы в стране сделано и делается очень многое для цифровой трансформации транспортного комплекса. В настоящее время реализуется целый ряд масштабных проектов по внедрению в транспортный комплекс страны информационных систем нового поколения. Так, создана Единая государственная информационная система обеспечения транспортной безопасности (ЕГИС ОТБ), позволяющая надежно контролировать пассажирские перевозки транспортными предприятиями — от отдельного пассажира до конкретного транспортного средства. Данная система получила высокую оценку со стороны зарубежных партнеров и признана одной из лучших среди аналогичных систем, используемых в мировой практике.

Цифровые технологии активно внедряются и в транспортную логистику. Развиваясь во взаимосвязи с другими отраслями экономики, цифровая логистика России стремится быть стратегически управляемой, базирующейся на среднесрочных и долгосрочных прогнозах. В целях повышения эффективности управления логистической инфраструктурой обсуждается вопрос о создании Единого ситуационного центра для прогнозирования ситуации на транспорте. Создание такого центра позволит прогнозировать нестандартные ситуации на транспорте, что в свою очередь будет способствовать их своевременному выявлению и предотвращению негативных последствий [2].

Определяя перспективы цифровой трансформации предприятий воздушного транспорта, Россия стремится активно использовать зарубежный опыт цифровизации. В частности, Германии, которая является общепризнанным лидером в сфере инноваций — как в промышленном производстве, так и в сфере транспорта. Особый интерес здесь представляет предприятия, осуществляющие германский автопилотаж, роботизацию складской деятельности, платунинг... Можно отметить важность для России и других зарубежных стратегий цифровизации транспортной отрасли: сингапурский проект «Умная мобильность», французская программа «Транспорт завтрашнего дня», стратегический план развития транспортной отрасли США на ближайшие пять лет, важней-

шей составной частью которого является обеспечение транспортной безопасности.

Сделать пассажирские и грузовые перевозки, осуществляемые предприятиями транспорта, более безопасными — приоритетное направление цифровизации. Внедряя современные цифровые технологии, Россия исходит из того, что нужно быть конкурентоспособными на мировом рынке, развивать транспорт в отдельных регионах страны, обеспечивать доступность и качество транспортных услуг, удовлетворять возрастающие потребности в авиаперевозках грузов и пассажиров. Решение этих жизненно важных задач предполагает внедрение в транспортную систему страны новой инновационной культуры [3].

В этой связи цифровизация предстает как настоятельный императив времени. Только один пример для подтверждения: в 2009 году крупнейший авиаперевозчик России — ПАО «Аэрофлот — российские авиалинии» занимал 68 место в мире по перевозкам пассажиров, 15-е место в Европе по данному показателю. Ныне же компания занимает соответственно 19-е и 5-е места — и во многом благодаря цифровизации. В перспективе — еще более внушительные планы: к 2023 г. перевезти около 100 миллионов пассажиров; нарастить почти в три раза международный трафик; создать четыре региональные базы: в Красноярске, Екатеринбурге, Хабаровске и Владивостоке; при этом ввести в строй 200 отечественных самолетов. Разумеется, эти амбициозные планы достижимы только при условии цифровизации системы управления ПАО «Аэрофлот — российские авиалинии», который по оценке зарубежных экспертов (компания Bain) вот уже второй год занимает четвертое место в мире по цифровизации [8].

ПАО «Аэрофлот — российские авиалинии» — не единственная авиакомпания России, добившаяся успехов в области цифровизации. В этом направлении сделан целый ряд значительных шагов и в других предприятиях гражданской авиации. В частности, практически во всех крупных авиакомпаниях введена продажа электронных авиабилетов, активно внедряются технологии автоматизированного контроля и управления доступом в охраняемые зоны аэровокзалов, автоматизируются процессы управления воздушными судами, в том числе, и на таких опасных стадиях полета, как взлет и посадка.

Таким образом, все управленческие процессы на предприятиях гражданской авиации требуют их оцифровки, внедрения технологий «цифровой экономики». Согласно докладу Всемирного банка, это словосочетание стало означать массовый характер использования дискретной информации, как в промышленности, так и в сфере услуг, в связи и информатике (интернет,

телекоммуникация), сборе и обработке данных, в управлении финансами, перевозками и так далее. Внедрение цифровой экономики рассматривается как **инструмент**, обеспечивающий оперативность и качество экономических отношений между всеми предприятиями гражданской авиации — от разработчиков и изготовителей воздушных судов и комплексов наземного обслуживания авиаперевозок до поставщиков обслуживания. При этом **не подменяются** действующие экономические законы, профессиональные знания и умения летных экипажей, наземных служб, инженеров авиации и авиастроительной промышленности, они видоизменяются в соответствии с новыми условиями.

Следует особо отметить: отдельные услуги, наметившиеся позитивные тенденции в области цифровизации нельзя отождествлять с цифровой трансформацией всего воздушного транспорта страны. Необходим системный, комплексный подход к проблеме. Нужно четко определить приоритеты дальнейшего движения по пути цифровизации. Одним из таких направлений, является **подготовка и скорейшее введение в действие нормативной правовой базы, соответствующей целям и задачам цифровизации воздушного транспорта**. Необходимо со всей ответственностью признать: модернизация воздушного законодательства Российской Федерации значительно отстает от велений времени, на пути к намеченной цели стоит серьезная преграда из накопившихся проблем законодательного характера. Так, сравнительный анализ нормативной правовой базы ИКАО (Международной организации гражданской авиации — специализированного учреждения ООН, устанавливающего международные нормы гражданской авиации) и воздушного законодательства Российской Федерации дает основание утверждать, что нормативная правовая база России лишь частично соответствует всем 19 Приложениям (Стандартам) ИКАО.

На пути совершенствования воздушного законодательства, регламентирующего деятельность гражданской авиации Российской Федерации, возникает еще одна проблема, а именно: создание информационно-методической базы и методологического аппарата для обеспечения качественной и количественной оценок регулирующего воздействия нормативных правовых актов на развитие воздушного транспорта.

Наука должна идти впереди законодательства. Без опоры на науку с неизбежностью произойдет подмена понятий, потеря смысла, а в конечном счете — ажиотаж вокруг цифровизации пройдет и уступит место разочарованию, что, кстати, не раз случалось в истории России: «ускорение научно-технического прогресса», «перестройка», «инновационный прорыв» и т.д. [6].

Без опоры на науку, можно прогнозировать, к 2030–2031 году из эксплуатации будут выведены практически все находящиеся в операционном лизинге воздушные суда иностранного производства. Они должны будут замещены отечественными воздушными судами нового поколения. Однако предприятия российской авиапромышленности должны иметь системные данные о необходимом уровне экономических показателей воздушных судов, требуемом уровне их комфортабельности и так далее, всего более 150 параметров. Вполне очевидно, что без цифровизации такое количество трудно одновременно учесть не только авиакомпаниям, но и проектным организациям. Поэтому должны быть разработаны и периодически обновляться иерархии критериев, которым должны удовлетворять проектируемые и производимые воздушные суда, системы их наземного, аэронавигационного, технического обслуживания и ремонта, системы обеспечения безопасности полетов, подготовки летных кадров, авиационной и транспортной безопасности и т.д. При этом нормативная правовая база гражданской авиации должна неотступно следовать за наукой [4].

Внедрение научных результатов работы по модернизации нормативной правовой базы гражданской авиации позволит путем цифровизации экономики постепенно сформировать в отрасли новый уклад товарно-денежных отношений. Могут быть созданы совершенно новые, отличные от традиционной системы ценностей, управленческих парадигм, социальных норм, новые цифровые автоматизированные способы реализации экономических законов. Цифровизация позволит выработать законы и правила, в которых будут объединены реальная и виртуальная сферы воздушного транспорта и будут эффективно применяться новые модели управления гражданской авиацией на предприятиях воздушного транспорта.

В дальнейшем представляется целесообразным в интересах развития гражданской авиации основные усилия ученых и специалистов, органов управления и надзора сосредоточить на следующих магистральных (стратегических) направлениях, регулярно подвергая их стратегическому аудиту (контролю), а при необходимости — корректировке [5]:

1. Принятие исчерпывающих мер содействия предприятиям воздушного транспорта и отечественной авиапромышленности, направленных на сохранение и рост объемов внутренних и международных пассажирских и грузовых перевозок, повышение их конкурентоспособности, в основном, за счет воздушных судов отечественного производства.
2. Повышение доступности и качества перевозок для населения в условиях волатильности рубля,

- с акцентом на развитие внутреннего перемещения населения и туризма путем реализации программ субсидирования региональных перевозок.
3. Реализация мероприятий «дорожной карты», разработанной исследовательской группой при Правительстве Российской Федерации, для достижения запланированных показателей доступности для предприятий воздушного транспорта, субъектов и объектов авиационной транспортной инфраструктуры ко всему требуемому объему услуг в сфере воздушного транспорта.
 4. Оказание на основе результатов выполнения НИР необходимой поддержки выполнения авиаперевозок пассажиров и грузов предприятиями воздушного транспорта на социально значимых маршрутах.
 5. Разработка методики оказания содействия развитию авиатранспортной инфраструктуры в целях освоения Арктики, Антарктики и Дальнего Востока на основе отечественных разработок авиационной и наземной техники и технологий.
 6. Ускорение разработки и внесения изменений в законодательство Российской Федерации, предусматривающих последовательную регистрацию всех типов воздушных судов в Государственном реестре гражданских воздушных судов Российской Федерации, всех гражданских воздушных судов, эксплуатируемых юридическими и физическими лицами, находящимися под юрисдикцией Российской Федерации.
 7. Дальнейшее развитие и совершенствование системы обеспечения безопасности полетов предприятий воздушного транспорта и поддержания летной годности воздушных судов.
 8. Разработка методик реализации комплекса мероприятий в целях формирования национальной системы сертификации новейших технологий и внедрения их в разработку, производство и эксплуатацию, в том числе в вопросы, связанные с функционированием Авиационного Регистра Российской Федерации, и других заинтересованных органов исполнительной власти России.
 9. Разработка методик и предложений по реализации комплекса мероприятий обеспечения безопасности полетов предприятий воздушного транспорта, включая непрерывный автоматизированный сбор, обработку и анализ причин и факторов происшедших авиационных событий в целях профилактики и оперативной целенаправленной работы в этой сфере, в том числе, в интересах обеспечения отечественной авиационной промышленности актуальной информацией.
 10. Разработка научно обоснованных методик, обеспечивающих повышение уровня и культуры безопасности полетов, снижение количества авиационных происшествий путем внедрения системы управления безопасностью полетов предприятиями воздушного транспорта, осуществляющими:
 - ◆ коммерческие воздушные перевозки,
 - ◆ техническое обслуживание гражданских воздушных судов,
 - ◆ аэронавигационное обслуживание полетов воздушных судов,
 - ◆ профессиональную и дополнительную профессиональную подготовку авиационных специалистов образовательными учреждениями, осуществляющими подготовку пилотов гражданских воздушных судов, пилотов-операторов БАС, БВС и авиации общего назначения.
 11. Создание системы, обеспечивающей принятие исчерпывающих мер, направленных на оформление и выдачу лицензий, сертификатов и свидетельств специалистам (авиационному персоналу) предприятий воздушного транспорта только на основании достоверных документов.
 12. Принятие безотлагательных мер, обеспечивающих ускорение выработки и внесения изменений в законодательство Российской Федерации в целях создания автоматизированной национальной системы (института) инспектирования авиаперевозок по вопросам обеспечения безопасности полетов и внедрения механизмов рампового контроля (контроль на перроне) российских и иностранных предприятий воздушного транспорта, включая так называемых «лоукостеров», в аэропортах Российской Федерации.
 13. Выработка организационных и практических мер в области обеспечения транспортной и авиационной безопасности в целях повышения защищенности объектов гражданской авиации от актов незаконного вмешательства, включая дополнительные технические и технологические меры, предусматриваемые при проектировании воздушных судов и наземной инфраструктуры воздушного транспорта, правила и требования к инженерно-техническим системам обеспечения транспортной безопасности.
 14. Разработка на научной основе методик, обеспечивающих совершенствование функционирования Единой системы организации воздушного движения с учетом цифровых платформ гражданской авиации, включая вопросы обеспечения гибкого использования воздушного пространства, организации потоков воздушного движения и совершенствования процессов обмена информацией о движении воздушных судов в Российской Федерации.
 15. Создание научно обоснованных нормативных правовых актов использования БВС и БАС в се-

гегрированном и едином (интегрированном) воздушном пространстве России.

Парк беспилотных воздушных судов растет ускоренными темпами. По оценке экспертов, к 2020 году количество разрешений на использование воздушного пространства БАС и БВС за 5 лет вырастет почти в 16 раз. Уже сегодня требуется безотлагательное решение вопроса о создании Единой системы контроля воздушного пространства Российской Федерации — начиная от учета и регистрации БВС и БАС, и завершая обучением всех категорий персонала, участвующего в их эксплуатации. Вполне очевидно, что решение этой задачи потребует

автоматизации, использование новейших цифровых технологий.

Таким образом, глобальные изменения, происходящие в современном мире, настоятельно требуют перехода на цифровую экономику, что становится одним из неизбежных факторов для развития предприятий воздушного транспорта, неотъемлемым элементом безопасности полетов. Цифровые технологии делают все более возможным применение в авиации альтернативных источников топлива, интеллектуальных систем управления, «умных» систем навигации. Таким образом, то, что совсем недавно казалось фантастикой, сегодня становится реальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин В. В. Формирование цифровой экономики — это вопрос национальной безопасности Российской Федерации / Доклад В. В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам. — Ново-Огарево, 5 июля 2017 года.
2. Димитров И. Д. Влияние цифровой экономики на развитие транспортной отрасли в России // Транспорт Российской Федерации — 2017. — № 6 (73). — С. 52.
3. Семенова А. А., Кузина М. Н. Инновационная культура — условие эффективности транспортной системы Российской Федерации // Инновации и инвестиции. — 2019. — № 4 — С. 34–37.
4. Джамай Е. В., Сазонов А. А., Демин С. С. Оценка экономического механизма и специфики управления интеллектуальным капиталом высокотехнологичных предприятий авиационной промышленности в условиях новой экономики // Научный вестник ГосНИИ ГА. — 2018. — № 24(335). — С. 39–54.
5. Столяров Н. С., Семенова А. А. Роль и место аудита в корпоративном и государственном стратегическом управлении // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. — 2018. — № 4. — С. 19–31
6. Джамай Е. В., Демин С. С., Сазонов А. А. Способы повышения экономической эффективности инновационной деятельности предприятия на основе комплексного анализа инновационного потенциала и интеллектуальных ресурсов // Научный вестник ГосНИИ ГА. — 2018. — № 23(333). — С. 118–129.
7. Регламентное обследование электросвязи // ИКТ МСЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itu.int4/ITU-D/idi/9016> (дата обращения: 05.07.2019).
8. Савельев В. Г. «Аэрофлот» второй год удерживает 4-е место в мире по цифровизации // [Электронный ресурс]. URL: <https://sport.rambler.ru/auto/41718285-savelev-aeroflot-vtoroy-god-uderzhivaet-4-e-mesto-v-mire-po-tsifrovizatsii/> (дата обращения: 05.08.2019).
9. Цифровизация: история, перспективы, цифровые экономики России и мира // Годовой отчет корпорации Ростех за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.up-pro.ru/library/strategy/tendencii/cyfrogvizaciya-trend.html> (дата обращения: 05.08.2019).

© Демин Сергей Сергеевич (ssdemin@mail.ru),

Столяров Николай Сергеевич (sns147@mail.ru), Семенова Алла Анатольевна (allaa.s@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ НА КРИТЕРИЙ ОПТИМАЛЬНОСТИ ПРИ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАТРАТ ПРОЕКТА

ANALYSIS OF FACTORS OF INFLUENCE ON THE OPTIMALITY CRITERION AT THE OPTIMIZATION OF PROJECT COSTS

A. Ibatullina

Summary. The relevance of the study is to determine the significance of the qualification factor in project management. When optimizing labor costs in a project, it is necessary to clearly understand which resources most affect the optimality criterion. The purpose of this article is to analyze the stability of the optimality criterion based on given values, in other words, to determine which constraints form the optimal solution to a greater extent. The result of the article is the ranking of project constraints depending on their influence on the optimality criterion in the project of Kazan Electrotechnical Plant.

Keywords: optimization, project management, qualification, optimality criterion.

Ибатуллина Анна Анатольевна

Аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет
anna_pigasova@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования заключается в определении значимости фактора квалификации в управлении проектами. При оптимизации трудовых затрат в проекте необходимо четко понимать, какие ресурсы в наибольшей степени влияют на критерий оптимальности. Цель данной статьи — провести анализ устойчивости критерия оптимальности исходя из заданных значений, другими словами, определить, какие ограничения в большей степени формируют оптимальное решение. Результатом статьи является ранжирование ограничений проекта в зависимости от их влияния на критерий оптимальности в проекте ПАО «Казанского электротехнического завода».

Ключевые слова: оптимизация, управление проектами, квалификация, критерий оптимальности.

Анализ на устойчивость заключается в анализе увеличения или уменьшения состава и запаса ресурсов — изменение системы ограничений — на критерий оптимальности. Ограничения модели классифицируются следующим образом. Связывающие ограничения проходят через оптимальную точку. Несвязывающие ограничения не проходят через оптимальную точку. Аналогично ресурс, представляемый связывающим ограничением, называют «дефицитным», а ресурс, представляемый несвязывающим ограничением — «недефицитным». Ограничение называют «избыточным» в том случае, если оно не оказывает влияние на критерий оптимальности в пределах интервалов допустимого уменьшения-увеличения. «Дефицитные» ресурсы в оптимальном плане расходуются полностью. Таким образом, задача анализа на чувствительность предполагает нахождение ответа на вопрос: как изменение системы ограничений определяет предельное допущение изменение запаса ресурсов [1–5].

Проект № 1 ПАО «Казанский электротехнический завод».

Для проекта № 1 критерием оптимальности является суммарный минимум трудовых затрат в проекте разработки конструкторской документации. Ограничениями служат ограничения на доступный фонд времени, уровень квалификации (допуск работ), количество необходимых документов, стоимость оплаты 1 норма-ча-

са и трудоемкость разработки документа конкретным специалистом. Проведенная апробация доказала значимость построенной модели оптимизации трудозатрат. Данная модель построена в MS Excel, анализ факторов влияния на критерий оптимальности рассмотрен согласно «Отчетам об устойчивости», формируемым в рамках инструмента «Поиск решения».

Влияющими факторами на уровень трудозатрат в проекте могут быть: стоимость оплаты 1н/ч, фонд времени по производственному календарю, уровень необходимой квалификации и количество времени на разработку данного вида документа. Учитывая, что критерий оптимальности направлен на минимизацию, то стоимость оплаты 1н/ч можно исключить, так как при доступных менее дешевых ресурсах, методика выбирает именно их исходя из заданного критерия. Следовательно, в качестве влияющих параметров необходимо взять возможные факторы влияния или их возможные варианты совокупного влияния на критерий оптимальности — объем трудовых затрат.

«Недефицитным» ресурсом при этом будем определять специалистов, фонда времени, оплаты 1н/ч и квалификации которых достаточно для исполнения определенной задачи в проекте.

Пример отбора ограничений для этапов 1 и 2 проекта № 1 представлен в таблице 1.

Таблица 1. Анализ влияния основных факторов на показатель целевой показатель

Выбранные исполнители	Результат оптимизации*	Влияющие параметры**
специалист патентного отдела	1	ограничение по квалификации и времени
1 инженер-конструктор	3	ограничение по квалификации и времени
2 инженер-конструктор	1	ограничение по квалификации и времени
1 инженер — технолог	2	ограничение по квалификации и времени
2 инженер — технолог	2	ограничение по квалификации и времени
представитель мед. учреждения	3	ограничение по квалификации
Zmin (руб)	1 529 812	

* Факторы для изменяемых ячеек — количество документов, разработанных исполнителем

** Факторы для ограничений — по стоимости оплаты 1н/ч, фонду времени, уровню квалификации и времени на разработку документа

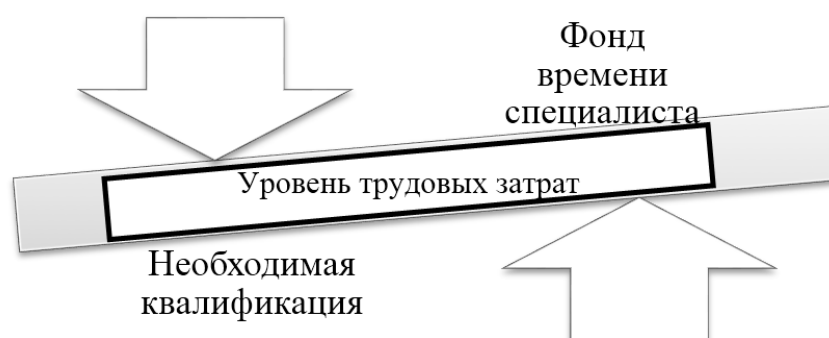

Рис. 1. Основные факторы, оказывающие влияние на уровень трудовых затрат в проекте № 1

Таким образом, пересчитав 20 этапов проекта № 1, можно сделать вывод о том, что в проекте конструкторской разработки ПАО «КЭТЗ» основными факторами, оказывающими влияние на показатель трудовых затрат в проекте, являются фонд времени и квалификация исполнителя. Согласно проведенному анализу «Отчетов об устойчивости» исходя из заданных ограничений формируется показатель целевой функции — объема трудовых затрат в проекте.

Другими словами, доступный фонд времени исполнителя предоставляет возможности для минимизации трудозатрат в пользу исполнителей с меньшим уровнем оплаты труда, однако второе ограничение — на квалификацию — устанавливает только тех специалистов к разработке документа, квалификации которых достаточно для выполнения данного документа. Следовательно, благодаря совокупному влиянию этих двух ограничений, методика определяет функции для каждого исполнителя проекта [6]. Не выбранные методикой возможные исполнители не указаны в данной таблице, так как их участие на прямую влияет на увеличение объема трудовых затрат в проекте в силу увеличенного объема времени на разработку документа или высокому уровню стоимости 1н/ч.

«Недефицитный» ресурс означает, что исполнитель обладает невысоким уровнем оплаты 1н/ч, высоким уровнем запаса фонда времени и достаточной квалификации для исполнения данной операции в проекте. Следовательно, никакие введенные ограничения в методике не действуют в рамках данной операции при выборе исполнителей, а действует только критерий минимизации, в силу которого происходит отбор специалистов с низким уровнем оплаты труда.

Данные таблицы 1 предоставляют информацию о факторах, которые в наибольшей степени влияют на объем трудовых затрат в проекте № 1. Чтобы определить процентное влияние каждого фактора на показатель целевой функции, необходимо провести соотношение изменения трудовых затрат в проекте на количество выявленных факторов по каждому направлению. На всех этапах проектного цикла введенные ограничения встречаются 168 раз.

Общее количество факторов — $\sum_{n1}^{n6} = 168$. Количество влияния всех факторов — 100% или 168; влияние одного фактора $(n/N) * 100\%$, где n — количество раз встречаемого фактора в таблице 1, N — 168.

Общее изменение объема трудовых затрат в проекте – 22% или 8 812 333 рубля.
Пусть 8 812 333 рубля = 100%.

Количество факторов, оказавшее влияние – 100% или 168 факторов.

Количество 1 фактора x_1 – 21%.

Количество 2 фактора x_2 – 22%.

Количество 3 фактора x_3 – 4%.

Количество 4 фактора x_4 – 34%.

Количество 5 фактора x_5 – 4%.

Количество 6 фактора x_6 – 15%.

Следовательно, влияние отдельно взятого фактора можно вычислить, составив пропорцию вида:

22 – 100%

X – «количество фактора X»

Совокупное влияние факторов на объем трудовых затрат – 100%.

Влияние фактора 1 x_1 – 4,6%.

Влияние фактора 2 x_2 – 4,8%.

Влияние фактора 3 x_3 – 0,9%.

Влияние фактора 4 x_4 – 7,5%.

Влияние фактора 5 x_5 – 0,9%.

Влияние фактора 6 x_6 – 3,3%.

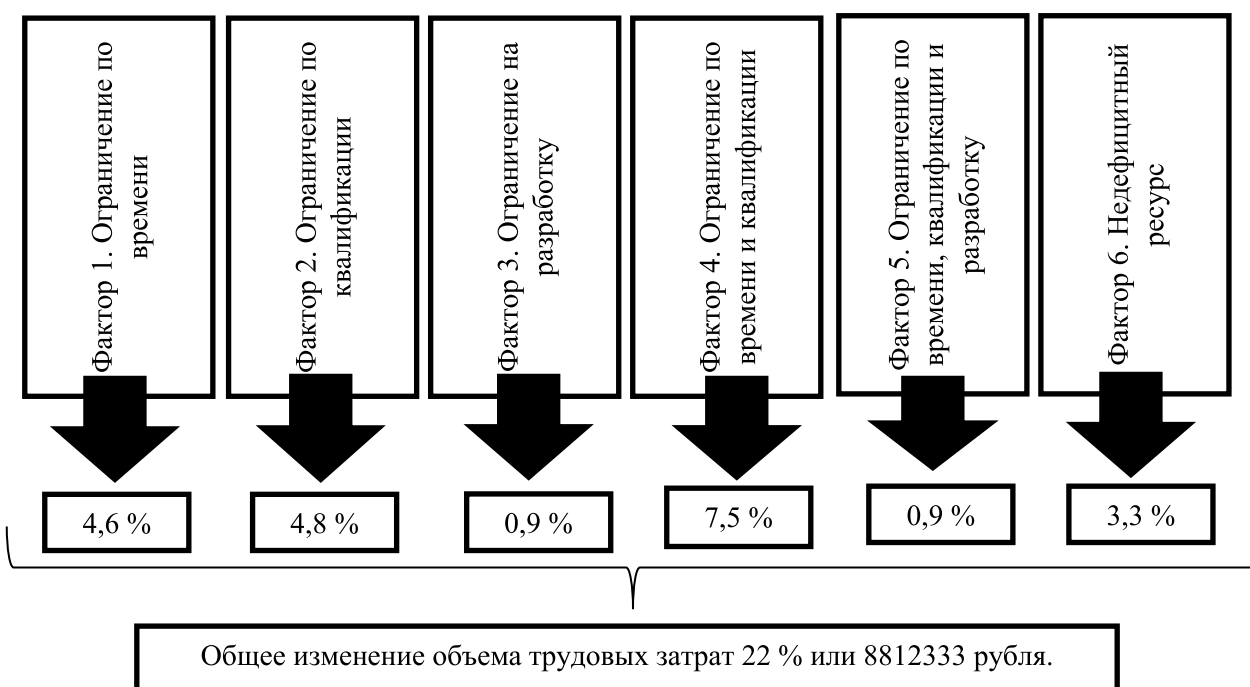

Рис. 2. Факторный анализ оптимизированного объема трудовых затрат

Объем трудовых затрат в проекте 1 по смете равен 39504096 рублей, получившийся оптимизированный объем трудовых затрат после применения методики Zmin — 30691763 рублей. Процентное изменение составило 22% или 8812333 рубля. Рассчитаем влияние каждого фактора на объем трудовых затрат в проекте.

Согласно проведенному анализу отчетов об устойчивости проекта № 1 совокупное влияние факторов на критерий оптимальности составило –22%, более подробная информация на рисунке 2.

Наибольшее влияние на уровень трудовых затрат в проекте № 1 оказало ограничение фонда времени по производственному календарю в совокупности с необходимым уровнем квалификации (7,5%), что говорит о том, что специалисты высокой квалификации, как правило, задействованы в большем количестве операций в проекте по сравнению с категориями специалистов ниже. В трудоёмких операциях наибольший удельный вес составляют специалисты с высоким уровнем оплаты труда.

Показатель «теневой» цены в отчетах об устойчивости показывает ценность дополнительной единицы привлеченного специалиста и показывает, насколько изменится значение объема трудовых затрат при увеличении

количества данного ресурса (привлечения специалиста) еще на 1 единицу. Таким образом, в проекте 1 наиболее дефицитными категориями специалистов выступают инженеры-конструктора 1 и 2 категории, инженеры-технологи и специалисты, которые привлечены одноразово на выполнение одной из операций в проекте (специалисты для формирования результатов интеллектуальной деятельности, экономисты, сотрудники отдела снабжения, слесари механосборочных работ и др.) «Недефицитными» ресурсами выступают все остальные категории, которые включены в проект [7].

Таким образом проведенное исследование показало, что эффективная организация процесса планирования трудозатрат, основанная на принципах проектного управления, за счет оптимального разграничения работ по проекту способствует снижению стоимости проекта, снижению уровню сверхурочных работ, высвобождению дополнительных специалистов и повышению уровня оплаты труда специалистов, занятых в проект. Наибольшими факторами влияния, которые оказывают на уровень снижения трудовых затрат в проекте, являются ограничения, связанные с уровнем необходимой квалификации к допуску работ в совокупности с доступным фондом времени по производственному календарю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньева Н. В. Анализ структуры инновационного потенциала предприятия на примере авиационной промышленности / Арсеньева Н. В., Михайлова Л. В., Сазонов А. А. / Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2018. — № 8.
2. Бабушкин В. М. Оценка рисков проекта цифровой трансформации конструкторско-технологической подготовки производства промышленного предприятия / Бабушкин В. М. / Инновационное развитие экономики. 2018. № 4 (46).
3. Климовских А. Проектный менеджмент: опыт внедрения / Климовских А. // Управление компанией. — 2015. — № 12.
4. Воропаев В. И. Управление проектами — неиспользованный ресурс в экономике России [Электронный ресурс]: Официальный сайт компании ITeam — Режим доступа: http://www.iteam.ru/publications/project/section_35/article_1635/
5. Решение задач оптимизации в Microsoft Excel 2010: учеб. пособие / Н. И. Шадрина, Н. Д. Берман; [науч. ред. Э. М. Вихтенко]. — Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. — 101 с.
6. Российское машиностроение // Всероссийский экономический журнал [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ecotrends.ru/component/content/article/18-2011-10-21-10-21-48/2080-2014-12-01-14-54-207>.
7. World Intellectual Property Organization, WIPO -<https://www.wipo.int/portal/en/index.html>

© Ибатуллина Анна Анатольевна (anna_pigasova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ЦЕНОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ХОНДРОПРОТЕКТОРНЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ИХ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДОСТУПНОСТЬ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

ANALYSIS OF PRICE CHARACTERISTICS OF CHONDROPROTECTIVE DRUGS, DETERMINING THEIR ECONOMIC ACCESSIBILITY FOR RESIDENTS OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

E. Kurbanmagomedova
M. Garumova
I. Ayro
A. Albakov

Summary. The purpose of the fragment of the study was to analyze the economic accessibility for residents of the Republic of Dagestan drugs used in diseases of the joints and related to chondroprotectors. The paper uses the methods of content analysis, structural analysis, comparison, combined ABC–XYZ-analysis of pharmacy sales of chondroprotectors, retail price monitoring with the calculation of the individual price index and the coefficients of the adequacy of solvency. It is established that chondroprotectors are presented both by the Russian production, and medicines of foreign production. AX–AY and BX–BY group pharmaceuticals, as well as AZ, which influence sales facilities in case of unstable demand, are characterized by a significant contribution to sales and stable demand. With the help of the program complex “1C–warehouse” it was established that 16 drugs and C — 11 drugs were included into AB group. Of 53.22% of sales volume ensured injectable form, with 64.6 per cent of them account for injection of Russian drugs. The share of oral drugs was 40.0%, and external forms accounted for about 7.0% of sales.

Monitoring of average retail prices for chondroprotectors from 2016 to 2017. showed that during the study period, the increase in prices was observed in 93.3% of medicines: for domestic LP they increased by 15.6%, for imported — by 18.1%.

The calculation of the solvency adequacy ratio showed a clear economic advantage of the Russian LP from 3 to 6 times. At the same time, imported LP makes a greater contribution to sales.

Курбанмагомедова Эльвира Ажубовна
Ассистент, Дагестанский Государственный
Медицинский Университет

Гарумова Мадина Алиевна
К.фарм.н., доцент, Дагестанский государственный
университет

Айро Ирина Николаевна
Д.фарм.н., профессор, Пятигорский медико-
фармацевтический институт — филиал ФГБОУ ВО
ВолгГМУ Минздрава России, г. Пятигорск
irina.airo@yandex.ru

Албаков Алихан Юсупович
К.фарм.н., руководитель, ГБУ «Республиканский
Медицинский Склад»

Аннотация. Целью фрагмента исследования являлся анализ экономической доступности для жителей Республики Дагестан лекарственных препаратов, используемых при заболеваниях суставов и относящихся к хондропротекторам. В работе использованы методы контент-анализа, структурного анализа, сравнения, совмещенный ABC–XYZ-анализ аптечных продаж хондропротекторов, мониторинг розничных цен с расчетом индивидуального индекса цен и коэффициенты адекватности платежеспособности. Установлено, что хондропротекторы представлены как российской продукцией, так и лекарственными препаратами зарубежного производства. Весомым вкладом в продажи и стабильным спросом характеризуются лекарственные препараты группы AX–AY и BX–BY, а также группа AZ, оказывающая влияние на объекты продаж при нестабильном спросе. С помощью программного комплекса «1С-склад» установлено, что в группу AB попали 16 препаратов и в группу C — 11 препаратов. 53,22% объема продаж обеспечили инъекционные формы, причем 64,6% из них приходится на инъекционные российские препараты. Доля пероральных лекарственных препаратов составила 40,0%, а на наружные формы пришлось около 7,0% продаж.

Мониторинг средних розничных цен на хондропротекторы с 2016 по 2017 гг. показал, что в течение исследуемого периода рост цен наблюдали у 93,3% лекарственных препаратов: на отечественные ЛП они выросли на 15,6%, на импортные — на 18,1%.

Расчет коэффициента адекватности платежеспособности показал явное экономическое преимущество российских ЛП от 3 до 6 раз. Вместе с тем больший вклад в объемы продаж приносят импортные ЛП.

Показатель доступности для малообеспеченных слоев населения продемонстрировал негативную тенденцию ее снижения ниже предельного уровня, а 50,0% ЛП имеют индивидуальную доступность ниже общей доступности ЛП для населения Дагестана. Это косвенно свидетельствует о том, что рост минимальной и средней заработной платы в Республике Дагестан

The measure of affordability for low-income segments of the population showed a negative trend of its decrease below the thresholds and of 50.0% of the LP have a lower individual availability the overall availability of drugs for the population of Dagestan. This indirectly indicates that the growth of the minimum and average wages in the Republic of Dagestan can not cover the growth of living standards and rising prices for chondroprotectors, among which no drug was not included in the regulated lists, so the population and acquires drugs of this group for their own means.

Keywords: chondroprotective drugs, pharmacy sales, affordability.

Введение

По данным зарубежных авторов около 10,0% населения нашей планеты с 40 лет страдают дегенеративно-дистрофическим поражением одного или нескольких крупных суставов, у лиц старше 60 лет этот процент доходит до 80 [1,4]. По данным ряда авторов среди ортопедической патологии крупных суставов в России на долю остеоартроза приходится от 44,0% до 76,0% случаев; на долю тазобедренного сустава приходится 56,6% [5]. Это касается и жителей Дагестана. В своих исследованиях М. М. Омаров отмечал, что заболеваемость крупных суставов конечностей у взрослого населения Республики Дагестан встречается у 12,8 на 1000 населения на коксартроз приходится 38,3% общей заболеваемости суставов [1]. Все выше изложенное диктует необходимость изучения потребления хондропротекторных ЛП, которые, несмотря на отсутствие их в регулируемых перечнях ЛП, все чаще назначаются таким больным, а низкая платежеспособность большей части населения приводит к тому, что дорогостоящая лекарственная помощь не доступна для него. Изучение ценовой конъюнктуры на ЛП хондропротекторного действия позволит выявить возможные ресурсы для гармонизации социальных и экономических интересов населения.

Цель работы

Целью исследования являлось изучение экономической доступности лекарственных препаратов хондропротекторного действия для платежеспособного населения Республики Дагестан, страдающего остеоартрозом крупных суставов.

Методы исследования

В работе для анализа потребления хондропротекторов в Республике Дагестан исследовали продажи ЛП в аптечной сети с помощью программного комплекса «1С-склад», позволяющего в автоматическом режиме отслеживать градацию ЛП по степени влияния на това-

не может покрыть роста прожиточного уровня и роста цен на хондропротекторы, среди которых ни один препарат не попал в регулируемые перечни, поэтому население и приобретает препараты данной группы за собственные средства.

Ключевые слова: хондропротекторные лекарственные препараты, аптечные продажи, экономическая доступность.

рооборот (ABC-анализ) и по стабильности спроса (XYZ-анализ). Методом контент-анализа установили ТОП-20 ЛП данной группы [6].

Экономическую доступность препаратов анализируемой группы устанавливали с помощью расчета коэффициентов [3,4].

Коэффициент адекватной платежеспособности ($C_{a.s.}$) рассчитывали по формуле:

$$C_{a.s.} = \frac{\bar{P} \times \alpha}{W_{a.w.}} \times 100\%,$$

где $C_{a.s.}$ — коэффициент адекватности платежеспособности;

α — количество упаковок лекарственного препарата, необходимого для лечения в течение 1 месяца;

\bar{P} — средняя цена препарата в период наблюдений;

$W_{a.w.}$ — средняя заработная плата за определенный месяц.

Этот коэффициент отражает величину спроса на ЛП и характеризует покупательскую способность, которая определяется по величине данного показателя: чем он ниже, тем выше доступность препарата.

Индивидуальный индекс розничных цен определяли делением средней розничной цены в текущем периоде на среднюю розничную цену в предыдущем периоде [3].

Анализ показателей доступности для платежеспособных граждан оценивали по коэффициенту доступности [2,3]:

$$D = \frac{I_x \times Z_{min}}{I_s \times V_k}$$

где I_x — индекс изменения средней заработной платы в регионе;

Таблица 1. Градация ассортимента хондропротекторов на основе ABC–XYZ анализа розничных продаж аптечных организаций г. Махачкалы (1 полугодие 2016 г.)

№ Рейтинга	Наименование	Средняя цена, руб.	Группа	Страна-производитель
1	Мукосат 100 мг 1 мл № 10	327,00	AX	Россия
2	Афлутоп 1 мл № 10	1457,00	AУ	Румыния
3	Арта 500 мл+500 мл № 30	766,00	AZ	США
4	Хондролон амп. 0,1 № 10	1386,46	AZ	Россия
5	Дона 1,5 № 60	1236,10	AZ	Италия
6	Терафлекс капс. № 60	908,09	AZ	Германия
7	Терафлекс капс. № 100	1559,78	AZ	Германия
8	Терафлекс адванс капс. № 120	1931,56	AZ	Германия
9	Хондроксид 5% крем 30,0	389,06	AZ	Россия
10	Остенил плюс 2% гиалуроновой кислоты в шприце 2 мл	3443,55	AZ	Германия
11	Афлутоп 10 мг 2 мл № 5	2044,06	AZ	Румыния
12	Арта 500 мл+500 мл № 60	1083,15	BZ	США
13	Хондрогард 100 мг 2 мл № 10	1256,79	BZ	Россия
14	Хондроксид 5% гель 30 мг	299,05	BZ	Россия
15	Глюкозамин 500мг+Хондроитин 500мг капс.№ 90	341,63	BZ	Россия
16	Хондроксид 5% крем 30 мл	317,82	BZ	Россия
17	Кондронова капс. № 30	344,86	CZ	Индия
18	Хондроитин гель 5% 30 мл	84,18	CZ	Россия
19	Хондроксид плюс 8% 50мг	618,27	CZ	Россия
20	Артадол № 10	660,16	CZ	Россия

Таблица 2. Показатели изменения доходов населения Республики Дагестан за период с 2013 г. по 2017 г.

Год	Средняя заработная плата в регионе, руб.	Минимальная заработная плата, руб.	Прожиточный уровень, руб.	Индекс изменения заработной платы	Индекс изменения цен на ЛП
2013	16835	5554	7262	1,08	0,98
2014	18194	5965	7770	1,06	1,00
2015	19239	6204	8984	1,06	0,95
2016	20629	7500	9076	1,07	1,06
2017	21000	7800	9463	1,02	1,00

I_s — индивидуальный индекс розничных цен по каждому ЛП за текущий период;

Z_{min} — минимальная заработная плата в регионе;

V_k — прожиточный минимум.

Данный показатель свидетельствует о предельном значении доступности для малообеспеченных граждан.

Результаты и обсуждение

Структуризация потребления хондропротекторов населением Республики Дагестан проводили с помощью анализа реализации товара в порядке уменьшения их объема продаж (метод ABC-анализа) и по стабильности его потребления (метод XYZ-анализа), который прово-

дили параллельно с ABC-анализом. Исследования проводили на примере аптечной сети МФС г. Махачкалы (12 аптек) в автоматическом режиме с помощью программного комплекса «1С-склад». Отслеживали позиции хондропротекторов в группе А, В и С в общей массе ассортимента, который насчитывал на момент исследования (1 полугодие 2016 г.) 2728 торговых наименований ЛП.

На основании проведенного анализа установлено, что наибольший вклад в продажи вносят широко рекомендуемые ЛП преимущественно зарубежного производства (Германия, США, Румыния). Так в группу А и В попали 16 ЛП. Среди них инъекционные формы обеспечили 53,22% объема продаж, пероральные и наружные ЛП — 7,0%. Данная фармакотерапевтическая группа ЛП

Таблица 3. Динамика средних показателей доступности хондропротекторных ЛП для малообеспеченных граждан Дагестана за период с 2013 г. по 2017 г.

Наименование	Цена 2016 г., руб.	Цена 2017 г., руб.	Индивидуальный индекс цены	Доступность	
				ЛП в общем	Индивидуальная доступность
Мукосат 100 мг 1 мл № 10	327,00	523,00	1,60	0,79	0,55
Афлутоп 1 мл № 10	1457,00	1482,00	1,02	0,79	0,86
Арта № 30	766,00	1083,00	1,41	0,79	0,62
Хондролон 0,1 № 10	1386,46	1019,10	0,74	0,79	1,20
Дона 1,5 № 60	1236,10	1262,00	1,02	0,79	0,86
Терафлекс. № 60	908,9	1166,00	1,28	0,79	0,69
Терафлекс № 100	1559,78	2084,00	1,34	0,79	0,66
Терафлекс № 120	1931,56	2589,00	1,34	0,79	0,66
Хондроксид 5% 30,0	389,60	421,00	1,08	0,79	0,82
Арта № 60	1083,18	1200,00	1,11	0,79	0,80
Хондрогард № 10	1256,89	1581,00	1,26	0,79	0,80
Хондроксид 5% 30 мг	299,05	321,00	1,07	0,79	0,82
Глюкозамин +Хондроитин № 90	341,63	406,00	1,19	0,79	0,74
Остенил плюс 2% шприц 2 мл	3443,55	3489,00	1,01	0,79	0,87
Афлутоп 2 мл № 5	2044,06	2250,00	1,10	0,79	0,80

относится к препаратам рецептурного отпуска и структура потребления свидетельствует о превалировании врачебных назначений данных препаратов в большей степени с лечебной, нежели профилактической целью. Кроме того, можно сделать вывод, что по информированию медицинской общественности лучше работают зарубежные компании. Дешевые российские аналоги импортных брендовых препаратов пока не нашли своего потребителя, это такие российские ЛП как Артрадол № 10 в ампулах, глюкозамин максимум в капсулах, Артрофоон в капсулах, Артро-Актив в капсулах и другие, стоимость которых колеблется в пределах 300–500 руб. за упаковку.

Следующим этапом наших исследований являлось определение показателя доступности ЛП изучаемой фармакотерапевтической группы для платежеспособного населения Дагестана. Гарантованный предел доступности товаров обычно обеспечивает государство, устанавливая прожиточный уровень и уровень максимальной заработной платы. Для соответствующих расчетов воспользовались данными Госкомстата Республики Дагестан (таблица 2).

Анализ данных таблицы 2 свидетельствует о том, что рост средней заработной платы в наблюдаемом периоде составил в среднем +5,8% в год. Цены на ЛП в среднем были стабильны на протяжении последних пяти лет и выросли на 6,0% только в 2016 г. по сравнению с 2015 г. Однако для малообеспеченных граждан Дагестана доступность ЛП в целом не возросла, так как минимальная

заработная плата населения этого периода не достигла уровня прожиточного минимума. Поэтому важно было определение индивидуальных индексов цен изучаемой группы препаратов и уровня доступности каждого ЛП.

Мониторинг средних розничных цен на хондропротекторы в аптечных организациях Дагестана показал, что с 2016 г. по 2017 г. рост цен наблюдали у 93,3% препаратов, у отечественных ЛП цены выросли в среднем на 15,6%, а на импортные ЛП на 18,1%, в то время как индекс изменения цен на все ЛП по республике в этот период составил 1,0. Такая ситуация с ценами на хондропротекторы может быть объяснена тем, что они не входят в группу регулируемых по ценообразованию ЛП.

Анализ расчетных данных доступности ЛП свидетельствует о том, что она ниже предельных значений — 1,0, что связано с тем, что рост размера минимальной заработной платы не покрывает роста прожиточного минимума в регионе и роста цен на изучаемую фармакотерапевтическую группу ЛП. Кроме того, сравнение индивидуальной доступности каждого препарата в 50% случаев оказалось ниже общей доступности ЛП для населения Дагестана. Без поддержки государства малообеспеченные граждане не могут воспользоваться хондропротекторной фармакотерапевтической помощью, особенно с использованием инъекционных лекарственных форм.

Так как граждане Дагестана могут приобрести данную группу ЛП только за собственные денежные сред-

Таблица 4. Динамика коэффициентов адекватности платежеспособности населения Дагестана в отношении хондропротекторов (2013–2017 гг.)

Наименование ЛП	Средний коэффициент адекватности платежеспособности, %				
	2013	2014	2015	2016	2017
Мукосат 100 мг 1 мл № 10	3,88	3,75	3,46	3,17	4,9
Афлутоп 1 мл № 10	21,43	20,61	21,05	21,19	21,17
Арта № 30	4,15	4,40	4,68	4,84	10,31
Хондролон 0,1 № 10	9,6	9,90	10,40	12,12	9,70
Дона 1,5 № 60	9,55	9,72	8,76	9,00	9,00
Терафлекс № 60	4,16	4,20	4,16	4,40	5,55
Терафлекс № 100	6,86	6,65	6,86	7,67	9,92
Терафлекс № 120	4,15	4,23	4,15	4,68	6,16
Хондроксид 5% гель 30,0	1,03	1,04	1,07	1,92	2,00
Арта № 60	4,86	4,91	5,09	5,24	5,71
Хондрогард № 10	–	–	12,41	12,18	15,05
Хондроксид 5% крем 30 мг	1,32	1,33	1,36	1,89	2,00
Глюкозамин +Хондроитин № 90	1,76	1,71	1,69	1,65	1,93
Остенил плюс 2% шприц 2 мл	13,0	15,71	15,59	16,69	16,61
Афлутоп 2 мл № 5	12,82	20,79	20,30	18,9	20,71

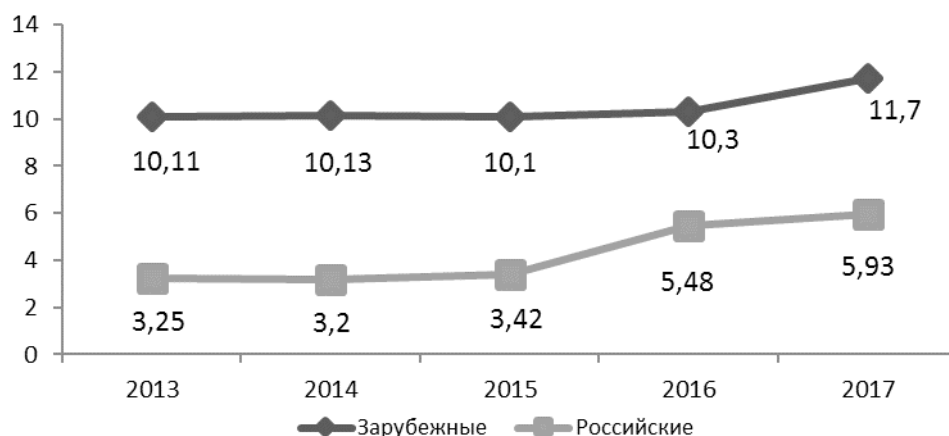

Рис. 1. Динамика коэффициентов адекватности платежеспособности хондропротекторных ЛП отечественного и зарубежного производства в Республике Дагестан

ства, далее рассчитывали коэффициент адекватности платежеспособности для каждого ЛП за период с 2013 по 2017 гг.

Коэффициент адекватности платежеспособности показывает, какую часть дохода населения Дагестана может поглотить курс лечения хондропротекторами, который может длиться месяцами. Чем меньше значение данного коэффициента, тем более доступно такое лечение для платежеспособной части населения. Полученные данные по коэффициентам платежеспособности свидетельствуют о том, что наименее доступные и, следовательно, более затратные схемы лечения импортными инъекционными ЛП. При их применении за-

траты могут достичь более 20,0% месячного заработка. Вполне адекватной заменой импорта будет использование отечественного аналога Мукосат 1 мл № 10, курс лечения которым обойдется около 5,0% от заработной платы.

Полученные значения коэффициентов адекватности платежеспособности позволили установить, что наиболее доступны из инъекционных ЛП отечественный хондропротектор Мукосат № 10, далее капсулы Глюкозамина с Хондроитином № 90 и препараты Хондроитина наружного применения. Из зарубежных ЛП наиболее доступны капсулы под торговым наименованием Терафлекс № 60 и Артра № 60.

Динамика коэффициентов платежеспособности хондропротекторов за период с 2013 по 2017 гг. приведена на рисунке 1.

Как следует из данных рисунка 1, имеется тенденция роста средних значений коэффициента адекватности платежеспособности, как отечественных, так и зарубежных хондропротекторов, то есть рост средней заработной платы не успевает покрыть рост цен на данную группу ЛП.

За рамками наших исследований остались российские аналоги препарата Артра, которые оказались невостребованными в регионе, поэтому российским производителям необходимо активнее продвигать свои препараты с целью повышения доступности данной фармакотерапевтической группы для населения Дагестана.

Выводы

Таким образом, по результатам проведенных исследований объемов продаж хондропротекторов в аптечных организациях Республики Дагестан установлено, что стабильным спросом у населения пользуются 16 ЛП данной группы, 62,5% из них импортного производства. Несмотря на наличие достаточного количества отече-

ственных аналогов, они уступают по объемам продаж зарубежным аналогам. Мониторинг розничных цен на хондропротекторы с 2016 г. по 2017 г. показал, что рост цен наблюдали у 93,3% ЛП, причем у отечественных препаратов они выросли на 15,6%, а у импортных — на 18,1%.

Проведенный анализ коэффициента социально-экономической доступности позволяет утверждать, что доступность хондропротекторов для населения Дагестана ниже предельной величины. Негативные тенденции объяснимы тем, что рост средней и минимальной заработной платы в Республике Дагестан не успевает покрыть рост цен на данную группу ЛП, ценообразование на которые не регулируются государством. Кроме того, минимальная заработная плата в Дагестане так и не достигла уровня прожиточного минимума (82,9%) и является одной из самых низких в стране.

Полученные значения коэффициентов адекватности платежеспособности населения позволили установить наиболее доступные ЛП хондропротекторов отечественных производителей — ампулы Мукосат № 10, капсулы Глюкозамина с Хондроитином № 90, крем и гель Хондроксида. Среди зарубежных ЛП наиболее экономически доступны для населения капсулы Терафлекс № 60 и Артра № 60.

ЛИТЕРАТУРА

1. Омаров М. М. Частота заболеваний тазобедренного сустава в Республике Дагестан / М. М. Омаров // Травматология и ортопедия России. — 2005. — № 3 (37). — С. 48–52.
2. Чупандина, Е. Е. Анализ экономической доступности лекарственных препаратов для лечения глаукомы на фармацевтическом рынке // Е. Е. Чупандина, М. М. Куролап // Научные ведомости БелГУ: Серия Медицина, Фармация. — 2012. — № 10 (129), — вып. 18. — С. 191–196.
3. Котвицкая, А. А. Анализ ценовых характеристик лекарственных препаратов нейропротекторного действия, представленных на фармацевтическом рынке Украины / А. А. Ротвицкая, И. А. Лобова // Научные ведомости БелГУ: Серия Медицина, Фармация. — 2013. — № 11 (154), — вып. 22/2. — С. 32–38.
4. Курбанмагомедова, Э. А. Анализ насыщенности ассортимента лекарственных препаратов для лечения остеоартрозов в Республике Дагестан / Э. А. Курбанмагомедова, М. А. Гарумова, И. Н. Айро // Разработка, исследование и маркетинг новой фармацевтической продукции: сборник научных трудов, Ижевск, 2017. — С. 379–383.
5. Соболева, Н. И. Заболевания опорно-двигательного аппарата: остеоопороз, остеоартроз, подагра / Н. И. Соболева, В. Н. Петров, В. А. Лапотников // Медицинская сестра. Профессия: теория и практика. — 2012. — № 2. — С. 29–37.
6. Котвицька, А. А. Клініко-економічний аналіз фармацевтичного забезпечення хворих з ішемічним інсультом / А. А. Котвицька, І. О. Лобова // Фармаком. — 2013. — № 4. — С. 107–112.

© Курбанмагомедова Эльвира Ажубовна, Гарумова Мадина Алиевна,
Айро Ирина Николаевна (irina.airo@yandex.ru), Албаков Алихан Юсупович.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД К МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Миндлин Юрий Борисович

К.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени им. К. И. Скрябина
mindliny@mail.ru

CLUSTER APPROACH TO MODERNIZATION OF EDUCATION: DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

Yu. Mindlin

Summary. The purpose of the article is to consider the problem of modernizing the education system in Russia from the cluster approach point of view and the foreign countries experience. In substantiating the theoretical principles and conclusions of the study, general scientific and special methodological approaches were used: a systematic approach, methods of expert and logical analysis. When solving individual problems, cluster analysis was used, as well as statistical data analysis methods. The empirical information base is represented by statistical data from the European Cluster Observatory and the Ministry of Labor of the Russian Federation. The ambiguous attitude to the problem of creating economic clusters that exist today in the scientific community of Russia, and requires a deep study of scientific approaches to this economic phenomenon in foreign countries in the framework of a new concept of competitiveness, considering the possibility of creating qualitatively new integrated structures in the field of education aimed at implementing innovative investment component of economic policy and the practical integration of the education system in cluster programs. Despite the fact that cluster policy has been carried out with respect to the leading sectors of the Russian economy for a long time, in the sphere of education, the clustering processes have not been practically identified. Moreover, the author, based on an analysis of the foreign experience of developed and developing countries, comes to the conclusion that it is the cluster approach to the economic management of the education sector that makes it possible to increase the level of competitiveness of Russian educational institutions, and also helps to form new clusters of economic development on their basis.

Keywords: cluster programs, educational cluster, modernization of the education system, cluster approach, clustering of the education system in the Russian Federation, management economics.

Аннотация. Статья посвящена проблеме опыта кластеризации сферы образования в России и за рубежом. Цель статьи заключается в рассмотрении проблемы модернизации системы образования в России с точки зрения кластерного подхода и опыта зарубежных стран. Теоретические положения и выводы исследования основаны на общенаучных и специальных методических подходах: системном подходе, методах экспертного и логического анализа. При решении отдельных задач были использованы контент-анализ научной литературы, а также статистические методы анализа данных. Информационно-эмпирическая база исследования представлена статистическими данными Европейской кластерной обсерватории, материалами Министерства труда и социального развития населения РФ. Модернизация системы российского образования требует глубокого изучения научных подходов к процессам экономической кластеризации в зарубежных странах в рамках новой концепции конкурентоспособности, рассматривающей возможность создания качественно новых интегрированных структур в сфере образования. Участие образовательных учреждений в кластерных программах за рубежом направлено на реализацию инновационно-инвестиционной составляющей экономической политики и практическую интеграцию системы образования в кластеры. Несмотря на то, что кластерная политика проводится в отношении ведущих отраслей российской экономики достаточно давно, в сфере образования процессы кластеризации практически не выявлены. При этом автор, анализируя зарубежный опыт развитых и развивающихся стран, приходит к выводу о том, что именно кластерный подход к экономическому управлению сферой образования позволит повысить уровень конкурентоспособности российских учебных заведений, а также будет способствовать формированию на их базе новых кластеров экономического развития.

Ключевые слова: кластерные программы, образовательный кластер, модернизация системы образования, кластерный подход, кластеризация системы образования в РФ, экономика управления.

В настоящее время система российского образования переживает ряд существенных трансформаций: классический академический подход переосмысливается с позиций внедрения новых методов обучения будущих специалистов [4, с.29]. Интегративная модель обучения является эффективной альтернативой классическому академическому образованию, при этом практика ряда зарубежных стран показывает ее высокую эффективность

[15, с.104]. В частности, данная модель на протяжении последних лет успешно применяется в Швейцарии [15, с.148], при этом самой сильной стороной швейцарской системы высшего образования является именно практическая направленность, достигаемая в рамках интегративной модели обучения. Выпускники швейцарских вузов занимают первое место в мире по таким специальностям, как банковская деятельность, услуги гостеприимства и юри-

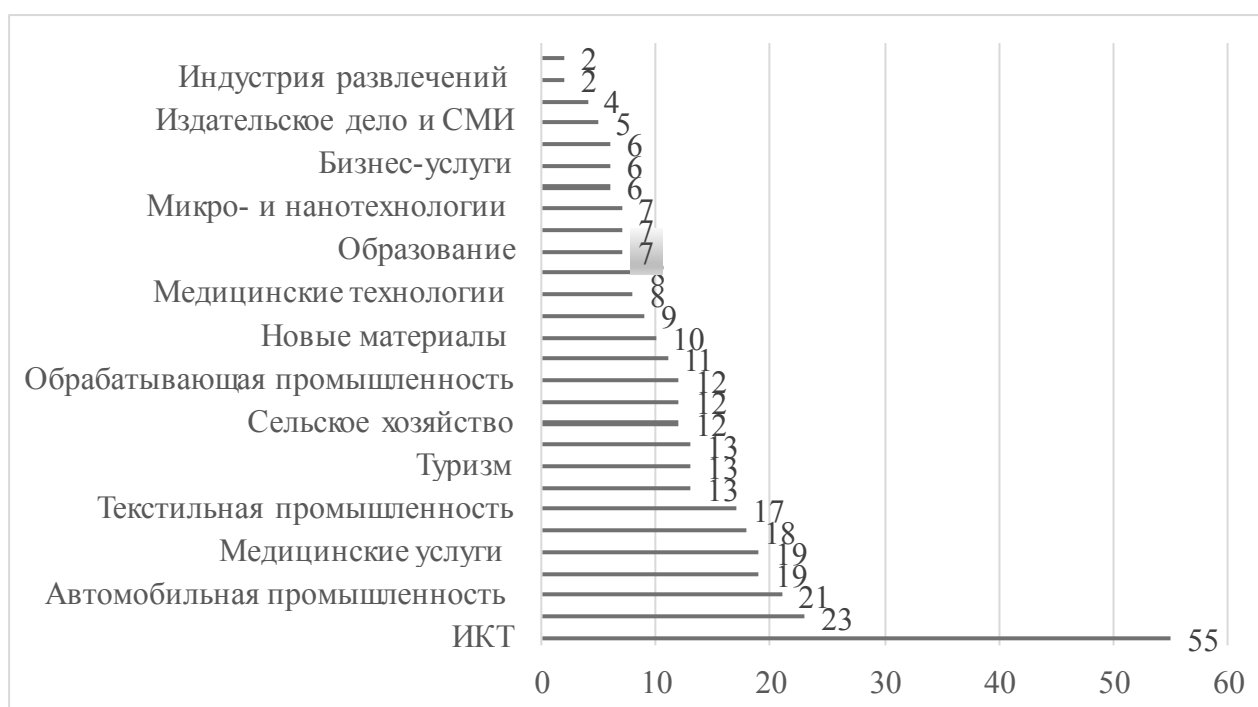

Рис. 1. Индекс кластеризации в экономике стран ЕС по отраслевой специализации (составлено по данным Европейской кластерной обсерватории [14])

спруденция. Швейцария названа лучшей страной в мире в глобальном рейтинге 2018 года [12].

Интегративная модель обучения специалистов высших учебных заведений позволяет учитывать особенности национального внутреннего рынка труда той страны, в которой студенты проходят обучение [15, с. 167], что в будущем может способствовать наращиванию экономического потенциала инновационного характера в кластерном формате. Например, в Японии интегративный подход широко применяется в подготовке специалистов в области компьютерных технологий, медицины, государственного управления и топ-менеджмента при одновременном мониторинге рынка труда и тесном взаимодействии с частными и государственными фирмами-участниками кластера [15, с. 167].

В программах Британских вузов интегративный подход также получил достаточно сильное развитие: методы интеграции нескольких предметных областей в изучении каждой дисциплины позволяют готовить квалифицированных специалистов в области государственного управления, целого ряда технических специальностей добывающей промышленности и т.д., что способствует наращиванию конкурентоспособного и инновационного потенциала в уже существующих экономических кластерах [15, с. 173]. В свою очередь, кластерная модель управ-

ления образовательной сферой предполагает интегративный подход к обучению специалистов вузов, требуя при этом специальной подготовки преподавательских кадров [4, с.27]. Таким образом, зарубежная практика показывает, что кластеризация сферы образования возможна только на основе интегративной модели обучения специалистов, что позволяет учесть особенности рынка труда и социально-экономические потребности конкретной страны, а также прочно связать теоретические разработки образовательных учреждений с профессиональной практической деятельностью выпускников.

В данном контексте необходимо выявить основные проблемы внедрения кластерной модели в российскую систему образования, поскольку российские специалисты известны во всем мире своей фундаментальной теоретической подготовкой, однако в российских условиях 60% знаний выпускниками не используется: существует дисбаланс между широкой теоретической подготовкой специалиста и возможностями практического применения этих знаний в последующей профессиональной деятельности именно в силу того, что образовательные учреждения крайне слабо задействованы в процессах региональной кластеризации [11]. Данная проблема требует специального изучения, поскольку без пересмотра самой концепции системы образования и без ее ориентации на практическую профессиональную деятельность существенная конкурен-

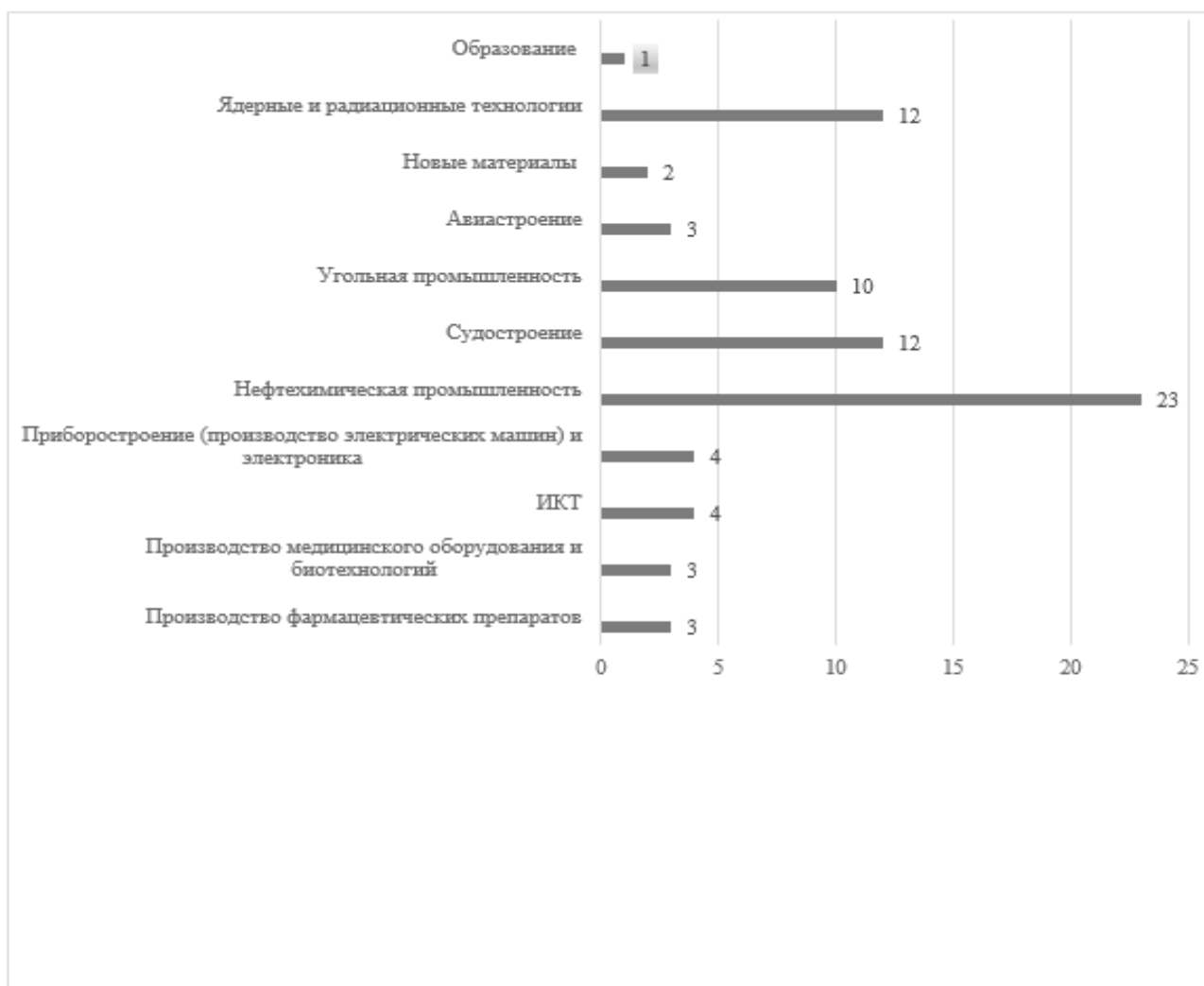

Рис. 2. Индекс кластеризации российской экономики по отраслевой специализации [3]

тоспособность российских специалистов в большинстве практических областей становится невозможной. Для пересмотра модели образования, на наш взгляд, необходимо изучить зарубежный опыт кластеризации в этой сфере.

Образовательный кластер сам по себе явление широко известное за рубежом. Классическое определение кластера было определено М. Портером: «кластер — это группа географически соседних взаимосвязанных компаний и организаций, связанных с ними, работающих в определенной области и характеризующихся общими действиями и взаимным усилением» [17, с.110]. С учетом специфики можно говорить о том, что «образовательный кластер» — это комплекс образовательных учреждений всех уровней образования в пределах определенной географической области, поставщиков ресурсов и работодателей, элементов инновационной системы, а также органов власти и управления, деятельность ко-

торых связана с близлежащими отраслями и развитием региональной инновационной системы [4, с. 29].

Проведенный анализ научной литературы показал, что большинство современных зарубежных исследований проблем кластеризации сосредоточено исключительно на европейских странах и основано на их понимании концепции кластеров, что объясняет лидерство Европы с точки зрения результативности применения кластерного подхода в сфере образования и количества сформированных кластеров, активными участниками которых являются образовательные учреждения.

В российской экономике индекс кластеризации выглядит следующим образом (рисунок 2).

Индекс кластеризации сферы образования, как видно на рисунке 2, по сравнению с показателями стран ЕС

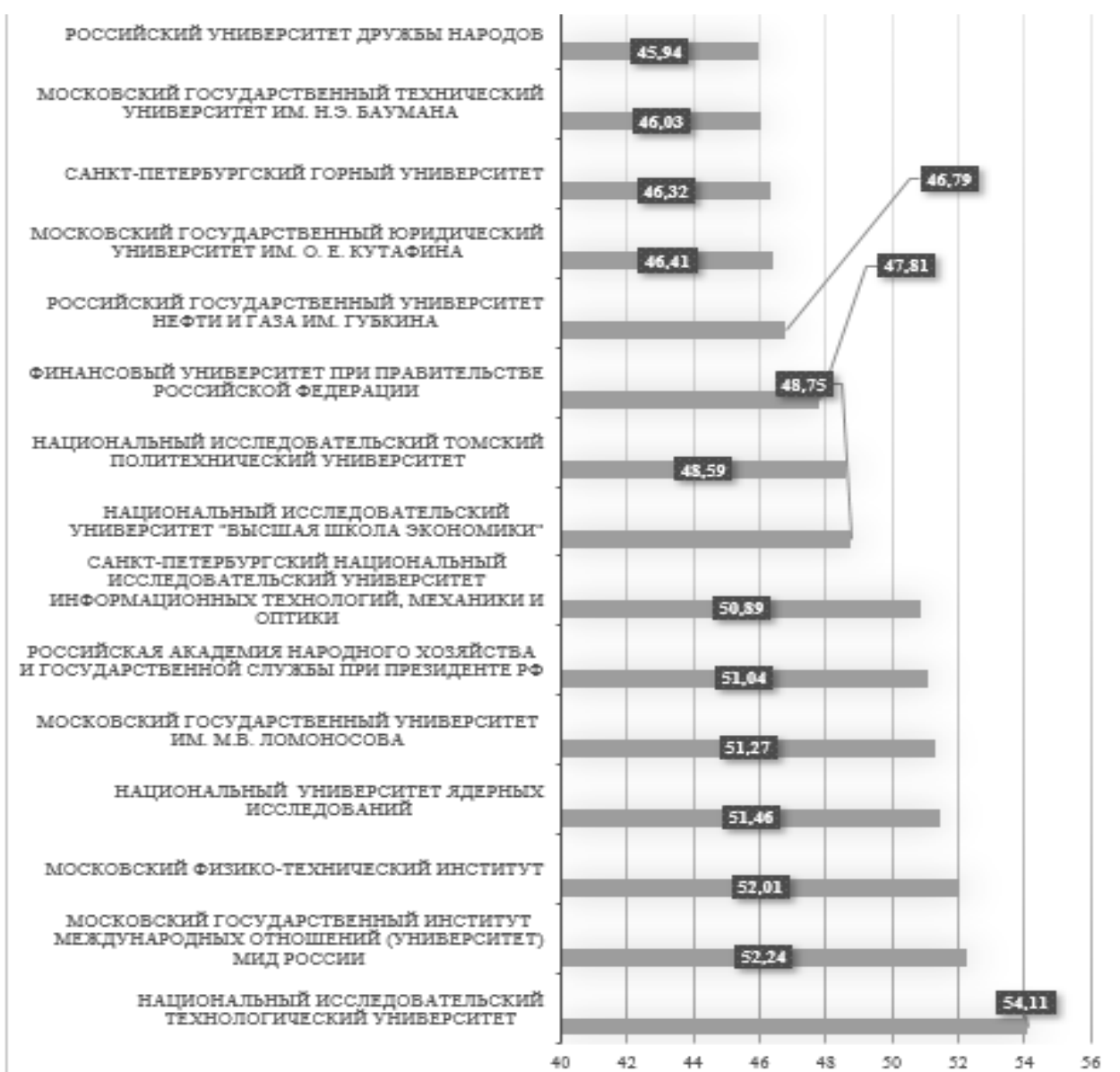

Рис. 3.Топ-20 российских вузов по версии Forbes 2018 [12]

пока является самым низким, поэтому представляется необходимым провести оценку сектора образования с учетом требований рынка труда и международных стандартов. В частности, в сфере высшего образования в России можно отметить существенное снижение конкурентоспособности (рисунок 3).

В 2018 году Forbes был составлен рейтинг [12] высших учебных заведений для оценки не только качества российского образования, но также с целью выяснить, какие вузы России выпускают конкурентоспособных специалистов, которые в дальнейшем станут частью мировой или российской элиты. Согласно рейтингу на 2018 год, первое и второе места заняли два россий-

ских вуза: Российская экономическая школа и РАНХиГС. В первую двадцатку вошли еще три вуза экономической специализации: Высшая школа экономики, Финансовый университет при Правительстве РФ и Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

С позиций нашего исследования необходимо отметить, что в рейтинге Forbes самой многочисленной стала группа вузов технического и естественно-научного профиля. Эти именно те высшие учебные заведения, в которых применяется один из элементов интегративной модели обучения студентов: проектный метод, благодаря чему данные учебные заведения активно участвуют в кластерных проектах. Данные рейтинговой статистики,

представленные Forbes, обнаруживают одну из негативных тенденций в российском образовании: вузы гуманитарного профиля в топ-20 не вошли ни в 2018 году, ни в предыдущие годы [12]. Это означает неостребованность специалистов гуманитарных специальностей в процессах экономической кластеризации как в России, так и за рубежом.

Проблема также в том, что потребности рынка труда обусловлены особенностями развития территории Российской Федерации. Традиционная деятельность высшего образования всегда была ориентирована на общую экономику процессов, действующих в отрасли [1, с.5]. Профиль отрасли образовательных учреждений региона сосредоточен на кадрах конкретных секторов экономики. Такая ситуация, по мнению некоторых аналитиков, привела к ряду противоречий между отдельными частями системы профессионального образования и региональными структурами [10, с.122; 12, с.3].

В связи с обозначенными проблемами представляется необходимым более подробно рассмотреть зарубежный опыт кластеризации в сфере образования.

Первое отличие от российского опыта заключается в том, что большинство европейских стран реализуют кластерную политику в области образования с помощью специальных кластерных программ (20 из 29 стран Европейского Союза). В других странах применяются индивидуальные подходы, включая особые программы ЕС [13]. Некоторые страны предоставляют кластерную поддержку образовательным учреждениям в рамках одной конкретной программы (Германия, Испания, Австрия, Франция), в то время как другие имеют различные вспомогательные программы с конкретными целями (Эстония, Литва, Латвия). Большинство кластерных программ направлены на решение различных задач, но некоторые страны реализуют программы, ориентируясь на одну конкретную цель [13].

Второе отличие заключается в масштабе поддержки европейских образовательных кластеров: годовые бюджеты на поддержку кластеров данного типа варьируются в зависимости от масштаба и размера программ (до 144 млн. евро в год); самые высокие бюджеты зарегистрированы во Франции, Венгрии и Великобритании [14]. Кластерные программы и кластерные организации в сфере образования в большинстве случаев финансируются из различных источников, но государственное финансирование играет решающую роль (2,32 млрд. евро запланированных инвестиций в рамках европейских структурных и инвестиционных фондов) [14]. Проведенный анализ специальной литературы показал, что большинство европейских стран обращается к кластерам в развивающихся областях, часто параллельно поддерживая зрелые кластеры.

Как правило, кластерные программы в сфере образования адресованы кластерным организациям и/или другим частным и государственным субъектам (бизнес, исследовательские институты, консалтинговые ассоциации).

В большинстве регионов действуют региональные кластерные политики или стратегии (38 из 49 выборочных регионов). Из них в 26 регионах действуют специализированные региональные кластерные программы для системы образования [14]. При этом региональные стратегии инноваций и «умных специализаций», а также операционные программы являются важными инструментами поддержки кластеров в сфере образования [14]. В большинстве регионов кластерная поддержка образовательным учреждениям предоставляется в рамках региональных программ, но в некоторых регионах учитывается европейский, национальный и региональный уровни управления [13].

Третье отличие европейского опыта от российской практики заключается в том, что региональная кластерная поддержка адресована конкретному набору заинтересованных сторон, в частности, кластерным организациям, частично объединенным с другими частными или государственными субъектами [14]. При этом некоторые регионы работают исключительно с кластерными организациями в сфере образования и малого бизнеса [13].

Интересно, что роль государства в процессе кластеризации в различных странах реализуется по-разному. Соединенные Штаты, Израиль, Канада, Китай, Тайвань, Сингапур, Япония и Южная Корея внедряют специализированные государственные кластерные программы в сфере образования [14]. Подходы в некоторых странах (Бразилия, Тайвань, Мексика) сконцентрированы на территориальном уровне, в то время как другие (Канада, Израиль, Китай, Сингапур, Южная Корея) ориентированы на отраслевую или технологическую направленность [13]. В азиатских странах кластерная политика в области образования разработана и реализована в рамках мониторингового нисходящего подхода под руководством правительства [14]. Кластерная политика в Канаде, Китае или Сингапуре со временем сосредоточилась на небольшой группе высококлассных и конкурентоспособных на международном уровне кластеров [13].

Некоторые страны используют образовательные кластеры в качестве средства стимулирования частной деятельности (США), ориентируясь на технологии или дальнейшие стратегические цели (Израиль, Сингапур, Южная Корея, Япония) или местное развитие (Бразилия, Мексика, Тайвань) [14].

Кластерные программы в области образования, встроенные в конкретные условия экономического

управления каждой страны, реализуются широким кругом участников. Кластерные организации в сфере образования часто приглашаются для участия в государственных конкурсах, при этом круг заинтересованных сторон и годовые бюджеты различаются по масштабам (до 144 миллионов евро во Франции) [13]. Среди аспектов, которые были оценены как очень важные для поддержки дальнейшего развития образовательных кластеров, согласно последнему исследованию Европейской кластерной обсерватории, — развитие навыков, человеческих ресурсов и обучения при обязательном предоставлении информации о поиске партнеров и финансировании исследований и разработок [14].

Следует подчеркнуть, что в большинстве проанализированных стран существует определенная традиция кластерной политики, которая входит в число передовых инструментов политики экономического управления. В частности, в азиатских странах кластерная поддержка основывается на таких подходах, как поддержка промышленных агломераций [14]. В странах с давними традициями кластерной политики можно выявить определенные пути развития, в основном в направлении более высокой специализации или конкретных целей, таких, как интернационализация [13]. В некоторых случаях эти пути развития отражают изменяющиеся базовые условия или цели экономического развития сферы образования, главным образом на макроэкономическом уровне. В азиатских странах осуществляются пути развития от промышленных до инновационных кластеров, в то время как в Европе можно наблюдать сдвиг в сторону новых областей на технологическом и/или промышленном уровне по специализации.

Анализ кластерных программ за рубежом связан с различными видами деятельности Европейской обсерватории по кластерам и промышленным изменениям (EOIC), в частности, с различными мероприятиями, на которых обсуждаются конкретные аспекты кластерной политики, такими, как Европейский форум по кластерной политике, «Недели кластеров» в ЕС и Европейская кластерная конференция [13].

Интересно отметить относительную важность интернационализации поддержки образовательных кластеров в отличие от основных преимуществ, присущих кластерам с точки зрения пространственной близости. Это показывает, что успешные образовательные кластеры

характеризуются совпадением пространственной близости и связанности с внерегиональными партнерами. Например, правительство Германии внедрило специальную меру по интернационализации в качестве последующей программы поддержки для 15 передовых кластеров, выделенных на основе конкурсного отбора [13]. В Польше активной поддержкой государства пользуется программа «Интернационализация», основной целью которой является интеграция высших учебных заведений в инновационные кластеры высокотехнологического типа [13].

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

Важными отличительными характеристиками формирования образовательных кластеров в зарубежных странах являются 1) создание условий для подготовки специалистов с разным уровнем профессионального образования; 2) интеграция образования с наукой и производством; 3) повышение престижа высококвалифицированных профессий. Интерес к кластерному подходу в сфере образования также определяется масштабным положительным опытом кластеризации образовательной сферы многих стран (США, Италии, Великобритании, Канады, Франции, Германии и др.), который доказал эффективность использования кластерных структур для повышения конкурентоспособности учебных заведений на практике. В России уровень кластеризации сферы образования в настоящее время недостаточен, индекс кластеризации данной сферы самый низкий в отраслевом разрезе по данным 2019 года. В силу изложенных проблем российского образования необходимо кардинально менять подход не только к государственной поддержке и ее формату, но также к подготовке специалистов как будущих участников рынка труда, поскольку без интегрированного обучения высококвалифицированный трудовой ресурс получить не представляется возможным. Необходимо сделать сферу образования экономически привлекательной для участия в кластерных программах структур малого и среднего бизнеса; помимо участия государства, привлекать венчурные инвестиции на основе государственных гарантий. Таким образом, вопросы кластеризации сферы образования в России требуют комплексного участия как самих учебных заведений, так и бизнес-структур, государственных структур — в первую очередь профильных министерств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головина А. Г. Интеграция образовательной и производственной деятельности при подготовке специалистов // *Universum: психология и образование*. — 2014. — № 8–9(8). — С. 4–9.
2. Иванова С. А. Кластерная система высшего образования: инновационный подход // *Евразийская адвокатура*. — 2014. — № 4. — С. 69–75.

3. Карта кластеров России. URL: <http://clusters.monocore.ru/list>
4. Ковалева Т. Ю., Балеевских В. Г. Моделирование образовательных кластеров в целях определения направлений государственной политики развития региона (на примере пермского края) // ARS ADMINISTRANDI. — 2015. — № 1. — С.28–49.
5. Проняева Л. И.; Федотенкова О. А., Павлова А. В. Идентификация кластеров в экономике и модель их функционирования // Вестник государственного и муниципального управления. — 2016. — № 3. — С. 124–132.
6. Регионы примеряют кластеры // Территориальные кластеры: дайджест новостей. ВШЭ, Институт статистических исследований и экономики знаний, Российская кластерная обсерватория. — 2018. — № 2. — С. 4–6.
7. РИА Новости. Почти 60% россиян работают не по специальности — Росстат. URL: <https://ria.ru/20120813/722231749.html>
8. РИА Новости. Роструд узнал, сколько россиян работают по специальности. URL: <https://ria.ru/20170607/1495988368.html>
9. Руднева П. С. Опыт создания структурных кластеров в развитых странах // Экономика региона. — 2017. — № 18. — С. 4–10.
10. СПАРК. База данных. Интерфакс. Международная информационная группа. URL: <http://www.spark-interfax.ru/>
11. ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России. Анализ положения выпускников с высшим и средним профессиональным образованием на рынке труда России URL: http://spravochnik.rosmintrud.ru/storage/app/media/Analiz%20polozheniya%20vypusknikov_VNII%20tpuda.pdf
12. Best Countries report by US News & World Report. (2018). Y&R's BAV Consulting, and the Wharton School of the University of Pennsylvania. URL: <https://news.wharton.upenn.edu/press-releases/2018/01/2018-best-countries-report-names-switzerland-number-1-world/>
13. ECIE2017. 12th European Conference on Innovation and Entrepreneurship. URL: <http://toc.proceedings.com/36878webtoc.pdf>
14. European Observatory for Clusters and Industrial Change. Cluster programmes in Europe and beyond. URL: <https://www.clustercollaboration.eu/eu-initiatives/european-cluster-observatory>
15. Feser, E. Industry cluster concepts in innovation policy: A comparison of US and Latin American experience. Springer: Berlin/Heidelberg, Germany. 2019. — 338 p.
16. Hamdouch, A. Innovation clusters and networks: A critical review of the recent literature. In Proceedings of the 19th European Association for Evolutionary Political Economy Conference, Porto, Portugal, 1–3 November. 2007. — С. 34–38.
17. Porter, M. E. The Competitive Advantage of Nations. Free Press. New York. 2001. — 210 p.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени им. К.И. Скрябина

ОТКРЫТОЕ И ПРОЗРАЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА: АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

OPEN AND TRANSPARENT MANAGEMENT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE REGION: ANALYSIS OF THE STATE AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

O. Pivovarova

Summary. The article considers the features of management of socio-economic development in the region on the basis of the analysis of the use of infocommunication tools that promote openness and transparency on the example of the Lipetsk region. The level of openness of budget data in the region is analyzed, the problems of organizing and conducting public hearings are highlighted. The features of functioning of some federal services in the Lipetsk region are investigated: «Open data», «Electronic government», «Your control». The problem of low motivation of representatives of executive authorities to effective, transparent and open activity is revealed. The necessity of forming a mechanism of public responsibility on the basis of improving infocommunication tools of transparency and openness is proved.

Keywords: management of socio-economic development in the region, openness and transparency, infocommunication tools, public responsibility, public administration.

Пивоварова Ольга Владимировна

*М.н.с., Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (г. Москва)
olga_piv@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности процесса управления социально-экономическим развитием региона на основе анализа применения инфокоммуникационных инструментов, способствующих повышению открытости и прозрачности, на примере Липецкой области. Проанализирован уровень открытости бюджетных данных в регионе, выделены проблемы организации и проведения публичных слушаний. Исследованы особенности функционирования некоторых федеральных сервисов в Липецкой области: «Открытые данные», «Электронное правительство», «Ваш контроль». Выявлена проблема низкой мотивации представителей органов исполнительной власти к результативной, прозрачной и открытой деятельности. Обоснована необходимость формирования механизма публичной ответственности на основе совершенствования инфокоммуникационных инструментов прозрачности и открытости.

Ключевые слова: управление социально-экономическим развитием региона, открытость и прозрачность, инфокоммуникационные инструменты, публичная ответственность, государственное управление.

Снижение уровня доверия и уважения к власти со стороны граждан и частного сектора экономики является одной из ключевых проблем современной системы государственного управления на всех уровнях власти. Основная ее причина кроется в недостаточном уровне развития инфокоммуникационных инструментов взаимодействия власти и общества, а также в отсутствии мотивации органов государственной власти в целом и государственных служащих в частности к их активному использованию. Это, в свою очередь, обусловлено сложившейся системой государственного управления, в рамках которой ориентация на максимизацию общественного благосостояния не является основным критерием эффективности, а денежное содержание государственных служащих, несмотря на внедрение инструментов проектного управления, по-прежнему зависит от выслуги лет, а не от достигнутых общественно полезных результатов [1, С. 136]. Все это нарушает основы эффективного управления социально-экономическим развитием и приводит к тому, что

бюджетные ресурсы обеспечивают не общественные интересы, а потребности крупного бизнеса и бюрократии, пользующихся лояльностью соответствующих органов власти.

Решение данной проблемы возможно в рамках совершенствования инфокоммуникационных инструментов взаимодействия на основе принципов открытости и прозрачности путем формирования механизма публичной ответственности, что позволит эффективно имплементировать общественные интересы в систему управления социально-экономическим развитием страны в целом или конкретной территории. Однако, комплексная разработка механизма публичной ответственности выходит за рамки настоящей статьи, поэтому в данном исследовании мы сосредоточим свое внимание на анализе инструментов, способствующих повышению открытости и прозрачности, так как именно эти параметры являются определяющими для организации управления государством [2, С. 80] и образуют институ-

Таблица 1. Рейтинг субъектов ЦФО по уровню открытости бюджетных данных в 2015–2018 гг.

Наименование субъекта РФ	2015 год		2016 год		2017 год		2018 год	
	Место по ЦФО	Место по РФ	Место по ЦФО	Место по РФ	Место по ЦФО	Место по РФ	Место по ЦФО	Место по РФ
Московская область	1	8	1	4	1	1	1	8
Тамбовская область	3–4	21–22	2	14–15	7	28–29	2	13
Владимирская область	2	10	3	18	2	16	11	36
Ивановская область	14	56	4–5	24–25	3	19–20	3	18
Курская область	5	23	4–5	24–25	8	30–31	6	24
Тульская область	8	37	6	27–28	6	26	5	23
Тверская область	11	45	7	30	9	33–34	7	25–26
Брянская область	6	27	8	31–32	10	41	9–10	33–35
г.Москва	7	29–30	9	36	13	51	14	50
Воронежская область	3–4	21–22	10	38	4	21–22	8	29–30
Калужская область	16	66	11	46–47	5	25	4	20
Костромская область	13	54–55	12	49	15	54	15	66
Белгородская область	9–10	43–44	13	54	11	42	12	41
Липецкая область	9–10	43–44	14–15	61–62	16	69–70	16	69
Ярославская область	17	67	14–15	61–62	14	52	9–10	33–35
Рязанская область	12	46	16	64	12	44	13	49
Смоленская область	15	62–63	17	68	18	78	18	72
Орловская область	18	78	18	79	17	76	17	71

циональную основу работы механизмов обратной связи [3, С. 178].

При этом представляется целесообразным проанализировать работу указанного инструментария на региональном уровне, так как, с одной стороны, на территориях существует возможность реально учесть общественные интересы с учетом уровня дифференциации, а с другой, — несмотря на максимальную близость населения к местному самоуправлению, ресурсы муниципалитета для организации работы инфокоммуникационных механизмов в большей степени ограничены, чем у субъекта РФ. Рассмотрим их работу на примере Липецкой области.

В первую очередь, следует уделить внимание бюджетному процессу в регионе, так как именно расходы бюджета должны напрямую отражать интересы и предпочтения граждан территории посредством эффективного взаимодействия власти и общества [4, С. 27]. Состояние указанных процессов в Липецкой области можно оценить с помощью данных ежегодно составляемого рейтинга субъектов Российской Федерации по уровню открытости бюджетных данных. Рассмотрим, как изменялась ситуация в регионе за последние четыре года (таблица 1) [5].

На протяжении рассматриваемого периода Липецкая область существенно понизила свои и так невысокие позиции. Если еще в 2015 году она занимала 43–44 место

в Российской Федерации и делила 9–10 место с Белгородской областью по ЦФО, то уже к 2018 году она отодвинулась на 69 и 16 места соответственно, заняв последнее место в группе регионов со средним уровнем открытости бюджетных данных. Указанная тенденция является резко негативной и свидетельствует о нежелании органов региональной власти повышать прозрачность бюджетного процесса и привлекать общественность. Более того, такая существенная потеря позиций в рейтинге позволяет нам предположить, что данный процесс в области движется в обратном направлении, так как большая часть субъектов РФ постаралась повысить свое рейтинговое место, а, следовательно, органы публичной власти в этих регионах вели работу по данному направлению.

Рассмотрим, какие разделы рейтинга оказались в Липецкой области наиболее провальными (таблица 2) [5]. Ни одного балла регион не получил за уровень открытости информации по разделу «общественные советы». Это обусловлено отсутствием общественного совета при Управлении финансов Липецкой области, который должен осуществлять контроль за формированием и распределением бюджетных средств. Необходимость создания общественных советов при всех органах исполнительной власти в регионе была обозначена Общественной палатой Липецкой области еще в 2015 году, однако данный совет до сих пор не сформирован.

Два балла из десяти возможных Липецкая область получила в части внесения изменений в закон о бюджете

Таблица 2. Оценка Липецкой области в рейтинге субъектов РФ по уровню открытости бюджетных данных за 2018 год в разрезе тематических разделов

№	Наименование тематического раздела	Количество баллов Липецкой области	Максимальное количество баллов	Исполнение показателя, в%
1	Первоначально утвержденный бюджет	8,0	12,0	66,7
2	Внесение изменений в закон о бюджете	2,0	10,0	20,0
3	Промежуточная отчетность об исполнении бюджета	18,0	24,0	75,0
4	Годовой отчет об исполнении бюджета	6,0	26,0	23,1
5	Проект бюджета и материалы к нему	7,5	32,0	23,4
6	Бюджет для граждан	7,0	12,0	58,3
7	Финансовый контроль	2,0	6,0	33,3
8	Публичные сведения о деятельности государственных учреждений	6,0	15,0	40,0
9	Общественные советы	0,0	4,0	0,0
10	Лучшая практика	0,0	-	-
	ИТОГО	56,5	141,0	40,07

те, что связано с рядом фактов. Во-первых, отсутствуют заключения органа внешнего государственного финансового контроля на проекты законов о внесении изменений в бюджет. Во-вторых, ни законы, ни актуализированная версия бюджета не размещаются в открытом доступе на сайте, предназначенном для размещения бюджетных данных, роль которого в Липецкой области выполняет «Портал бюджетной системы Липецкой области» [6].

Невысокие баллы у субъекта РФ по предоставлению проекта бюджета с соответствующими материалами и годового отчета об исполнении бюджета, около 23% от максимальной оценки, что связано с неполным объемом предоставляемой информации.

Существенно низкий уровень наблюдается и в части организации финансового контроля в регионе (2 балла из 6 возможных). Это свидетельствует практически о полном отсутствии в открытом доступе информации о деятельности Контрольно-счетной палаты Липецкой области. Анализ данных, представленных на официальном сайте, лишь подтверждает это. Такое положение дел снижает доверие общественности не только к органам исполнительной власти, но и к контрольным органам, которые априори должны быть доступными и независимыми.

Оценка по статье «публичные сведения о деятельности государственных учреждений» тоже не отличается высокими результатами и составляет менее половины от максимальной. Это говорит о том, что большая часть государственных учреждений, находящихся на территории области, не размещают в открытом доступе отчеты об использовании закрепленного за ними государственного имущества, бюджетные сметы, планы финансо-

во-хозяйственной деятельности и информацию о государственных заданиях. Данный факт напрямую влияет на качество государственного управления в целом, так как не позволяет общественности и экспертам оценить деятельность данных учреждений, хотя именно они используют общественные ресурсы, призванные удовлетворять потребности граждан. Отсюда следуют нарушения в части организации государственных закупок в регионе, а также целевого использования бюджетных средств.

В качестве положительного момента следует отметить достаточно высокие баллы Липецкой области в части применения технологии «Бюджет для граждан», который представляет собой актуальный аналитический материал, подготовленный в доступной и понятной для граждан форме. В качестве критериев для формирования рейтинга рассматривались доступность, объективность и полнота информации. Несмотря на полученные баллы, следует отметить, что «Бюджет для граждан» Липецкой области сформирован на среднем уровне, о чем свидетельствуют следующие недостатки: информационная перегруженность для рядового гражданина (документ содержит более 70 слайдов); распределение ассигнований по разделам и подразделам представлено в форме таблицы из законопроекта, которая не воспринимается целостно из-за дробления на несколько слайдов, хотя именно данная таблица позволяет населению оценить, насколько их потребности учтены; излишнее количество текстовой информации и недостаток визуальных эффектов (схем, диаграмм); не представлена информация о некоторых государственных программах, реализуемых в регионе.

Именно с таким массивом информации о бюджете и деятельности государственных учреждений граждане

в Липецкой области подходят к использованию такого важного инструмента общественного контроля, как публичные слушания. Предметом публичных слушаний является проект областного бюджета с целью выявления и учета общественного мнения и общественно значимых интересов жителей области при реализации государственной политики для решения наиболее важных проблем экономического и социального развития области [7]. Интересы граждан помимо них самих, при условии соблюдения всех необходимых процедур, представляют депутаты областного Совета депутатов, Уполномоченный по правам человека в области, члены Общественной палаты Липецкой области, Уполномоченный по правам ребенка в Липецкой области.

Анализ порядка и применения норм о публичных слушаниях по проекту бюджета в Липецкой области позволил выделить следующие проблемные аспекты:

1. Время проведения публичных слушаний. Сложившаяся региональная практика демонстрирует две тенденции: проведение слушаний исключительно в рабочее время, либо допускается нерабочее. При этом предполагается, что выбор времени должен осуществляться с учетом мнения заинтересованных сторон — граждан или органов государственного управления [8]. В Липецкой области публичные слушания проводятся исключительно в рабочее время в будние дни, что, безусловно, накладывает отпечаток на состав участников со стороны представителей общественности.
2. Бюрократические ограничения. Процедуры участия граждан региона в слушаниях излишне формализованы: предполагается заблаговременная запись минимум за два дня, при выступлении с докладом тезисы должны быть согласованы с организаторами. Все это снижает мотивацию населения и экспертного сообщества к результативному участию в данном процессе.
3. Способы фиксации хода обсуждения и результатов слушаний. В Липецкой области по итогам слушаний формируется итоговый документ в форме рекомендации, которая представляет собой небольшую резолюцию с перечислением основных утверждаемых параметров областного бюджета и перечень сокращенных рекомендаций администрации области из 5–7 пунктов общего содержания. Сам процесс обсуждения, а главное — сущность вопросов — не фиксируются. Ответы на вопросы участников слушаний организаторы не раскрывают, видео- и аудио- запись не проводится.

Институт публичных слушаний по проекту бюджета в Липецкой области в настоящее время имеет достаточ-

но декларативный характер, представляя собой совещание работников администраций, на котором граждане лишены реальной возможности высказать свое мнение в отношении распределения бюджетных ресурсов.

Для изменения описанной ситуации в лучшую сторону представляется целесообразным учесть положительный опыт других регионов. Так, например, в Сахалинской области осуществляется трансляция публичных слушаний по телевидению и в сети Интернет, а впоследствии размещается видеозапись в открытом доступе. А в Ярославской области для анонсирования публичных слушаний помимо сайтов органов власти активно используются СМИ (сетевое издание «Ярославский регион» и сайт телеканала «Первый Ярославский»), что в свою очередь способствует активному привлечению к данному процессу общественности всех категорий и возрастов.

Таким образом, можно сделать вывод, что возможности реального участия населения Липецкой области в бюджетном процессе существенно ограничены, а существующие инструменты финансового и общественного контроля применяются либо в искаженном виде, либо вообще не применяются, органы региональной исполнительной власти не заинтересованы в привлечении общественности к данному процессу.

Способствовать повышению прозрачности управления социально-экономическим развитием региона призваны также федеральные сервисы, которые должны функционировать в субъектах РФ, такие как: «Открытые данные», «Электронное правительство», «Ваш контроль». Они охватывают практически все элементы системы государственного управления и бюджетного процесса, поэтому, несмотря на определенные несовершенства, являются в действительности передовыми технологиями. Однако, их преимущества на региональном уровне зачастую не реализуются в должной степени, о чем свидетельствует опыт Липецкой области в том числе.

Обязательный сервис «Открытые данные» не применяется в области в полном объеме. Часть ведомств и муниципальных образований вообще не предоставляют данные на этот портал, вторая часть — делает это с существенной задержкой сроков, в результате чего их актуальность теряется. Так, например, среди органов местного самоуправления информация представлена только по Лев-Толстовскому муниципальному району, а в рамках подраздела «Органы государственной власти» материалы разместили Управление ЗАГС и архивов Липецкой области, Управление экологии и природных ресурсов. А ведь именно данный портал призван существенно повысить уровень открытости органов государственной власти и обеспечить всех заинтересованных максимально полной информацией.

Таблица 3. Рейтинг некоторых территориальных ФОИВ Липецкой области на портале «Ваш контроль» по итогам 2018 года

Территориальный ФОИВ	Показатель удовлетворённости, в %	Среднее значение, в баллах	Количество оценок, в штуках
Федеральная налоговая служба (ФНС)			
Управление ФНС по Липецкой области	99,89	4,98	25849
Межрайонная инспекция ФНС № 3 по Липецкой области (ЛО)	99,82	4,99	3342
Межрайонная инспекция ФНС № 4 по ЛО	97,28	4,89	1985
Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека			
Территориальное управление Росимущества в Липецкой области	100,00	5,00	29
Пенсионный фонд Российской Федерации (ПФ РФ)			
Управление ПФ РФ в Липецком районе ЛО	98,69	4,92	766
Управление ПФ РФ в Тербунском районе ЛО	100,00	4,99	492
Управление ПФ РФ в Добровском районе ЛО	100,00	4,92	234
Управление ПФ РФ в г. Ельце ЛО	95,90	4,88	293
Управление ПФ РФ в Чаплыгинском районе ЛО	100,00	5,00	108

В качестве положительных изменений за последнее время в Липецкой области необходимо отметить развитие с 2018 года «Электронного правительства» посредством создания сайта врио главы администрации Липецкой области Игоря Артамонова, который позволяет посетителям не только узнать последние новости о работе руководителя региона, но и помочь в развитии Липецкой области — предложить свою идею, а также рассказать о проблеме и оперативно получить ответ на обращение. С 2019 года началась также существенная реструктуризация официального сайта администрации области как с точки зрения интерфейса, так и содержательно, что выразилось в том числе появлением дополнительных сервисов для граждан.

Еще одним важным аспектом в повышении уровня прозрачности и открытости управления социально-экономическим развитием региона является наличие обратной связи от населения по вопросам оценки качества получаемых ими государственных услуг, поскольку именно на них в значительной степени расходуются бюджетные средства. Для этого представляется целесообразным провести анализ работы всероссийской платформы «Ваш контроль» в Липецкой области, основная идея которой заключается в получении и обобщении сведений, предоставляемых населением по вопросу оценки и контроля качества государственных (муниципальных) услуг, оказываемых органами власти на всей территории Российской Федерации [10, С. 330].

Анализ данных таблицы 3 [11] свидетельствует о том, что широкого использования портал «Ваш контроль» среди населения Липецкой области так и не получил, поскольку количество оценок по некоторым органам

власти составляет менее 500 штук за год. Более того, учитывая загруженность представленных территориальных органов, количество оценок, меньшее, чем 3000, вообще не дает информации о качестве услуги. В результате получаемые показатели удовлетворенности не являются объективными, что подтверждается данными таблицы 3, где в абсолютном большинстве случаев он колеблется от 98 до 100%. Более того, необходимо учитывать тот факт, что такого рода оценки оставляют, как правило, две основные категории граждан — довольные полученной услугой и желающие выразить благодарность посредством оценки и недовольные качеством услуги по всем параметрам, стремящиеся наказать соответствующее ведомство, в том время как основная часть населения со средней степенью удовлетворенности не считает нужным высказывать свое мнение. Следовательно, представляется целесообразным переориентировать смс-опросы на опросы на местах посредством современных технологий (например, терминалы в ведомствах).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гражданам Липецкой области в крайне низкой степени вовлечены в оценку качества получаемых услуг, особенно в муниципалитетах, где количество оценок в большинстве ведомств не достигает даже 1000. Это свидетельствует не только о недостаточной степени гражданской активности, но и о недоинформированности населения региона о возможностях данной оценки. Ни на сайте администрации Липецкой области, ни на сайтах иных территориальных органов власти нет информации и прямых ссылок на портал «Ваш контроль». Более того, в самих ведомствах при получении услуги об этом также не информируют население. Такой формат не позволяет осуществлять независимую оценку качества услуг гражд-

данами, так как зачастую они просто не знают об этом, а органы власти в свою очередь не имеют мотивации к информированию.

Проведенный анализ применения инфокоммуникационных инструментов повышения открытости и прозрачности управления социально-экономическим развитием региона на примере Липецкой области позволил выделить ряд существенных недостатков, свойственных не только конкретному субъекту РФ, но и стране в целом. Основная проблема заключается в отсутствии мотивации со стороны представителей органов власти к результативной, прозрачной и открытой деятельности, что связано, в первую очередь с тем, что существующая система оплаты труда на государственной службе ориентирована не на эффективность, а на чины и выслугу лет. Более того, ответственность и реальные санкции за непредставление информации на проанализированных порталах отсутствуют, что ве-

дет к посредственному отношению к ним со стороны чиновников и фактически превращает данные инструменты в фикцию.

В этой связи представляется необходимым совершенствовать не только сами инструменты обеспечения прозрачности и открытости, но и систему государственного управления в целом, переориентировав ее направленность с процессной на проектную, где основной единицей эффективности является конкретный общественно полезный результат [12]. Широкий контроль со стороны общества будет способствовать уменьшению проявлений неэффективности со стороны органов государственной власти, необоснованного выделения бюджетных средств, и при этом содействовать созданию наиболее благоприятной среды для обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона и максимального удовлетворения общественных потребностей населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щукина Т. В., Брусенцева В. А. Российская государственная гражданская служба: проблемы модернизации системы материального стимулирования и мотивации в субъектах Российской Федерации [Текст]: монография / Т. В. Щукина, В. А. Брусенцева — Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. — 223 с.
2. Мэннинг Н., Парисон Н. Реформа государственного управления: международный опыт. М.: Весь мир, 2003. — 495 с.
3. Нисневич Ю. А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. М.: КНОРУС, 2012. — 287 с.
4. Либерман Т. И. Система бюджетных расходов в условиях модернизации экономики региона: монография / Т. И. Либерман. — Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2012. — 175 с.
5. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню открытости бюджетных данных [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nifi.ru/ru/rating>
6. Официальный сайт Управления финансов Липецкой области «Портал бюджетной системы Липецкой области» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ufin48.ru>
7. О бюджетном процессе Липецкой области [Электронный ресурс]: Закон Липецкой области от 09 октября 2007 г., 03 № 94 (в ред. от 15.12.2015). Доступ из справ. — правовой системы «Гарант».
8. Андреева Л. А. К вопросу о публичных слушаниях // Вопросы современной юриспруденции. — 2015. — № 3 (45). — С. 57–62.
9. Портал открытых данных Липецкой области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://opendata48.ru/datasets/organy-gosudarstvennoy-vlasti/>
10. Тарасова Т. С. Публичная система «Ваш контроль» или как работает контроль за качеством государственных и муниципальных услуг в России // Science Time. — 2016. — № 6(30). — С. 327–331.
11. Официальный сайт «Ваш контроль» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vashkontrol.ru>
12. Пивоварова О. В. Публичная ответственность в сфере управления государственным имуществом: необходимость и условия формирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2017. — № 1. — С. 255–260.

© Пивоварова Ольга Владимировна (olga_piv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С МАКРОЦИКЛАМИ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

FEATURES OF ASSESSMENT OF REGIONAL BUSINESS CYCLES IN INTERRELATION WITH MACROCYCLES: RESEARCH METHODOLOGY

**M. Safullin
L. Elshin**

Summary. The question revealing features of interaction of multi-scale business cycles in terms of the scientific and practical importance, is extremely relevant, especially in the context of studying of issues of cyclic development of regional social and economic systems and their embedding in the generated macrocycles. The present article is also devoted to a research of this methodological question. An object of a research are cyclic fluctuations of economy macro — and mesolevel. The methodology of a research of the formalized assessment of identification of interrelation between them on the basis of definition of the integrated index estimating expectations of economic entities of rather future transformations in the system of social and economic transformations and the economic systems forming phase shifts of cyclic development meso — and macrolevel acts as an object of research.

Keywords: business cycles, methodology of a research, expectation of economic agents, interrelation of business cycles, regional business cycles.

Сафиуллин Марат Рашитович

*Д.э.н., профессор, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
С.p@tatar.ru*

Ельшин Леонид Алексеевич

*Д.э.н., ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Leonid.Elshin@tatar.ru*

Аннотация. Вопрос, раскрывающий особенности взаимодействия разномасштабных экономических циклов, с точки зрения научной и практической значимости, является крайне актуальным, особенно в контексте изучения вопросов циклического развития региональных социально-экономических систем и их встраивания в генерируемые макроциклы. Исследованию данного методологического вопроса и посвящена настоящая статья. Объектом исследования являются циклические колебания экономики макро- и мезоуровня. В качестве предмета исследования выступает методология исследования формализованной оценки идентификации взаимосвязи между ними на основе определения интегрального индекса, оценивающего ожидания хозяйствующих субъектов относительно будущих преобразований в системе социально-экономических трансформаций и формирующих фазовые сдвиги циклического развития экономических систем мезо- и макроуровня.

Ключевые слова: экономические циклы, методология исследования, ожидания экономических агентов, взаимосвязь экономических циклов, региональные экономические циклы.

Изучению вопросов циклического развития экономики посвящены научные труды большого числа исследователей, представляющих различные школы экономической мысли. В целом можно отметить, что на сегодняшний момент в экономической теории выделяют порядка 1300 подходов к интерпретации и построению экономических циклов [1].

Несмотря на высокий уровень проработанности в пространстве научных исследований вопросов идентификации и оценки циклического колебания экономических систем, следует констатировать о необходимости их ревизии и критического анализа с точки зрения соответствия и адаптируемости их методологического инструментария формирующимся в современной эко-

номике воспроизводственным процессам. В условиях глобализации, трансформации институтов развития традиционные механизмы и теоретические подходы построения и идентификации экономических циклов в последнее время справедливо подвергаются критике. Современные экономические системы характеризуются весьма широким набором неопределенностей, что предопределяет соответствующий анализ значительного числа факторов, генерирующих динамику и траектории их развития. Кроме того, формируемая система административных рынков в значительной степени искажает классические инструменты рыночного регулирования, что формирует особый уклад генерации экономических циклов. Как показывает практика классические циклы демонстрируют весьма существенную деформацию.

¹ Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому государственному университету для выполнения государственного задания в сфере научной деятельности (№ 26.8732.2017/БЧ)

К примеру, «циклы Жюгляра, основывающиеся на факторе перепроизводства, могут длиться и не более 5–7 лет, значительно «сжавшись» от ранее наблюдаемых периодов классического капитализма. На кризисные фазы цикла Китчина накладываются кризисные фазы среднесрочных циклов Жюгляра и долгосрочных циклов Кондратьева, не говоря уже о сверхдолгосрочных цивилизационных циклах» [2], что формирует особый порядок циклических колебаний в экономике.

Использование традиционных механизмов и инструментов диагностирования циклических колебаний в экономике, не способствует в полной мере объективному моделированию экономических процессов, что, соответствующим образом, отражается на методологическом инструментарии, используемом при прогнозировании экономических трендов. Это предопределяет необходимость разработки новых, адаптированных к новым реалиям, методов оценки экономических циклов и ключевых параметров, запускающих траектории их развития. При этом данные методы должны опираться на широкий массив факторов, участвующих в процессах генерации циклических преобразований в экономике. Вместе с тем, в соответствии с основными принципами экономико-математического моделирования, «использование в моделях большого числа предикторов приводит к серии известных проблем» [3, 4]. В связи с чем представляется целесообразным применение в разрабатываемых моделях экономических циклов ограниченного числа экзогенных факторов, но, вместе с тем, не снижая потенциал воздействия обозначенной широкой группы объясняющих факторов. На наш взгляд, органично вписывается в данную концепцию использование предиктора, характеризующего параметры ожиданий экономических агентов, в концентрированной форме отражающей трансформацию множества факторов институционального и конъюнктурного порядка.

В соответствии с ранее опубликованными научными работами авторов [3, 4], следует отметить, что использование рассматриваемого подхода, основанного на моделировании ожиданий экономических агентов во времени, позволяет решить ряд важнейших задач:

1. Разработать прогностический аппарат фазовых сдвигов циклического развития экономических систем, опираясь на оцениваемые в количественной форме ожидания экономических агентов, генерирующих будущие трансформации экономического развития. Основной особенностью использования данного подхода является то, что он позволяет избежать эффекта «запрограммированности» циклического развития и перейти к новым формам прогнозирования траекторий экономических циклов, опираясь на исследование моделей поведения

и ожиданий хозяйствующих субъектов относительно будущих преобразований в социально-экономической и институциональной среде.

2. «Соотнести или «спроецировать» друг на друга циклические колебания длинных, средних и коротких волн циклов опережающего развития. Реализация данного подхода будет обеспечена за счет сопоставимости факторов, определяющих фазовые сдвиги циклов, построенных на основе оценки ожиданий экономических агентов. Тем самым это позволит провести сопоставительный анализ диссоциирующих процессов развития различных по масштабу циклов на базе единой системы показателей» [3].

Следует заметить, что до сих пор решение подобной задачи, ориентированной на разработку и обоснование методов идентификации взаимосвязей между разномасштабными экономическими циклами, является весьма непростым процессом. Это связано, в первую очередь, с различными по масштабности и содержанию факторов, генерирующих различного рода циклические колебания в экономике. К примеру, в основе теории циклов Кондратьева, лежит эмпирически доказанное предположение о том, что смена фаз является следствием механизмов «накопления, аккумуляции и рассеяния капитала» [5], требующегося для обновления основных производственных фондов (запуск механизмов научно-технического прогресса). В основе теории среднесрочных циклов лежат колебания в объёмах инвестиций в основной капитал. В основе теории краткосрочных циклов — колебания уровня процентных ставок на рынке финансового капитала и т.п. Таким образом, все рассмотренные теории обладают различным набором характеристик и факторов, оказывающих воздействие на циклические колебания, что существенным образом затрудняет процесс решения задачи, направленной на соотнесение и сопоставление экономических циклов различного порядка.

Вместе с тем на сегодняшний момент времени вопрос, раскрывающий взаимосвязь различных по масштабу и амплитуде циклов, является наиболее острым и дискуссионным в экономической литературе. Понимание механизмов, определяющих данный вид взаимосвязи, лежит в плоскости определения единой, для всех исследуемых циклов, системы оценки индикаторов (и соответствующей единой шкалы измерения), характеризующих фазовые сдвиги. Однако, учитывая различный уровень масштабности циклов, а, следовательно, и факторов, побуждающих циклическое развитие экономики, решение поставленной проблемы является весьма затруднительным, требующее учета и соотношения между собой конъюнктурных краткосрочных драйверов фазовых сдвигов и долгосрочных факторов демографи-

ческого, социального, научно-технологического, экономического, экологического и др. развития.

Таким образом решение поставленной задачи носит сложный, неоднозначный характер, в отношении которой нет системной ясности и общепринятой точки зрения. Вместе с тем попытки и концептуальные подходы, раскрывающие механизмы и возможные формы реализации подобных взаимосвязей предпринимались в научных кругах [6, 7, 8].

К сожалению, необходимо констатировать, что существующие теоретические разработки в сфере определения взаимосвязей между разноформатными/разномасштабными экономическими циклами носят описательный, в большей степени, абстрактный характер и не основываются на эмпирических расчетах, обосновывающих и подтверждающих выдвигаемые предположения и гипотезы. Кроме того, нет четкости и единства во взглядах при обосновании форм таких взаимосвязей.

Обобщение существующих подходов, определяющих взаимосвязь между циклами, различных по масштабу времени и территориальной проекции, предполагает разработку единой методологической основы, в качестве которой авторами предлагается использование концепции, опирающейся на моделирование ожиданий экономических агентов. Последние, в концентрированном виде, являются отражением системы кратко-, средне- и долгосрочных индикаторов социально-экономического развития территории, характеризующих и определяющих поворотные точки циклического развития экономики в будущем. При этом, учитывая то, что ожидания экономических агентов есть отражение перспективных макрогенераций в будущем количественное определение значений их параметров позволяет определять будущие фазовые сдвиги внутри экономических циклов, относимых к кратко-, средне- и долгосрочным в зависимости от оценки факторов, генерирующих соответствующие кратко-, средне- и долгосрочные ожидания. Таким образом, используя единый для всех циклов индикатор, генерирующий траекторию их развития в будущем — ожидания экономических агентов, можно решить проблему сопоставимости факторов, определяющих фазовые сдвиги циклического развития экономики. Тем самым основная идея заключается в том, что любые трансформации, происходящие в экономическом развитии, в том числе и в сфере фазовых сдвигов экономических циклов, нагнетаются системой ожидаемых оценок по поводу изменения ключевых параметров факторов, генерирующих условия для данных фазовых сдвигов. Идентифицируя ожидаемые оценки экономических агентов относительно изменения системы в будущем можно с высокой степенью достоверности определять фазовые сдвиги внутри экономических циклов. При

этом в зависимости от того, какие ожидания оцениваются (краткосрочные, среднесрочные или долгосрочные), программируются соответствующие поворотные точки циклического развития. Кроме того, актуальность использования индикатора, оценивающего ожидания экономических агентов, возрастает и в рамках решения задачи идентификации и формализованной оценки взаимосвязи между различными экономическими циклами. Построение циклических траекторий развития на основе данного индикатора формирует основу проведения экономического анализа в единой системе измерения, что и определяет новые возможности сопоставления различных экономических циклов между собой.

Важно отметить, что использование данного подхода позволяет приблизиться к решению и столь значимой проблемы в экономической теории, как поиск и обоснование методологических подходов, обеспечивающих процесс построения экономических циклов мезоуровня и, соответственно, поиска формализованных оценок взаимосвязи между региональными, национальными и глобальными экономическими циклами.

Следует заметить, что к настоящему моменту времени в пространстве экономических исследований крайне редко можно встретить работы, раскрывающие особенности изучения экономических циклов мезоуровня. Между тем данное направление исследований является крайне актуальным, учитывая существенные процессы регионализации экономических систем, демонстрирующих существенный уровень дифференциации ключевых параметров своего социально-экономического развития. Данная дифференциация является следствием разбалансировки траекторий циклического развития экономических систем мезоуровня относительно макроэкономических циклов вследствие институциональных и конъюнктурных особенностей развития региональных систем. Другими словами, «регионы с различным уровнем социально-экономического развития и характеризующиеся дифференциацией сформировавшегося уровня потенциала развиваясь в фарватере национального цикла генерируют различные характеристики собственных циклов не всегда синхронизирующихся с национальным» [3]. Поиск ответа на вопрос о степени подобного рода дисбалансов существенным образом способно дополнить традиционные подходы к исследованию регионального экономического роста. На наш взгляд решение данного вопроса может лежать в плоскости исследования ожиданий экономических агентов, поскольку именно они формируют различную степень моделей поведения региональных экономических агентов с учетом формирующихся преобразований институционального и/или конъюнктурного уровня. При этом важно отметить, что ожидания, в соответствии с теорией Г. Мюрдала [9], опираются на всеобъемлющую

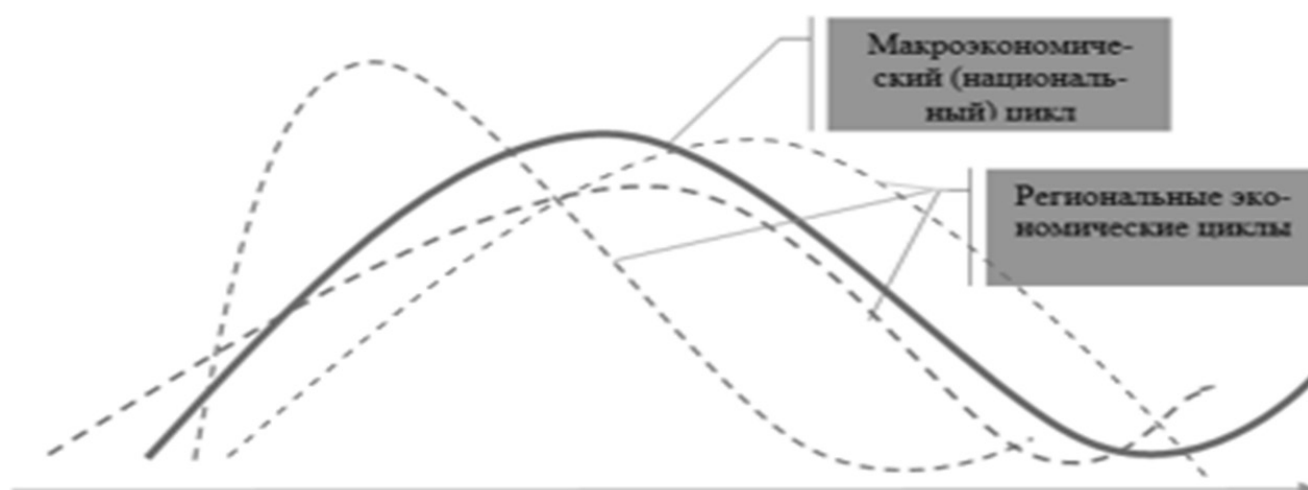

Рис. 1. Эффект диссинхронизирующего формирования циклов макро- и регионального уровня

информацию не только макро-, но и мезоуровня. Дифференцированный уровень информационных потоков регионального масштаба обуславливает соответствующие различные модели восприятия перспектив развития хозяйствующих субъектов, что, в конечном итоге, и определяет диссонансные эффекты в системе генерации региональных экономических циклов, формирующихся в фарватере макроциклических колебаний.

Другими словами, факторы регионального уровня во многом способны повлиять на оценки экономических агентов, в том числе при принятии решений по реализации инвестиционных проектов. К примеру, банкротство банковского учреждения регионального уровня способно повлиять на планы инвестиционной активности экономических субъектов — резидентов региона, в результате развития панических настроений и ограничения доступа к финансовым ресурсам. Однако, учитывая, местный характер данного «шока», в масштабах национальной экономики это вряд ли повлечет за собой аналогичные последствия.

Другим примером может выступать ситуация, когда местные (региональные) экономические субъекты по разному оценивают, к примеру, маржинальность инвестиционных проектов исходя из сформировавшихся специфических региональных особенностей, таких как дифференциация административной ренты, покупательская способность населения региона, выраженная в уникальных особенностях уровня нормы сбережения, развитие ресурсной базы, интегрированность крупнейших региональных предприятий в международную систему добавленной стоимости, а также их «включенность» в рынки IPO, характер распределения производительных сил, формирующиеся агломерационные процессы и т.п.

Тем самым есть все основания полагать, что экономические циклы регионов, органически встраиваясь в национальный макроэкономический цикл, могут характеризоваться диссонансным эффектом (Рисунок 1). Исходя из выше представленных рассуждений и гипотез, можно дать следующее определение исследуемой категории — региональный экономический цикл. Под ним необходимо понимать неизбежный процесс регионального развития экономики, подверженный периодическим колебаниям экономической активности региона, характеризующихся синхронными или диссинхронными процессами экономического спада или подъема относительно макроэкономического (национального) цикла в результате дифференциации региональных ожиданий экономических агентов по поводу формирования национальной и региональной конъюнктуры развития социально-экономической среды.

Представленная гипотеза о диссонансности регионального циклического развития, несомненно, требует своего научно-методологического и эмпирического обоснования. Крайне познавательным и мало изученным вопросом остается изучение процесса диссинхронизации (в случае существования таковой) региональных циклов относительно макроциклов. К примеру, нет пока ясности и общепринятой точки зрения каким образом региональные циклы встраиваются в национальный, каким образом они оказывают воздействие на него, или вопрос должен ставиться наоборот, каким образом макроэкономический (национальный) цикл воздействует на региональные. Важным методологическим вопросом остается также и определение ключевых факторов, синхронизирующих/разбалансирующих региональные экономические циклы относительно национального.

Поиск ответов на поставленные вопросы несомненно носит не тривиальный характер. Решение некоторых из них находит свое отражение в работах российских и зарубежных ученых.

К примеру, в научных трудах Е.М. Синдякина отмечается, что «наблюдаемый в последние годы рост регионализации экономики в значительной степени усилил самостоятельность регионов, что предопределило возможность модификации траектории их развития (сжатия или удлинения продолжительности цикла, увеличения их амплитуды) под влиянием локализованных факторов» [10]. По сути, данный подход в значительной степени синхронизирован с позицией академика РАН А.Г. Гранберга, в соответствии с которой «регион — это квазигосударство, квазикорпорация, рыночный ареал, социум» [11]. Усиливая данную аргументацию, Е.М. Синдякин утверждает, что «в условиях регионализации единого экономического пространства начало новому среднесрочному циклу развития национальной экономики в целом может быть положено за счет реализации системообразующих инвестиционных проектов в рамках одной из ее региональных подсистем, при этом ценовой механизм обеспечивает кумулятивное распространение деловой активности на иные взаимосвязанные территориальные образования» [11].

То есть в данном случае автор исходит из индуктивной модели о влиянии региональных экономических циклов на национальный. С одной стороны, мы солидаризируемся с данным подходом автора, с другой — ультимативность подхода вызывает определенного рода дискуссии. Несомненно, как это нами ранее выносилось в разряд вопросов, в отношении которых нет пока четкой ясности, региональные экономические циклы могут задавать тренды и фазовые сдвиги национального макроэкономического цикла. Вместе с тем может происходить и обратная ситуация, когда макроцикл формирует тенденции мезоциклов (региональных циклов). Данный концептуальный подход, достаточно однозначно пытается аргументировать В.А. Белкин на примере влияния больших и малых волн ВВП США на ВРП одного из регионов РФ [12]. Согласно его исследованиям, осуществленным на базе эмпирических данных, он заключает, что циклическое развитие экономики США и Челябинской области синхронизированы, вследствие высокого уровня зависимости региона от экспорта металла. Таким образом автор обосновывает, что в качестве главного генератора циклического развития региональной экономики служит макроцикл, под который и подстраиваются региональные экономические циклы.

В достаточной степени опосредовано данный вопрос находит свое отражение в работе Егорова А. Ю. «Механизм взаимодействия больших, средних и малых

экономических циклов в составе национальной инновационной системы» [13]. В ней автор на основе разработанного алгоритма, получившего название «Планетарный механизм взаимодействия инновационных, отраслевых и региональных циклов» обосновывает концепцию, согласно которой циклические колебания региональной экономики есть следствие формирующихся отраслевых циклов, являющихся производными циклов инновационных разработок. По сути Егоров А. Ю., так же, как и Белкин В. А., исходит из позиции, согласно которой макроцикл определяет мезоцикл. Данный вывод напрашивается исходя из выведенной им последовательности, в соответствии с которой отраслевые циклические колебания задают тон региональным циклам. Учитывая, что отраслевое развитие есть прерогатива центральных органов власти, по сути это может означать централизованный характер генерации региональных экономических циклов.

Централизованный характер циклического развития экономических систем обосновывается и в трудах В.А. Белкина [12]. В них автор на основе эмпирического анализа данных за период 1964–2013 гг. обосновывает высокий уровень взаимосвязи между уровнем солнечной активности и динамикой мирового продукта. Любопытно, что согласно расчетам автора, значение коэффициента корреляции между данными статистическими рядами составляет 0,872. Важным результатом проведенного исследования является вывод автора о том, что подобный уровень взаимосвязи характерен для всех стран. Но, согласно концепции В.А. Белкина «если в стране больше экономических и политических проблем, например, как в современной России, вследствие односторонности и монополизма в экономике и политике, то снижение ее ВВП во время очередного кризиса является большим, чем в странах с более совершенной экономической и политической системами. То есть, глобальная цикличность мировой экономики как следствие цикличности солнечной активности вполне совмещается с уникальной и особенной циклическостью экономики каждой из стран» [12]. То есть в данном случае экономист придерживается ключевых принципов системности, согласно которым элементы, находясь в тесной взаимосвязи между собой формируют общий тренд своего развития. При этом каждый из них, характеризуясь специфическими особенностями строения, способен генерировать некоторые отклонения от воздействующих на систему внешних и внутренних импульсов. Другими словами, В.А. Белкин обосновывает, что генеральный импульс, задающий тренды циклического развития мировой экономики, в виде активизации/снижения солнечной активности, определяет аналогичные циклические колебания отдельных стран, экономические циклы которых могут характеризоваться асинхронными параметрами относительно «флагманского» цикла мировой

экономики. Экстраполируя данную логику на региональный уровень, можно утверждать, что регионы и отдельные территории генерируют циклы экономического развития в русле национального макроцикла.

Аналогичной точки зрения придерживается Щавинский А. В. В соответствии с его подходом «...особенности региональных экономических циклов России состоят в следующем:

1. Региональные экономические циклы являются производными от макроциклов и поэтому не имеют собственных границ, а имеют общие для всей отечественной экономики точки подъёма, вершины и точки спада;
2. Отличие региональных циклов обнаруживается в самостоятельной динамике развития, которая может иметь большие или меньшие темпы роста по сравнению со среднероссийскими, т.е. региональные циклы имеют разную амплитуду колебаний;
3. Регулирование волн мезоэкономического уровня должно осуществляться индивидуальными методами в зависимости от типа региона и его экономической специализации;
4. На региональном уровне невозможно выделить долгосрочные циклы, «так как они связаны с общегосударственными инновациями и не могут быть выделены на мезоуровне» [14].

Помимо представленных выше исследований, вопросы изучения взаимосвязи между экономическими циклами регионального и макроуровня, исследовались в работах Жихаревича Б.С. [15], Брюхановой В.Б., Антоновой И.В. [16], Загеевой Л.А. [17], Смирнова С.В., Френкеля А.А., Кондрашова Н.В. [18], Ковалёва А.В., Месоедова С.Ф. [19] и др. Существенный вклад в развитие поставленного вопроса в теории экономических циклов внесли и зарубежные исследователи — Вайбер Р. [20], М. Шильман [21], Чейз Ц., Вильярд А. [22], Томсон В. [23], Рассел Ц. [24] и др.

Вместе с тем несмотря на значительный интерес со стороны научного сообщества к вопросу исследования взаимосвязей между различными по масштабу экономическими циклами, следует констатировать, что абсолютное большинство из них опирается на методы качественного анализа, что, по нашему мнению, привносит элементы субъективизма при решении поставленных задач. Это обуславливает потребность в разработке формализованных методов, позволяющих по-новому подойти к поиску решений, раскрывающих закономерности такого взаимодействия на основе системного изучения и понимания внутренней логики, определению направлений данной формы взаимодействия. Изучение

поставленного вопроса абсолютным большинством исследователей осуществляется через призму научно-теоретических обоснований без учета и применения доказательств выдвигаемых предположений и концепций на основе системного статистического анализа. Вместе с тем любая гипотеза должна иметь свое обоснование и подтверждение с применением не только научно-теоретического аппарата, но и эмпирического, основанного на моделировании объективных данных. В связи с вышеизложенным, основная цель настоящего исследования — усилить понимание и разработать методологический аппарат, позволяющий, на основе систематизации имеющихся разработок и исследований, сформировать модель взаимодействия и взаимообуславливающего влияния друг на друга национального и регионального циклов одного порядка на основе моделирования ожиданий экономических агентов, формирующихся на макро- и мезоуровне.

Поиск ответа на поставленный вопрос должен, на наш взгляд, лежать в русле эмпирического анализа. Однако сложность проведения подобного вида работ, результаты которых способствовали бы определению таких взаимосвязей, способствует неопределенности и отсутствию общепринятой точки зрения. Действительно, методологически сложной задачей является поиск и определение динамического ряда, характеризующего экономический цикл. Еще более сложной задачей является экономика-математическое моделирование взаимосвязи между циклами различного макроэкономического уровня. Наша позиция относительно данного вопроса состоит в том, что, поскольку, согласно ранее выдвинутому нами утверждению, о том, что экономические циклы есть отражение дискретных рациональных ожиданий экономических агентов, то и сам процесс моделирования взаимозависимостей и взаимосвязей должен быть реализован через призму оценки и анализа ожиданий экономических агентов. При этом необходимо учитывать, что ожидания экономических агентов в достаточной степени дифференцированы (как по вертикально-, так и по горизонтально интегрированному уровню в макро- и мезоэкономические системы), что и создает основу для асинхронного формирования циклического развития региональных экономических систем относительно национального цикла. Под вертикально- и горизонтально интегрированными ожиданиями экономических агентов понимается степень их инклюзивности в систему факторов, формирующих основу для восприятия институциональной и конъюнктурной действительности, национального и регионального уровня. К примеру, к факторам национального (макро) уровня можно отнести макроэкономические и институциональные параметры, характеризующие общенациональные тренды и сдвиги технологического, социального, институционального и др. уровней. К факторам регионального уровня (мезоу-

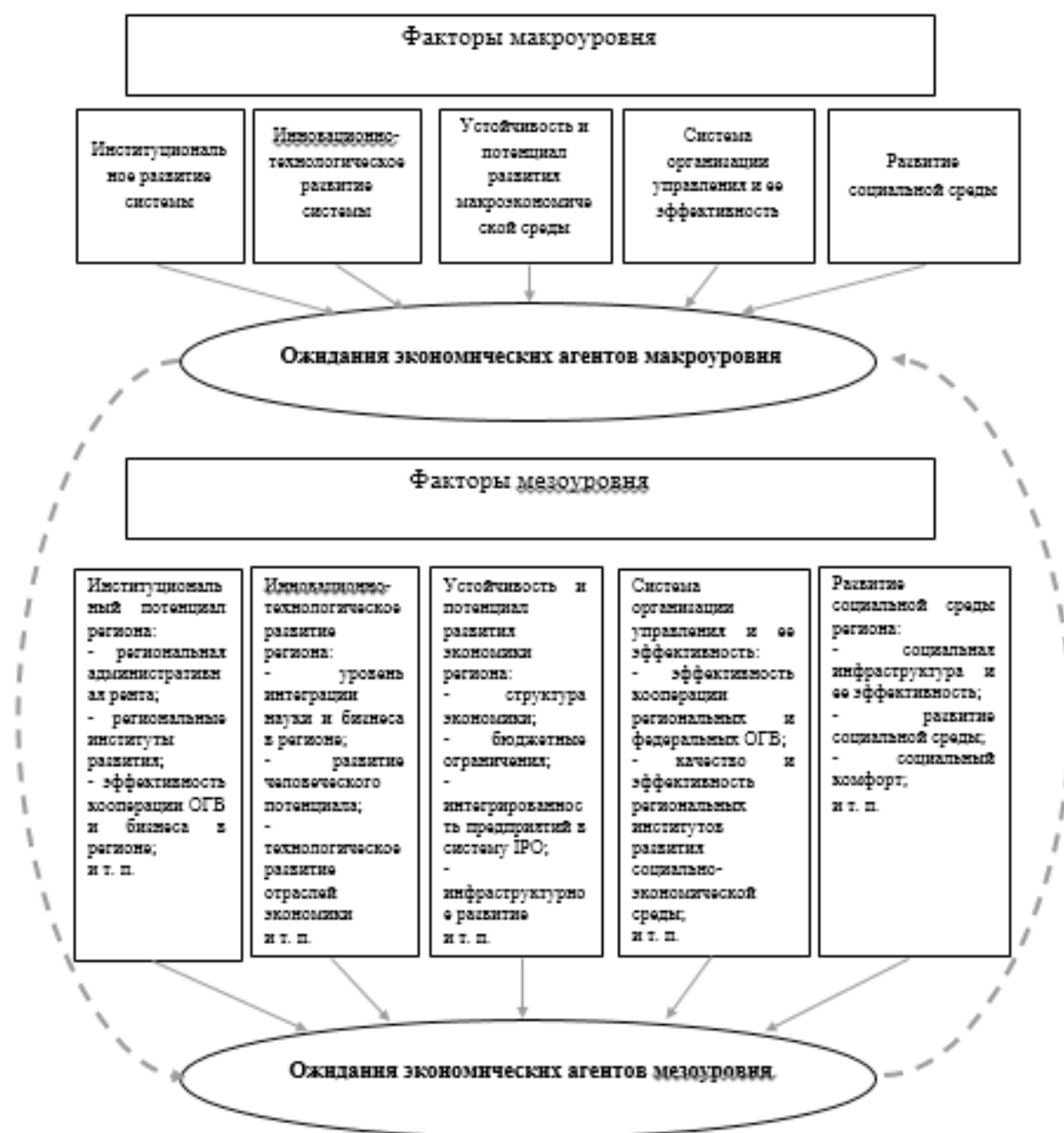

Рис. 2. Графическая интерпретация механизмов асинхронного формирования циклического развития региональных и макроэкономических систем на основе системы взаимосвязанных ожиданий различного порядка

ровня) также относится подобная совокупность параметров, однако скорректированная с учетом региональных специфических особенностей, формирующих особые, уникальные тренды развития институционально-конъюнктурной действительности, отличные от национальных/глобальных (Рисунок 1).

Придерживаясь выдвинутого подхода о целесообразности определения взаимосвязи между макро- и мезо-

циклами одного порядка через оценку соответствующих ожиданий экономических агентов, необходимо дать ряд дополнительных методологических пояснений.

Во-первых, учитывая то, что ожидания есть отражение процесса эволюции и трансформации системы институционально-конъюнктурных факторов, формирующих фазовые сдвиги циклов, их оценка позволяет заглянуть в истоки циклического развития экономики,

Рис. 3. Алгоритм моделирования региональных экономических циклов РФ во взаимосвязи с макроциклами

а, следовательно, определить характер зарождающихся фазовых сдвигов как на макро, так и на мезоуровне.

Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что в контексте изучения вопроса о синхронности развития мезо — и макроциклов одного порядка необходимо учитывать масштабы экономических циклов. Это связано с тем, что по мере роста уровня масштабности цикла (долгосрочный, среднесрочный и краткосрочный) ожидания

экономических агентов мезо- и макроуровня подвергаются эффекту сглаживания. Другими словами, следуя выдвигаемой логике, долгосрочные циклы, фазовые сдвиги которых генерируются под натиском ожиданий, основанных, преимущественно, на институциональных преобразованиях системы, менее чувствительны к трансформации конъюнктурных параметров, основанных на ожиданиях кратко- и среднесрочного порядка. Вместе с тем последние носят определяющее значение

в разбалансировке региональных и макроэкономических циклов. Следовательно, по мере доминирования институциональных факторов в процессе генерирования зарождающихся фазовых сдвигов экономического цикла ожидания макро- и мезоуровня начинают сглаживаться, в результате чего, региональные экономические системы начинают формировать синхронные траектории циклического развития относительно макроэкономического (национального) цикла. Вместе с тем по мере роста учета ожиданий, горизонты которых носят средне- и краткосрочный характер, экономические агенты начинают опираться на более локализованную информацию, в том числе и регионального уровня, в результате чего и начинают происходить процессы формирования асинхронного развития циклических колебаний мезо- и макроуровня.

В-третьих, поскольку ожидания (кратко-, средне- и долгосрочного характера) экономических агентов находятся в единой системе координат и могут измеряться в единой системе показателей, соотношение их между собой в разрезе дифференциации их уровня по макро- и мезоуровням позволяет определять статистические взаимосвязи. Это, в свою очередь, позволяет ответить на главный вопрос, поставленный в данной работе, а также имеющий высокий уровень методологического значения — какова взаимосвязь между макроэкономическими и мезоэкономическими циклами, а также в какой степени регионы реагируют на фазовые сдвиги макроциклов, в результате чего и происходит ресинхронизация региональных и национального циклов. На основе представленных аксиом и предположений алгоритм моделирования региональных экономических циклов во взаимосвязи с макроциклами можно представить в виде последовательности взаимосвязанных между собой итераций (Рисунки 2, 3).

Разработанный алгоритм моделирования региональных экономических циклов во взаимосвязи с ма-

кроциклами в значительной степени расширяет горизонты анализа и методологического обоснования взаимосвязи между региональными и национальными (макроэкономическими) циклами. Другими словами, данный алгоритм позволяет отслеживать взаимосвязи, как по горизонтальным, так и по вертикальным циклическим проекциям на конкретный экономический цикл региона, что в значительной степени приближает к объективному пониманию циклов экономики регионов, формирующихся под давлением не только совокупности эндогенных (внутренних) параметров, но и экзогенных.

Несомненно, разработанный нами подход не лишен, как и многие другие существующие в теории методические подходы, элементов дискуссионности. По сути, настоящая работа является приглашением научного сообщества к концентрации усилий в этом направлении. Данная работа является не только попыткой обоснования выдвигаемых выше гипотез и предположений, но и приглашением к дискуссии в этом направлении, раскрывающем взаимосвязь между ожиданиями экономических агентов и фазовыми сдвигами в экономических циклах. Оно способно сформировать прорыв в исследовании циклического развития экономики не только в части процесса идентификации циклических сдвигов, но и в сфере сопоставления различных по масштабу циклов между собой. Недостаточный, как нам представляется, уровень проработки поставленного вопроса может быть преодолен на базе новой парадигмы в экономической теории, основанной на изучении и сопоставлении между собой интегральных индикаторов, характеризующих динамику корректирующихся во времени ожиданий экономических агентов, формирующих фазовые сдвиги циклического развития экономических систем мезо- и макроуровня.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00202)

ЛИТЕРАТУРА

1. Филин С. А. Теоретические основы экономических циклов и управление в условиях кризиса [Электронный ресурс]. — М.: Русайнс, 2015. — 335 с.
2. М. Р. Сафиуллин, Л. А. Ельшин. Оценка и прогнозирование региональных экономических циклов опережающего развития (на примере регионов Приволжского федерального округа). / М. Р. Сафиуллин, Л. А. Ельшин — Казань. Издательство — ИП Кузнецов Никита Владимирович, 2018.-395с.
3. Ельшин Л. А. Моделирование ожиданий экономических агентов как инструмент прогнозирования краткосрочных экономических циклов / Ельшин Л. А., Савушкин М. В. // Вестник РЭУ им. Плеханова № 2(92), 2017 г.
4. Safullin, M.R., Elshin, L.A., Prgunova, M. I. Diagnostics of expectations of economic agents as an instrument for the modelling of economic cycles (2017) *Economy of Region*, 13 (2), pp. 604–615. DOI: 10.17059/2017–2–24
5. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. — М: Экономика, 1989. — 536 с.
6. Шумпетер Й. Теория экономического развития. — М.: Прогресс, 1982. — 455 с.
7. Goodwin R. Growth cycle // *Socialism, Capitalism, and Economic Growth*, Cambridge, 1967.p. 54–58
8. Ильин М. В. Экономические циклы и их регулирование в национальной экономике Российской Федерации: Диссертация на соискание научной степени кандидата экономических наук.

9. Myrdal G. Monetary Equilibrium, 1939
10. Синдянкин Е. М. Влияние экономических циклов на региональное развитие, современные проблемы социально-гуманитарных наук / Е. М. Синдянкин, научный ред. А. В. Гумеров. // Сборник докладов всероссийской научно-практической заочной конференции (с международным участием), 2015.
11. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
12. Белкин В. А. Глобализация экономики и большие циклы валового регионального продукта, инфляции и безработицы // Экономика региона № 2.— 2009.— С. 204–210.
13. Егоров А. Ю. Механизм взаимодействия больших, средних и малых экономических циклов в составе национальной инновационной системы / Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. № 5–6. 2011 г.— С. 101–103.
14. Щавинский А. В. Учёт концептуальных положений теории циклов в управлении экономикой на макро и мезоуровне // Рубикон, 49 выпуск, приложение 1.— Ростов-на-Дону: НМЦ Логос, 2008.
15. Жихаревич Б. С. Институциональное измерение регионального социально-экономического пространства: подход к исследованию // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы.— 2011.— 47 с.
16. Брюханова В. Б. Методические подходы к оценке непрерывности регионального цикла / В. Б. Брюханова, И. В. Антохонова // Сборник докладов Международной научно-практической конференции «Открытый российский статистический конгресс» в 4 томах, 2016.— С. 36–42.
17. Загеева Л. А. Разработка механизма управления циклическим развитием рынка сельскохозяйственной продукции (на примере Липецкой области) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 5 (61). — 2008.— С. 187–195.
18. Смирнов С. В., Индексы региональной экономической активности. Вопросы статистики. № 12. / С. В. Смирнов, А. А. Френкель, Н. В. Кондрашов.— 2016.— С. 29–38.
19. Ковалёва А. В. Поведенческая экономика: паттерны и циклы. Региональный аспект // А. В. Ковалёва, С. Ф. Месоедова Экономика и предпринимательство.— 2013.— № 10 (39).— С. 232–235.
20. Вайбер Р. Эмпирические законы сетевой экономики // Проблемы теории и практики управления.— 2003.— № 3.— С. 87–91.
21. Шильман М. Циклические особенности политической истории автономных государственных структур // Философские перипетии. Вестник ХНУ № 531.— Харьков, 2001.
22. Chase-Dunn C. and Willard A. Systems of Cities and World-Systems: Settlement Size Hierarchies and Cycles of Political Centralization, 2000 BC-1988 AD. A paper presented at the annual meeting of the International Studies Association, Acapulco March 24–27, 1993
23. Thompson W. C-waves, central-hinterland conflict, and regime change in the Ancient Near East: Early impacts of globalization processes? Paper prepared for the annual meeting of American Schools of Oriental Research, Denver, Colorado, November, 2001
24. Russell C. and Russell W. M.S. Population Crises and Population cycles. London: Galton Institute, 1999

© Сафиуллин Марат Рашитович (С.p@tatar.ru), Ельшин Леонид Алексеевич (Leonid.Elshin@tatar.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Казань

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ КРЕДИТНУЮ ПОЛИТИКУ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FACTORS DETERMINING THE CREDIT POLICY OF COMMERCIAL BANKS IN THE RUSSIAN FEDERATION

V. Golovanov

Summary. Lending is one of the key activities of commercial banks, implemented in the framework of credit policy. Moreover, credit policy is not constant and differentiates depending on external and internal factors and the state of the country's economy as a whole. Based on the analysis of literary sources and the monetary policy of the Central Bank of Russia, the author of the article refined the classification of factors determining the balanced credit policy of commercial banks in the Russian Federation.

Keywords: commercial bank, bank, monetary policy, lending, macroeconomic factors, the country's economy, microeconomic factors.

Голованов Владислав Сергеевич

Аспирант, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва
golovanovvs@yandex.ru

Аннотация. Кредитование представляет собой одно из ключевых направлений деятельности коммерческих банков, реализуемое в рамках кредитной политики. При этом кредитная политика не является постоянной и дифференцируется в зависимости от внешних и внутренних факторов и состояния экономики страны в целом. На основе анализа литературных источников и денежно-кредитной политики Центрального банка Российской Федерации автором статьи уточнена классификация факторов, определяющих сбалансированную кредитную политику коммерческих банков в Российской Федерации.

Ключевые слова: коммерческий банк, банк, денежно-кредитная политика, кредитование, макроэкономические факторы, экономика страны, микроэкономические факторы.

Прежде чем акцентировать внимание на факторах, определяющих кредитную политику коммерческого банка, необходимо понять, что представляет собой такая политика. В наиболее общем понимании кредитная политика коммерческого банка является внутренним документом банка, с помощью которого определяется основной подход к кредитованию и спрос на заемщика с учетом текущей экономической ситуации. Кредитная политика коммерческих банков способна выразить философию (обычный подход, концепцию) кредитной работы банков, установить стратегическую основу для этой деятельности. Для решения этой проблемы любой коммерческий банк, который осуществляет кредитную деятельность, имеет определенный порядок выдачи кредитных средств. Таким образом, с одной стороны, кредитная политика представляет собой общее руководство к действию в работе кредитных служб банков.

С другой стороны — в специализированной литературе дается определение кредитной политики как процесса «использования методов, принципов, которые помогают создавать отношения между кредитором и заемщиком в отношении займа и управления кредитным процессом» [2, с. 154–156].

Кредитная политика коммерческого банка направлена на решение ряда важнейших задач. С одной стороны она также решает задачи, связанные с минимизацией

неизбежных коммерческих рисков а с другой стороны задачи, направленные на сохранение максимально широкой ниши потенциальных потребителей кредитного продукта.

Кредитная политика коммерческого банка также имеет основную цель — высокодоходные размещения обязательств (а также привлеченных депозитов) банка в кредитном продукте, при этом поддерживается определенный уровень качества кредитных портфелей банков. На качество кредитных портфелей в первую очередь влияют просроченные кредиты и другие безнадежные долги. Просроченная задолженность — это задолженность, которая не была погашена вовремя и обязательство заемщика по кредиту не было выполнено. Проблемная задолженность — это задолженность, которая имеет прямые или косвенные признаки проблемы при обслуживании займов заемщиками и своевременном выполнении обязательств заемщиков перед банками-кредиторами. Высококачественный кредит — это, в свою очередь, обеспеченный кредит, который аннулируется вовремя, не вызывая проблем и трудностей для заемщика.

Кроме того, банки должны соблюдать разумный баланс между доходами и рисками. Именно при разработке и соблюдении кредитной политики банки стремятся минимизировать риск путем получения максимально допустимого дохода от операций в течение этого пе-

риода. При таких действиях кредитный риск коммерческого банка становится минимальным. Высшее руководство банка (единоличный исполнительный орган или правление банка) принимает кредитную политику, с помощью этого документа полномочия делегируются каждому исполнителю — сотруднику кредитной единицы. Очевидным является тот факт, что кредитная политика коммерческих банков разграничивает принятие решений, полномочия на проведение определенных действий, операции. Кредитная политика коммерческого банка вырабатывает единый подход к кредитованию, особенно если есть сеть филиалов коммерческих банков. Таким образом, устанавливается подход, определяется общий принцип кредитования клиентов коммерческих банков, вид предоставляемого кредита, полномочия банка любого уровня для принятия каждой эмиссии и операционная часть процедуры кредитования. Требование к этой политике банков — соответствие кредитной политики текущим рыночным ситуациям. Для поддержки кредитной политики коммерческого банка необходимо постоянно анализировать и, при необходимости, уточнять те постулаты, на которых он основана. Коммерческие банки на практике пересматривают свою кредитную политику, как обычно, не реже одного раза в год. В экономической ситуации, которая часто меняется, кредитная политика пересматривается чаще. При этом необходимо учитывать, что кредитная политика банков не противоречит действующему законодательству государства, а также общему экономическому развитию. Однако имеется много факторов, которые оказывают влияние на кредитную политику коммерческих банков.

В специализированной литературе существуют различные классификации факторов, влияющих на кредитную политику коммерческих банков. С точки зрения Л.Е. Зерновой и И.Т. Талибова, факторы, определяющие кредитную политику коммерческих банков, дифференцируются на внешние и внутренние [3, с. 59–61].

К внешним факторам, определяющим кредитную политику коммерческих банков в Российской Федерации можно отнести факторы, оказывающие регулирующее воздействие — законодательство Российской Федерации в области банковского права, нормы международного права, отдельные аспекты международных отношений и санкции, финансовая политика страны, учредительные и внутренние документы банка [4, с. 59–61].

К внутренним факторам, согласно вышеприведенной классификации, необходимо относить стоимость капитала, квалификацию персонала кредитной организации, ликвидность банка, наличие и качество системы внутреннего контроля, процентные ставки, информационные технологии.

Согласно другой позиции к факторам, определяющим кредитную политику коммерческого банка, относятся: макроэкономические, региональные и внутрибанковские факторы. Указанная классификация факторов определяет кредитную политику коммерческого банка и в зависимости от масштаба их воздействия является достаточно устоявшейся. Как отмечает Ю.П. Гордеева «первые две группы факторов носят объективный характер и банку необходимо максимально приспособлять к ним свою кредитную политику. Эндогенные (внутрибанковские) же факторы могут и должны быть объектом влияния со стороны коммерческого банка» [1, с. 28–34].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в научной литературе нет единства мнений относительно того, какие факторы оказывают наибольшее влияние на кредитную политику коммерческих банков.

По мнению автора статьи, в современных условиях развития экономики Российской Федерации наибольшее значение имеют факторы, имеющие регулятивное воздействие на кредитную политику коммерческих банков. В первую очередь это обусловлено тем, что законодательство Российской Федерации в банковской сфере нестабильно и постоянно подвергается изменениям. Так, анализ деятельности Центрального Банка Российской Федерации и нормативных правовых актов, регулирующих деятельность коммерческих банков, за последние пять лет, показал, что с наступлением экономического кризиса 2014 года произошло серьезное ужесточение правил в области длительности коммерческих банков и установлен более жесткий контроль за соблюдением указанных правил со стороны надзорного органа Центрального банка.

Доказательством тому является статистика сокращения числа коммерческих банков путем аннулирования их лицензий. По статистике на 1 января 2019 года в Российской Федерации функционировало 484 коммерческих банка, что на 77 единиц меньше по сравнению с аналогичным показателем 2018 года [5].

Если сравнить это количество с докризисным периодом, а именно с данными на 1 января 2014 года (количество коммерческих банков тогда достигало 925), то можно сделать вывод, что за пять последних лет в Российской Федерации произошло снижение числа коммерческих банков почти на 50%.

Такая динамика снижения обусловлена не только кризисными процессами в экономике страны, но и значительной проблемой, связанной со снижением качества кредитного портфеля российских банков в 2015 году. В связи с негативными последствиями влияния кризиса, охватившего практически все сектора экономики, бла-

госостояние юридических и физических лиц значительно ухудшилось.

Финансовый сектор играет важную роль в развитии страны. Для устойчивого экономического роста страна должна иметь сильный банковский сектор. Как видно из приведенного анализа развития банковского сектора, за последние пять лет российские коммерческие банки столкнулись с рядом проблем. Правительство и основной надзорный орган в банковской сфере — Центральный Банк Российской Федерации для восстановления стабильности в банковской сфере, в том числе при реализации кредитной политики, осуществили несколько реформ для усиления роста и конкуренции в этом секторе. Для достижения финансовой стабильности и роста важно определить факторы, определяющие эффективность кредитной политики.

Предоставление кредитов населению, особенно частному сектору, является одним из основных видов деятельности коммерческих банков. Кредиты являются одним из основных источников дохода, особенно процентных доходов. В различных исследованиях эта переменная в большинстве своем измеряется как отношение кредитов к активам. Банковские кредиты приносят доход за счет процентных ставок, однако они положительно влияют на прибыль банковского сектора. Вместе с тем, роль регулятивных факторов, определяющих кредитную политику, заключается не только в стабилизации положения коммерческих банков на рынке, но и в защите заёмщиков.

Согласно традиционной роли банков, они являются посредниками между профицитным и дефицитным секторами экономики. Поскольку кредитная ставка обычно больше, чем ставка по депозитам, то чем больше депозитов преобразуется в кредиты, тем выше ожидаемая процентная маржа и прибыль. Следовательно, чем выше коэффициент, тем больше количество выданных кредитов, что увеличивает дефолт (кредитный риск). Чтобы удовлетворить высокий кредитный риск, банки обычно увеличивают свою маржу по процентам по кредитам, которые увеличивают и банковскую прибыль. Однако при таких обстоятельствах своего рода «заложниками» кредитной политики банка являются заемщики. Именно поэтому контроль со стороны государства является еще одним внутренним фактором, определяющим эффективность работы коммерческого банка и его кредитной политики. Работа банка отличается в зависимости от формы собственности. Частные банки, как правило, работают лучше, чем государственные банки.

Важным моментом в процессе развития кредитной политики, конечно же, является наличие необходимых финансовых ресурсов и возможность их увеличения

банками. Так, например, размер банка, размер уставного капитала, операционные расходы банка, право собственности и соотношение кредитов и активов являются основными существенными факторами, определяющими прибыльность коммерческих банков в Российской Федерации. Поэтому в рамках единой кредитной политики необходимо выработать политику, которая может увеличить активы коммерческих банков, например, за счет развития дополнительных банковских услуг. Кроме того, повышает доходность коммерческих банков иностранная собственность, что также влияет на кредитную политику. Операционные же расходы банка значительно уменьшают банковскую прибыль. Это говорит о том, что у коммерческих банков есть возможность увеличить свою прибыль, прилагая больше усилий для надлежащего контроля затрат и операционной эффективности. Это может быть достигнуто путем поиска путей оптимального использования банковских ресурсов при производстве банковских продуктов и услуг.

Поэтому важно знать факторы, которые влияют на банковские показатели, чтобы воздействовать на принятие политики и принятие управленческих решений, которые могут повысить прибыльность в банковском секторе

Таким образом, подводя итог отметим, что банковский сектор является неотъемлемой частью экономики и одним из его основных драйверов. Поэтому знание и правильное определение факторов, влияющих на кредитную политику коммерческих банков, имеет большое практическое значение. В частности, указанные факторы влияют на банковские показатели, и, как следствие, на принятие политики и принятие управленческих решений, которые могут повысить прибыльность в банковском секторе.

Поскольку кредитная политика коммерческого банка — это основа его прибыли, необходима грамотная организация указанного процесса. Для того, чтобы обеспечить постоянный рост прибыли, коммерческий банк должен иметь достаточно большой спектр банковских услуг, направленных на стимулирование увеличения своих активов и капитальной базы, а также удобных для пользователя. Коммерческие банки должны инвестировать в эффективное управление и технологии, которые снижают операционные издержки, чтобы повысить свою эффективность.

Правильный анализ всех факторов и ориентация на регулятивные факторы поможет разработать коммерческому банку эффективную кредитную политику и стать более конкурентоспособным за счет получения прибыли в постоянно меняющихся условиях современной рыночной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева Ю. П. Эндогенные факторы кредитной политики коммерческого банка // Банковское дело. — 2011. — 3 (435) — С. 28–34.
2. Зернова Л.Е., Политыко М. Д. Терминологический анализ концепции кредитной политики банка. Сборник материалов Всероссийской конференции молодых ученых «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации «Социальный инженер-2017», РГУ имени А. Н. Косыгина, 2017. — С. 154–156.
3. Зернова Л.Е., Талибов И. Теоретические аспекты формирования кредитной политики коммерческого банка. Сборник статей Международной научно-практической конференции «Проблемы, перспективы и направления инновационного развития науки». — Курган, 2016. — С. 59–61.
4. Тарасов Г. В. Факторы, определяющие кредитную политику коммерческого банка // «Образование и наука в России и за рубежом» научно-образовательное издание для преподавателей и аспирантов, Журнал № 4 (Vol. 52). — 2019.
5. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://bankirsha.com/kolichestvo-bankov-v-rossii-na-2019-gody.html> (дата обращения 29.08.2019 г.)

© Голованов Владислав Сергеевич (golovanovvs@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

СОВРЕМЕННЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ БЮДЖЕТНЫМИ ПОТОКАМИ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ

MODERN VECTOR OF MANAGEMENT SYSTEMS OF MUNICIPAL BUDGET FLOW DEVELOPMENT

D. Lentugov

Summary. The article describes the features of the process of management of local budgets in Russia, which identifies three main stages: the formation of the local budget, the execution of the local budget, as well as control, monitoring and evaluation of the results of the execution of the local budget. The problems that arise in the formation of revenues and expenditures of local budgets are identified. The assessment of the main measures to reform the budget process in the field in Russia is done.

Keywords: local budgets, local budget revenues, local budget expenditures, intergovernmental transfers.

Лентюгов Дмитрий Александрович

Аспирант, ФБОБУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»
dmitrylentugov@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыты особенности процесса управления средствами местных бюджетов в России, в котором выделены три основных этапа: формирование местного бюджета, исполнения местного бюджета, а также контроль, мониторинг и оценка результатов исполнения местного бюджета. Определены проблемы, которые возникают в процессе формирования доходов и расходов местных бюджетов. Проведена оценка основных мероприятий по реформированию бюджетного процесса на местах в России.

Ключевые слова: местные бюджеты, доходы местного бюджета, расходы местного бюджета, межбюджетные трансферты/.

Постановка проблемы. Демократическое развитие страны предполагает эффективное функционирование территориальных общин, способных решать вопросы самоуправляемого развития. Такая способность требует соответствующего финансового обеспечения, что реализуется через формирование местных бюджетов, за счет расходов которых финансируются учреждения образования, культуры, здравоохранения, средства массовой информации, жилищно-коммунальное хозяйство, различные молодежные программы. Именно из местных бюджетов проводят расходы на социальную защиту и социальное обеспечение населения.

Проблемы функционирования местных бюджетов на современном этапе имеют много аспектов. Это, в первую очередь, распределение полномочий и средств между различными уровнями бюджетной системы, проблемы расширения доходной базы бюджетов, повышение результативности бюджетных расходов и тому подобное. Нестабильность доходной базы местных бюджетов, недостаточно эффективный механизм межрегионального перераспределения бюджетных поступлений, значительные различия в уровне экономического развития регионов, условиях жизни в них ведут к социальным конфликтам и политической нестабильности.

Анализ последних исследований и публикаций. Учитывая необходимость построения эффективной систе-

мы управления средствами местных бюджетов, которая играет важную роль в обеспечении их бесперебойного функционирования, этой проблематике посвящено немало научных трудов таких российских и зарубежных ученых как В. Васильева [3] А. Вагнера [2], Дж. М. Кейнса [4], П. Самуэльсона [5], А. Смита, Дж. Стиглица, С. Фишера, М. Фридмена.

Постановка задачи. Целью статьи является исследование современных особенностей процесса управления средствами местных бюджетов, анализ доходов и расходов местных бюджетов, а также выделение по его результатам проблем, которые возникают в результате выполнения местных бюджетов.

Изложение основного материала исследования. Финансовые ресурсы сосредоточены в местных бюджетах, находящихся в распоряжении органов местного самоуправления. Управление средствами местных бюджетов основывается на знании экономических законов развития общества, закономерностей распределения валового внутреннего продукта и национального дохода между государством и субъектами хозяйствования, государством и населением, между отраслями экономики и между территориями. Схема процесса управления бюджетными средствами приведена на рисунке 1.

Анализировать функционирование процесса управления средствами местных бюджетов целесообразно по двум направлениям:

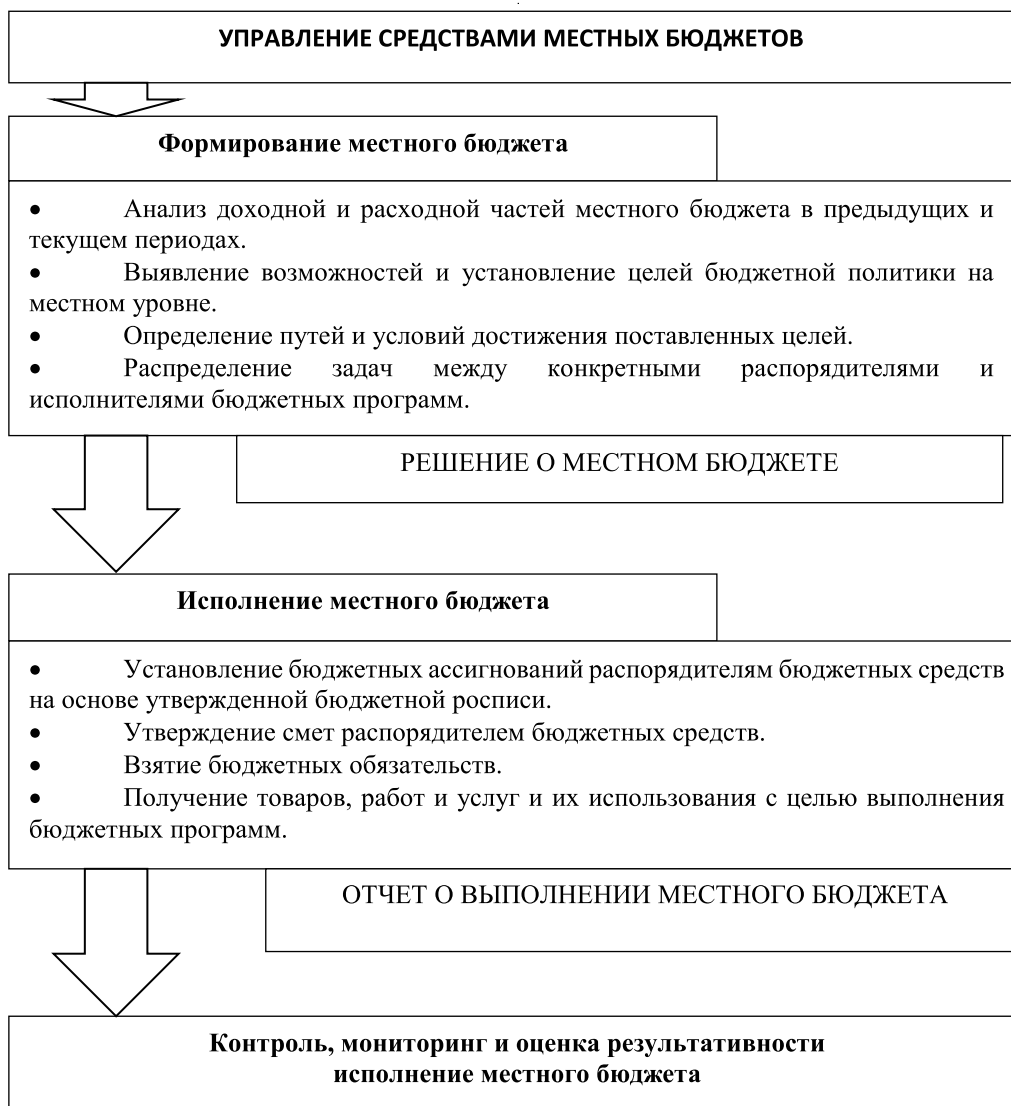

Рис. 1. Схема процесса управления средствами местных бюджетов
Источник: составлено автором

- ♦ формирование местного бюджета, включающего в себя планирование бюджетных показателей и приобретение бюджетом статуса законодательного акта;
- ♦ экономический анализ, отчетность, контроль за использованием бюджетных средств, мониторинг и оценка эффективности исполнения местными органами власти доходных и расходных полномочий.

Бюджетный процесс играет центральную роль в управлении бюджетными средствами и является регламентированной нормами права деятельностью, связанной с составлением, рассмотрением, утверждением бюджетов, их выполнением, рассмотрением отчетов о выполнении бюджетов.

Формирование доходной и расходной частей местных бюджетов начинается на стадии планирования. Планирование — важный инструмент управления, который обеспечивает местным органам власти возможность влияния на экономическое развитие территории в перспективе.

Процесс формирования местных бюджетов целесообразно разделить на четыре этапа:

- 1) аналитический: анализируется расходная часть бюджета в предыдущих и текущем периодах, фиксируются тенденции развития;
- 2) поисковый: выявляются возможности вследствие принятия новых решений, реализации новой политики местных органов власти, формируются новые цели;

- 3) программный: определяются пути и условия достижения поставленных целей, проводится их оценка;
- 4) организационный: осуществляется распределение задач между конкретными распорядителями бюджетных средств, исполнителями бюджетных программ, которые обеспечивают достижение определенных целей [2].

Формирование местного бюджета должно основываться на приоритетах региональной бюджетной политики. Прогнозные и программные документы социально-экономического развития территории, прогноз финансового баланса на последующие годы должны быть основанием для определения приоритетных направлений расходов. В бюджетном процессе должны быть учтены среднесрочная и долгосрочная перспектива, установлена связь с общими целями социально-экономического развития страны и административно-территориальных единиц.

Как правило, при планировании бюджета на среднесрочную перспективу (3–5 лет) бюджетные показатели пересматривают ежегодно, приводя их в соответствие с направлениями бюджетной политики, которые могут меняться из года в год. Условием при ежегодном пересмотре среднесрочного бюджета является анализ бюджетной политики прошлого периода.

Следующим этапом в процессе управления бюджетными средствами является выполнение местных бюджетов, которое можно разделить на несколько стадий:

1. Установление бюджетных ассигнований распорядителям бюджетных средств на основе утвержденной бюджетной росписи. До утверждения росписи финансовым органом утверждается временная роспись на соответствующий период, на основе которого происходит финансирование бюджетных расходов в соответствии со структурой назначений.
2. Утверждение смет распорядителем бюджетных средств. Смета определяет сферу ответственности для руководителя учреждения, распорядителя средств, финансового органа и федерального казначейства РФ и является основным средством контроля за деятельностью распорядителя бюджетных средств.
3. Взятие бюджетных обязательств. Главный распорядитель бюджетных средств в первую очередь должен обеспечить проведения защищенных расходов бюджета, к числу которых относятся расходы на оплату труда работников бюджетных учреждений, начисления на заработную плату, приобретение медикаментов, обеспечение продуктами питания, оплату коммунальных услуг и энергоносителей и тому подобное.

4. Получение товаров, работ и услуг и их использования с целью выполнения бюджетных программ. Путем сбора информации о расходную и доходную части бюджета проводят постоянный мониторинг его выполнения, осуществляют контроль соответствия фактических показателей плановым.

Ни одна система не может быть успешной, если она не имеет действенного контроля. Этот инструмент обеспечивает эффективное управление расходами местных бюджетов и способствует достижению определенных целей. Условием эффективного бюджетного процесса, важными факторами для формирования показателей проекта бюджета на следующий год является отчетность, мониторинг и оценка результативности управления средствами местных бюджетов.

Информация, содержащаяся в отчетах об исполнении местных бюджетов, помогает оценить эффективность реализации бюджетных программ, выявить недостатки и ошибки, своевременно их устранить. Мониторинг и оценка осуществляются на основании данных официальной отчетности, в частности финансовой или казначейской, а отчетность, в свою очередь, должна формироваться таким образом, чтобы содержать данные, необходимые для мониторинга и оценки.

Мониторинг и оценка имеют разное назначение. Мониторинг обеспечивает непрерывный процесс сбора и обработки данных по показателям исполнения местных бюджетов. Оценка эффективности работы местных органов власти по использованию бюджетных средств позволяет своевременно предупредить возможные проблемы, связанные с исполнением бюджета, обнаружить тенденции, установить причинно-следственные связи существования определенных трендов и разработать мероприятия для улучшения качества общественных услуг и эффективности расходов местных бюджетов. В то время, как мониторинг сосредотачивается на текущих операциях и сравнению показателей, оценка — на анализе конечных результатов выполнения местных бюджетов.

Основные задачи системы мониторинга и оценки сводятся к следующему:

- ♦ определить, выполняют ли местные органы власти возложенные на них полномочия и функции с соблюдением требований бюджетного законодательства;
- ♦ определить, соблюдаются ли бюджетными учреждениями, финансируемыми из местных бюджетов, требования бюджетного законодательства при использовании предоставленных ассигнований;
- ♦ определить, происходит ли деятельность местных органов власти и учреждений, финансиру-

емых из местных бюджетов, при осуществлении операций с бюджетными средствами согласно утвержденных смет и бюджетных росписей;

- ◆ оценить фискальную и кредитную способность органов местного самоуправления с помощью финансовых коэффициентов;
- ◆ оценить экономическую эффективность и результативность конкретной бюджетной программы и определить пути повышения результативности ее выполнения, оптимизации бюджетных расходов, перераспределения средств внутри программы или, в случае необходимости, нескольких программ;
- ◆ определить стоимость различных общественных услуг, предоставляемых местными органами власти, а также факторы, определяющие стоимость этих услуг, для разработки эффективной региональной политики и оценки объема бюджетных ресурсов, необходимых для выполнения собственных и делегированных полномочий местного самоуправления.

Дальнейшее совершенствование менеджмента бюджетных средств требует внедрения формирования бюджетов с учетом стратегических целей социально-экономического развития территории на многолетнюю перспективу и результатов деятельности участников бюджетного процесса, достигнутых в предыдущих бюджетных периодах. Кроме того, необходимо повышение эффективности и результативности использования финансовых ресурсов местных бюджетов путем внедрения прогрессивных методик бюджетного планирования, одними из которых является программно-целевой метод и среднесрочное бюджетное планирование.

Современная наука государственного управления имеет широкий спектр средств государственного влияния на развитие местных бюджетов в стране. Однако недостаточность доходной базы в регионах, невозможность местных бюджетов в полном объеме финансировать выполнение своих обязанностей требуют совершенствования методов государственного управления местными бюджетами, использование которых является актуальным в России с учетом социально — экономических диспропорций общественного развития и многоаспектного анализа внешних факторов.

Активное влияние местного самоуправления на формирование новых экономических и социальных отношений возможен лишь в том случае, если оно будет иметь в своем распоряжении достаточный объем финансовых ресурсов. Роль местных бюджетов в значительной мере определяется долей доходов и расходов местных бюджетов в сводном бюджете России, которая свидетельствует об участии местного самоуправления в решении

актуальных проблем развития государства, определенную ограниченность функций центральных органов власти. Такая доля является общим показателем, который отражает уровень финансовой независимости органов местного самоуправления, дает возможность оценить степень развития местных бюджетов.

Большинство расходов местных бюджетов традиционно направляются на социально-культурную сферу (образование, здравоохранение, социальную защиту и социальное обеспечение, культура и искусство, физическая культура и спорт). Расходы на социальные нужды не должны быть расходами местного значения, поскольку местные органы не могут влиять на решение об их предоставлении или непредоставлении. Поскольку обеспечение социальной сферы является задачей государства, то местные бюджеты должны получать средства из государственного бюджета на обеспечение расходов социальной сферы.

Местные бюджеты не получают средства, необходимые для содержания объектов социальной инфраструктуры, которые переходят в коммунальную собственность. Местные органы власти не имеют достаточных финансовых возможностей по выполнению функций местного значения еще и вследствие нерациональной системы предоставления услуг и избыточного количества учреждений, предоставляющих такие услуги, что, соответственно, требует дополнительных расходов на осуществление управленческих функций.

Важным направлением управления бюджетными средствами на местах является обеспечение ликвидности местных бюджетов, путем получения займов на покрытие временных кассовых разрывов. Такие займы местные бюджеты могут получать в коммерческих банках и в федеральном Казначействе РФ. Однако, в условиях финансового кризиса банковские займы практически недоступны, поэтому единственным инструментом обеспечения ликвидности местных бюджетов являются текущие и среднесрочные ссуды, которые предоставляются за счет средств единого казначейского счета.

Активное влияние местного самоуправления на формирование новых экономических и социальных отношений возможен лишь в том случае, если оно будет иметь в своем распоряжении достаточный объем финансовых ресурсов. Главным признаком финансовой независимости — это владение и самостоятельное распоряжение финансовыми ресурсами, размер которых соответствует функциям и задачам, которые возлагаются на органы местного самоуправления. Такие финансовые ресурсы необходимые для реализации поставленных целей и программ экономического и социального развития территории в соответствии с выбранными приорите-

тами. Так, для увеличения ресурса на выполнение собственных полномочий местной власти целесообразно также увеличить количество налогов и сборов, по которым местные советы имеют полномочия по установлению их ставок и размеров.

Сегодняшняя реформа должна стимулировать общины к объединению, ведь только в этом случае территориальные общины смогут перейти на прямые межбюджетные отношения с государственным бюджетом и получить полномочия городов федеративного значения.

Выводы

Считаем, что в современных условиях совершенствование системы управления финансами местных бюджетов, должна проводиться по следующим направлениям:

- ♦ предоставление большей управленческой свободы местным властям, а именно органам местного самоуправления (общинам);
- ♦ создание действенных механизмов проверки качества предоставления местных услуг, через которые центральный уровень мог бы убеждаться,

что в делегированных функциях достигнуты ожидаемые показатели успеваемости и соблюдены национальные стандарты качества;

- ♦ разграничение расходов органов местного самоуправления на выполнение делегированных государством и собственных полномочий;
- ♦ схемы определения расходных полномочий местных бюджетов в конкретных отраслях бюджетной сферы (отдельные расходы на обеспечение функционирования учреждений образования, здравоохранения, культуры и искусства, социальной защиты и осуществления мер в соответствующих сферах).

Процесс управления средствами местных бюджетов как главной составляющей финансового обеспечения местного самоуправления характеризуется недостаточностью доходной базы, зависимостью от межбюджетных трансфертов и невозможностью местных бюджетов полностью финансировать выполнение своих обязанностей. Поэтому первоочередной задачей является увеличение доходной части местных бюджетов, что, в свою очередь, будет способствовать улучшению работы местных органов власти и укрепит их самостоятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюджетный Кодекс Российской Федерации: от 17.07.1998 г. (с изменениями) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.budgerrf.ru> (дата обращения 11.09.2019).
2. Вагнер А. Теория финансов / А. Вагнер. — Л.: Петроком, 1993. — 231 с.
3. Васильев В. И. Местное самоуправление [Текст] / В. И. Васильев. — М.: Издание г-на Тихомирова М. Ю., 1999. — С. 18.
4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс; пер. с англ. — М.: Гелиос, 2012. — 352 с.
5. Самуэльсон Пол. Э. Экономика / Пол. Э. Самуэльсон, В. Д. Нордхаус; пер. с англ. — 18-е изд. — М.: Вильямс, 2010. — 1360 с.

© Лентюгов Дмитрий Александрович (dmitrylentugov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕХАНИЗМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

BUDGET ALLOCATION MECHANISMS

M. Ohrina

Summary. the article analyzes the budget system as an important component of the state control of the state's economic development, and discusses the mechanisms for allocating is so important to understand and manage the state budget rationally using budget funds for its efficient operation. The relevance of the article's topic is that the state of the state in the domestic and foreign markets depends on the state budget, therefore it special mechanisms for the distribution of funds. The methodological basis was the articles and publications of modern Russian experts, such as: M. M. Ilyasov, N. Yu. Skorik, A. A. Strokova, V. S. Tukach. Particularly stands out MM. Ilyasov, who most thoroughly examines the theoretical aspects of the budgetary structure of the Russian Federation, substantiates the main ways of improving the mechanism of the formation of the federal budget at the present stage. In the process of writing the work the following research methods were used: description, comparison, analysis and induction. The novelty of the article lies in the fact that it is very important to try to move to the allocation of budget funds not for the needs of a particular department, but for a specific task (for example, not for public health in general, but to reduce the mortality rate of certain types of diseases — cardiovascular). So it is easier to verify the correctness and effectiveness of the use of these funds, and the world has experience of such work. In the USA, it is called the planning-programming-financing system and for many years it has been successfully used in the allocation of budgetary funds. In our country, economists and mathematicians developed in Soviet times and developed similar systems of program-target planning. Of course, all this is not simple and no immediate result can be expected here. But the trend and direction is important.

Keywords: budget system, budget, system of financial and budgetary regulation, state policy, revenues, expenses, taxes.

Охрина Марина Владимировна

Аспирант, МФЮА
marishka251186@bk.ru

Аннотация. в статье проводится анализ бюджетной системы, как важного компонента государственного контроля экономического развития государства, и рассматриваются механизмы распределения бюджетных средств для эффективной его деятельности. Актуальность темы статьи заключается в том, что от состояния государственного бюджета зависит экономическое положение государства на внутреннем и внешнем рынке, поэтому так важно понимать и рационально управлять госбюджетом, используя специальные механизмы по распределению денежных средств. одической основой послужили статьи и публикации современных российских экспертов, таких как: М. М. Ильясов, Н. Ю. Скорик, А. А. Строкова, В. С. Тукач. Особенно стоит выделить М. М. Ильясова, который наиболее детально исследует теоретические аспекты бюджетного устройства РФ, обосновывает главные пути совершенствования механизма формирования федерального бюджета на современном этапе. В процессе написании работы применялись следующие методы исследования: описание, сравнение, анализ и индукция. Новизна статьи заключается в том, что очень важны попытки перейти к распределению бюджетных средств не на нужды того или иного ведомства, а на выполнение определенной задачи (например, не на здравоохранение вообще, а на снижение смертности от таких-то видов заболеваний — сердечно-сосудистых). Так легче проверять правильность и эффективность использования этих средств, и в мире есть опыт такой работы. В США она называется системой планирование-программирование-финансирование и уже много лет с успехом применяется при распределении бюджетных средств. В нашей стране экономистами-математиками разрабатывались еще в советское время и разрабатываются аналогичные системы программно-целевого планирования. Конечно, все это не просто и сиюминутного результата здесь ждать не приходится. Но важна тенденция и направление.

Ключевые слова: бюджетная система, бюджет, система финансово-бюджетного регулирования, политика государства, доходы, расходы, налоги.

Бюджетная система — важная составляющая государственного регулирования социально-экономического развития общества. Становление финансовых отношений происходит в условиях трансформации экономики, которая является предпосылкой и одновременно объектом их воздействия.

Исходя из стратегии развития экономики, связанной с повышением уровня ее эндогенной составляющей, необходимы соответствующие институциональные изменения в системе финансово-бюджетного регулирования экономики, формирующиеся в определенной институциональной среде и представляющей собой совокупность таких финансово-бюджетных и экономических

составляющих, как доходная часть бюджета, расходная часть бюджета, дефицит бюджета, государственный долг, налоговое регулирование, межбюджетные отношения, экономические процессы в стране, внешнее экономическую среду и взаимосвязи между ними.

Преобразование системы финансово-бюджетного регулирования в значительной степени связано с изменением институциональной среды общества, составляющие финансовой политики совершенствуются с развитием социально-экономической сферы, экономической стратегии и характеризуют адаптационные возможности архитектуры финансовой системы. [1, с. 250–253]

Государства, принадлежащие к типу социально-ориентированной экономики, используют методы бюджетной экономической политики с целью повышения уровня благосостояния населения, для чего определяющими направлениями являются: снижение объемов внутреннего и внешнего долга; распределение бюджетных средств между частным сектором и государственными органами, центральными и местными органами исполнительной власти. [3, с. 28–31]

Бюджеты составляются как на уровне государства, региона, города (муниципального образования), так и в коммерческих и некоммерческих фирмах.

Главные функции бюджетов заложены в распределении средств, регулировании, стимулировании, планировании и контроле. Сущность бюджетов заключается в том, что бюджет является денежным фондом, в котором отражаются доходы и расходы (фактические и будущие (планируемые)).

Оценка и анализ проводится для разных целей. Так на государственном уровне одной из основополагающих целей является функция распределения полученного дохода и функция планирования расходов. Отметим, что в Российской Федерации планирование бюджета основано на программно-целевом методе. [4, с. 136–139]

При рассмотрении всех статей главного документа государства, принимаются и учитываются все замечания, которые касаются расходной и доходной части. После того как бюджет был разработан, он подлежит рассмотрению и утверждению, но для этого должен быть кворум. Доходная часть бюджета показывает, из каких источников поступают денежные средства. Доходная часть бюджета постоянно меняется, так как невозможно четко спрогнозировать экономические показатели государства и рыночную конъюнктуру. Даже незначительное изменение в доходной части бюджета приводит государство к экономическому оздоровлению, или наоборот — кризису.

За каждым уровнем бюджетной системы РФ закреплены свои доходы, которые подлежат зачислению в тот или иной бюджет.

Расщеплением уплаченных налогов и зачислением их в соответствующие бюджеты по нормам действующего законодательства занимаются органы Федерального казначейства. Для выстраивания своей работы они пользуются как положениями Бюджетного кодекса РФ, так и законами (решениями) о бюджетах, где фиксируются нормативы зачислений и распределений доходных источников.

С точки зрения федерального законодательства доходы бюджетной системы РФ делятся следующим образом:

В федеральную казну поступает часть налогов на прибыль организаций, НДС, практически все акцизы (частично на алкоголь, табак, автомобили), часть акцизов на ГСМ, налоги, касающиеся добычи полезных ископаемых, госпошлина за действия федеральных органов власти (по сути дела плата за их услуги), доходы от разных способов использования федерального имущества (аренда, продажа и т.п.), таможенные сборы, плата за использование лесов, водных объектов (по сути доходы от эксплуатации общенационального богатства), доходы от внешнеэкономической деятельности и т.п.

Т.е. в основном — это доходы, поступление которых обеспечивают действия органов федеральной власти.

В региональные бюджеты поступают налоги на имущество организаций, транспортный налог (как с организаций, так и с граждан), налоги с игорного бизнеса, частично налог на прибыль с организаций, большая доля подоходного налога, часть акцизов на алкоголь и бензин, налоги по упрощенке, разного рода госпошлины, связанные с деятельностью региональных органов власти, доходы от использования регионального имущества и т.п. [2, с. 689–692]

Осуществляя расходы, государство реализует свои функции и оказывает большое влияние на экономику государства.

На формирование экономики влияют финансовые операции, которые проводятся на государственном уровне. Сократить расходы возможно за счет: сокращения расходов на оборону государства; сокращения расходов на государственные органы; сокращения социальных выплат; сокращения дотационных выплат; сокращения выплат по госдолгу; контроля расходования бюджетных средств. Для принятия решения о возможных сокращениях расходов, необходимо провести аудит по расходной части бюджета.

Характер и условия формирования бюджета, зависят от социально — экономического устройства государства и этапов развития. Все государства осуществляют расход на традиционные расходы, к таким расходам относят: обеспечение правопорядка; содержание оборонного сектора; обеспечение государственного сектора.

К капитальным расходам относят: новое строительство; развитие муниципальной собственности; реконструкция уже имеющихся объектов; развитие объектов государственной важности. Бюджетные средства могут направляться на финансирование долгосрочных проектов, которые могут переходить на следующий год.

Таким образом, рациональное использование бюджетных средств по всем статьям расходов, позволяет быстро реагировать на экономические колебания, оказывать социальную поддержку наименее не защищенным слоям населения, стимулировать процесс развития в приоритетных отраслях.

В местные бюджеты зачисляются налоги на землю, имущество физических лиц, частично подоходный налог, «вмененка», госпошлина за действия органов местного самоуправления, доходы от муниципального имущества и т.п.

Расходование бюджетов Федеральное законодательство закрепило за каждым уровнем власти круг полномочий, который этот уровень власти обязан исполнять. Соответственно, для исполнения полномочий власть принимает на себя соответствующие расходные обязательства.

Средства бюджетов бюджетной системы РФ направляются в первую очередь на обеспечение этих расходных обязательств.

Выделение средств каждому органу власти, являющемуся участником бюджетного процесса, осуществляется в виде бюджетных ассигнований. По сути своей это не так называемые «живые деньги», а право на часть «бюджетного пирога».

Затем отраслевые делят свою долю между подведомственными учреждениями и другими получателями средств (например, сельхозпредприятиями в виде субсидий). Подведомственным учреждениям деньги передаются в виде лимитов бюджетных обязательств, в пределах которых учреждения имеют право заключать различного рода договора для обеспечения своей деятельности.

Составление государственного бюджета — важнейший аспект управления государством. От того, насколько грамотно рассчитаны доходы и распределены расходы, зависит благосостояние подавляющего большинства граждан. Бюджет государства может способствовать росту экономики или тормозить его, делать граждан богаче или беднее.

Бюджет может быть «социальным», т.е. направленным на улучшение социальных норм, или «накопительным» — отдающим преимущество созданию государственного запаса средств. В предвоенные и военные годы возрастает доля расходов на армию и вооружения.

Таким образом, государство может инвестировать средства в развитие промышленности или инфраструктуры страны, а может пустить основные расходы на популистские, зрелищные, но бесполезные проекты. Все зависит от приоритетов правительства и тех целей, которые оно реализует, пребывая у власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильясов М. М. Проблемы и направления совершенствования бюджетной системы Российской Федерации // Молодой ученый. — 2016. — № 18. — С. 250–253. — URL <https://moluch.ru/archive/122/33495/> (дата обращения: 10.07.2019).
2. Скорик Н. Ю. Принципы бюджетной системы по законодательству Российской Федерации // Молодой ученый. — 2016. — № 28. — С. 689–692. — URL <https://moluch.ru/archive/132/36699/> (дата обращения: 10.07.2019).
3. Строкова А. А. Оценка реализации принципов построения бюджетной системы РФ [Текст] // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). — М.: Буки-Веди, 2016. — С. 28–31. — URL <https://moluch.ru/conf/econ/archive/174/10654/> (дата обращения: 10.07.2019).
4. Тукач В. С. Проблемы бюджетной системы РФ и возможности их решения // Вопросы экономики и управления. — 2016. — № 5.1. — С. 136–139. — URL <https://moluch.ru/th/5/archive/44/1588/> (дата обращения: 10.07.2019).

© Охрина Марина Владимировна (marishka251186@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОЦЕНКА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ЭФФЕКТОВ ВО ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛЕ СТРАН ЕАЭС*

ASSESSMENT OF INTEGRATION EFFECTS IN MUTUAL TRADE OF THE EAEU COUNTRIES

V. Abramov

Summary. The article is devoted to the assessment of integration effects in mutual trade of the EAEU member States. The analysis and assessment of volumes of mutual trade in goods of the EAEU member states in 2012–2018. The factors of growth of mutual trade between the EAEU countries, the barriers, exceptions and limitations. Conclusions, suggestions and recommendations are formulated to remove existing obstacles and increase mutual trade in the EAEU countries.

Keywords: EAEU, member States, Customs Union, integration effects, common market of goods, volumes of mutual trade, share, barriers, exemptions, restrictions.

Абрамов Валерий Леонидович

*Д.э.н., профессор, г.н.с., Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации (Москва)
valabr@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена оценке интеграционных эффектов во взаимной торговле государств-членов ЕАЭС. Проведены анализ и оценка объемов взаимной торговли товарами государств-членов ЕАЭС в 2012–2018 гг. Выявлены факторы роста объемов взаимной торговли стран ЕАЭС, существующие барьеры, изъятия и ограничения. Сформулированы выводы, предложения и рекомендации для устранения имеющихся препятствий и наращивания объемов взаимной торговли стран ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, государства — члены, Таможенный союз, интеграционные эффекты, общий рынок товаров, объемы взаимной торговли, удельный вес, барьеры, изъятия, ограничения.

За период с начала реализации евразийского интеграционного проекта решена существенная часть задач, содержащихся в Договоре о создании ЕАЭС [1]. Значимым событием стало подписание государствами-членами ЕАЭС Договора о Таможенном кодексе ЕАЭС в г. Москве 11 апреля 2017 г., позволившее укрепить правовую основу для единого таможенного регулирования в ЕАЭС, что открывает новые возможности для развития общего рынка товаров Союза.

Благодаря совместным усилиями союзных стран и наднациональных органов проделан большой объем работы и достигнуты значительные успехи: действуют таможенный союз и единый таможенный тариф; формируются общий рынок труда и общий рынок услуг, принимаются новые технические регламенты, Страны ЕАЭС продолжают прилагать усилия для реализации основных направлений экономического развития Союза (далее — ОНЭР) [2].

К числу важнейших показателей, характеризующих эффективность интеграционных процессов относятся показатели объемов внешней торговли товарами, дина-

мика которых представлена в таблице 1. Представленные данные дают основания для следующей оценки тенденций развития взаимной торговли стран ЕАЭС.

Начиная с 2013 г., взаимная торговля между странами ЕАЭС характеризовалась отрицательными показателями (таблица 1). Наиболее сложная ситуация была зафиксирована по итогам 2016 г., когда объем взаимной торговли сократился до 42,5 млрд. долл. [3–5]. В 2017 г. спад взаимной торговли сменился ростом за счет:

- ♦ ценовых факторов и факторов валового спроса, включая изменение мировых цен на нефть и другое сырье, что в значительной мере определяет динамику цен на товары на рынках ЕАЭС и характер развития взаимной торговли между ними;
- ♦ стабилизации макроэкономической ситуации в странах ЕАЭС;
- ♦ повышения устойчивости национальных валют (включая постепенное увеличение доли национальных валют в расчетах по взаимной торговле);

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Таблица 1. Динамика объемов взаимной торговли товарами государств-членов ЕАЭС в 2012–2018 гг., млн. долл.

Государства-участники	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019**
ЕАЭС, всего*	67856	64520	61183	45605	42536	54711	59721	28046
Армения	–	–	324,0	256,2	392,1	571,1	689,0	322
Беларусь	17116	17708	16179	11007	11255	13651	13891	6900
Казахстан	6229	5933	7155	5120	3917	5262	5892	2900
Кыргызстан	–	–	637,6	399,8	417,5	541,5	568,4	257,0
Россия	44511	40878	36887	28821	26554	34685	38679	17667

*Объем экспортных операций во взаимной торговле товарами.

**Данные за январь–июнь 2019 г.

Источник: Аналитический обзор «Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза» за 2012—2018 гг. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stattradestat/analytics/Documents. Дата обращения: 02.09.2019.

- ♦ постепенного изменения товарной структуры взаимной торговли и увеличения доли несырьевого экспорта, что было признано одним из основных ориентиров макроэкономической политики стран ЕАЭС на 2017–2018 гг.;
- ♦ сокращения торговли товарами из третьих стран и повышения интенсивности взаимной торговли.

В настоящее время объем взаимной торговли товарами стран ЕАЭС характеризуется положительной динамикой, увеличившись с 45,6 млрд. долл. в 2015 г. до 59,7 млрд. долл. в 2018 г. и 28,0 млрд. долл. за январь–июнь 2019 г. [6] Однако эти показатели ниже уровня, достигнутого в 2012–2014 гг., в том числе вследствие замедления глобального экономического роста, а также напряженности в международных торговых отношениях (таблица 1).

Важнейшим показателем, который позволяет оценить эффективность интеграционных процессов в ЕАЭС, является удельный вес взаимной торговли в общем объеме внешней торговли стран ЕАЭС. В 2018 г. он составил 13,5% в 2018 г. Данный показатель соответствует уровню в 13,6% в 2015 г. достигнутому в 2015 г. Следует отметить, что данный показатель ниже уровней, которые зафиксированы в предыдущие годы, в том числе и за счет присоединившихся стран с малой экономикой — Армении и Кыргызстана (14,6% в 2017 г, 14,4% в 2016 г.). Однако, если вести отсчет с 2012 г., — следует отметить позитивную динамику, хоть и весьма незначительную (12,3% в 2014 г., 12,1% в 2013 г., 12,1% в 2012 г.) [6]. Некоторые исследователи отмечают данные эффекты как весьма незначительные, исходя из того, что в практике других региональных объединений взаимная торговля достигает значительно более высоких показателей, например, в ЕС-65%, в НАФТА-40%, в АСЕАН-25%. По мнению большинства исследователей проблем региональной экономической интеграции, для

обеспечения долгосрочной устойчивости интеграционного объединения доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли должна составлять не менее 25%. [7]

Проведенный анализ показывает, что интеграционные эффекты в ЕАЭС нельзя отнести к числу впечатляющих даже с учетом временных факторов.

Отчасти это связано с исчерпанием эффекта снятия таможенных и административных барьеров к 2015 г.

На сегодняшнем этапе евразийской интеграции важнейшее значение приобретает устранению барьеров, ограничений в экономическом сотрудничестве, направленных на расширение и углубление партнерских связей участников внешнеэкономической деятельности государств ЕАЭС. Как отмечалось, в целом в Союзе обеспечивается свободное передвижение товаров, однако из существующего режима сохраняется ряд исключений, связанных с условиями присоединения стран союза к ВТО. В частности, «товары, выпущенные в свободное обращение в Республике Армения или Кыргызской Республике по более низким ставкам ввозных таможенных пошлин по сравнению со ставками ЕТТ ЕАЭС могут свободно обращаться при условии доплаты до сумм пошлин, исчисленным по ставкам ЕТТ ЕАЭС»¹. «Товары, выпущенные в свободное обращение в Республике Казахстан, который присоединился к ВТО совсем недавно с применением более низких ставок ввозных таможенных пошлин по сравнению с ЕТТ ЕАЭС, также могут использоваться только в пределах Республики Казахстан»². Имеются также отдельные категории товаров в случаях, предусмотренных статьей 29 Договора о Союзе.

¹ Действует в течение переходного периода.

² Применяется в связи с вступлением Республики Казахстан в ВТО.

Таблица 2. Изъятия в отношении предоставления национального режима, сохраняемые в индивидуальных национальных перечнях ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий государств — членов ЕАЭС.

Государство-член ЕАЭС	Количество изъятий
Республика Армения	9
Республика Беларусь	28
Республика Казахстан	30
Кыргызская Республика	13
Российская Федерация	38

Источник: составлено автором на основе Решения ВЕЭС от 23 декабря 2014 г. № 112.

Таблица 3. Перечень сохраняемых государствами-членами ЕАЭС «горизонтальных» ограничений в отношении всех секторов и видов деятельности

Государство-член ЕАЭС	Количество «горизонтальных» ограничений
Республика Армения	4
Республика Беларусь	8
Республика Казахстан	11
Кыргызская Республика	12
Российская Федерация	12

Источник: составлено автором на основе Приложения № 2 к Протоколу о торговле услугами, учреждения, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение № 16 к Договору о Союзе).

При этом государства-члены в соответствии с Договором о Союзе закрепили для себя изъятия [8] и сохраняемые «горизонтальные» ограничения в отношении всех секторов и видов деятельности [9] (таблицы 2, 3).

При этом окончательно не урегулированы вопросы обращения опасных отходов, алкогольной продукции, драгоценных металлов и камней, а также перемещения товаров, в отношении которых одним из государств-членов применяются специальные экономические меры, по территории других государств — членов («санкционных» товаров)¹.

В работе по устранению препятствий на внутреннем рынке Союза заложена методологическая и практическая база для обеспечения функционирования внутреннего рынка без барьеров, изъятий и ограничений, в том числе впервые в праве Союза определены понятия «барьер», «изъятие» и «ограничение». Понятия, используемые в Методологии, означают следующее:

- ♦ «барьеры» — препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза, не соответствующие праву Союза;

- ♦ «изъятия» — предусмотренные правом Союза исключения (отступления) в части неприменения государством-членом общих правил функционирования внутреннего рынка Союза;
- ♦ «ограничения» — препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза, возникшие вследствие отсутствия правового регулирования экономических отношений, развитие которых предусмотрено правом Союза. [10]

В Союзе работа по обеспечению функционирования внутренних рынков без барьеров, изъятий и ограничений ведется на постоянной основе Департаментом по внутренним рынкам, информатизации, информационно-коммуникационным технологиям. Продуктивно функционирует Консультативный комитет по функционированию внутренних рынков — за указанный период состоялось 3 заседания, было рассмотрено 12 наиболее чувствительных препятствий в сфере закупок, финансового рынка, налогообложения, технического регулирования, трудовой миграции и по иным вопросам. Значительные усилия наднациональных органов ЕАЭС совместно с государствами-членами в настоящее время направлены в первую очередь на устранение барьеров. В результате проводимой в течение 2017—2018 гг. работы устранено 16 барьеров. [11] Следует

¹ Соответствующее соглашение разрабатывается с 2013 г. В соответствии с Распоряжением Совета Комиссии от 13 января 2017 г. № 4 во всех государствах-членах проведены внутригосударственные процедуры (ВГП).

отметить, что государства-члены не стремятся признавать препятствия, они защищают свои национальные интересы без учета интересов Союза. При этом существующий порядок не дает Комиссии возможности самостоятельно включать препятствия в реестр препятствий, что, по сути, не дает правовых оснований для проведения работы с большей частью препятствий.

Сведения о функционировании внутреннего рынка Союза, о проводимой Комиссией работе по указанному направлению содержатся на информационном портале «Функционирование внутренних рынков ЕАЭС» (<https://barriers.eaunion.org>), который позволяет физическим и юридическим лицам в режиме реального времени сообщить об имеющемся препятствии.

В настоящее время на портале отмечается наличие 71 препятствия, в том числе 19 барьеров, 143 — изъятий, 38 — ограничений. Имеющиеся препятствия распределяются по государствам — членам следующим образом: Армения — 46, Беларусь — 47, Казахстан — 51, Киргизия — 46, Россия — 55 препятствий. Информационный портал «Функционирование внутренних рынков Союза» способствует системной работе по выявлению препятствий: всего поступило 112 обращений, с 2018 года доступ к интерактивному реестру препятствий и «дорожной карте» в режиме он-лайн предоставлен широкому кругу лиц.

Системность работе по устранению изъятий и ограничений придало утверждение плана мероприятий («дорожной карты») по устранению изъятий и ограничений на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на 2018—2019 годы (далее — «дорожная карта»), которым предусмотрено проведение 35 мероприятий в отношении 2 изъятий и 15 ограничений. [12]

Технические барьеры во взаимной торговле между государствами-членами регулируются техническим регулированием. «В рамках Союза принято 46 технических регламентов, из них 40 — действующие. Около 85% продукции, включенной в единый перечень [13], охвачено единым техническим регулированием, но страны Союза не обеспечивают их выполнения в установленные сро-

ки, не регламентирована ответственность за несоблюдение технических регламентов Союза.

Такая ситуация сложилась в том числе потому, что у Комиссии отсутствуют полномочия по воздействию на государства-члены в случае невыполнения ими решений органов Союза. [14]

Выводы. Проведенный анализ свидетельствует, что несмотря на регулярную работу по устранению как системных барьеров на внутреннем рынке ЕАЭС, так и вновь возникающих, барьеры присутствуют на внутреннем рынке Союза, в том числе потому, что на практике существуют факты неисполнения государствами-членами актов Комиссии.

По оценкам ЕЭК, выполнение задачи по сокращению изъятий и ограничений в настоящее время находится лишь на подготовительном этапе и предполагается к завершению к 2025 году.

Предложения по устранению барьеров, ограничений в экономическом сотрудничестве ЕАЭС состоят в следующем:

- ◆ совершенствование механизма работы с препятствиями, в том числе рассмотрение вопроса о включении препятствий в Реестр препятствий без согласования со всеми государствами-членами;
- ◆ проработка вопроса о механизмах воздействия на государства-члены в случае невыполнения ими актов органов Союза и по привлечению к ответственности государства-члена при повторном установлении барьера;
- ◆ утверждение «Дорожных карт», которые будут отражать готовность государств-членов минимизировать имеющиеся изъятия и ограничения, устанавливать мероприятия и определять сроки для достижения поставленных целей;
- ◆ формирования программ по разработке межгосударственных стандартов к техническим регламентам Союза, с определением механизма общей координации работ по планированию и финансированию разработки межгосударственных стандартов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г.
2. Основные направления экономического развития Евразийского экономического союза (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28).
3. Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами — членами Евразийского экономического союза в 2015—2016 годах». Утвержден Распоряжением Евразийского межправительственного совета от 07.03.2017 № 1.
4. Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами — членами Евразийского экономического союза в 2017 году». Утвержден Распоряжением Евразийского межправительственного совета от 02.02.2018 № 3.

5. Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами — членами Евразийского экономического союза в 2018 году». Утвержден Распоряжением Евразийского межправительственного совета от 01.02.2019 № 1.
6. Аналитический обзор «Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза» за 2012–2018 гг. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents. (Дата обращения: 1.09.2019.)
7. Абрамов В. Л. Макроэкономическая устойчивость национальных экономик государств-членов ЕАЭС в контексте формирования их конкурентных преимуществ // Вестник университета Туран. Алматы. 2017. № 4 (76). — С. 9.
8. Решение ВЕЭС от 23 декабря 2014 г. № 112.
9. Приложение № 2 к Протоколу о торговле услугами, учреждения, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение № 16 к Договору о Союзе).
10. Методология разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения утверждена Решением Коллегии ЕЭК от 14 ноября 2017 г. № 152.
11. Доклад «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза» — «Белая книга» препятствий Евразийского экономического союза. ЕЭК. Москва. 2017 г.
12. Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 25 октября 2017 г. № 17.
13. Единый перечень продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Таможенного союза, утвержден решением КТС от 28.01.2011 № 526.
14. Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия, 2018 год. Москва. Официальный сайт. Электронный ресурс. URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (Дата обращения 25.08.2019 г.)

© Абрамов Валерий Леонидович (valabr@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ ОБЩЕГО ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

THE COMMON ELECTRICITY MARKET OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: RESEARCH OF APPROACH FORMATIONS

**B. Fain
S. Repetyuk**

Summary. The formation problems of the common electricity market for the Eurasian economic Union (EAEU) are considered. The specificity of integration processes in the energy sector in the framework of Eurasian integration is analyzed. Based on a world experience study, typical models of electricity markets interstate integration are identified. The formation assessment of The EAEU's common electricity market design alternatives is given. Approaches to the formation of the EAEU's common electricity market optimal model are proposed.

Keywords: The Eurasian economic union, integration, common electricity market, wholesale market, trade management, regulation, tariffs, pricing, electric power industry, electric power.

Файн Борис Ильич

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, (г. Москва)
fayn-bi@ranepa.ru*

Репетюк Сергей Вячеславович

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, (г. Москва)
repetyuk-sv@ranepa.ru*

Аннотация. Рассмотрены проблемы, связанные с формированием общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Проанализирована специфика интеграционных процессов в энергетической сфере в рамках евразийской интеграции. На основе исследования мирового опыта выявлены типовые модели межгосударственной интеграции электроэнергетических рынков. Дана оценка возможных альтернатив рыночных конструкций, которые могут быть использованы при формировании общего электроэнергетического рынка ЕАЭС. Предложены подходы к формированию оптимальной модели общего электроэнергетического рынка ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеграция, общий электроэнергетический рынок, оптовый рынок, организация торговли, регулирование, тарифы, ценообразование, электроэнергетика, электроэнергия.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) учрежден в 2014 г. с целью создания условий для развития и повышения конкурентоспособности национальных экономик, формирования единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. Государствами — членами ЕАЭС являются Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения и Киргизская Республика. В рамках ЕАЭС осуществляется создание единого экономического пространства и гармонизация законодательной базы. Важнейшим направлением развития интеграционного сотрудничества между государствами — членами ЕАЭС является проведение согласованной энергетической политики и создание общих энергетических рынков (электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов). Первоочередным проектом по развитию межгосударственной интеграции в энергетической сфере является поэтапное формирование общего электроэнергетического рынка государств — членов ЕАЭС, что предусмотрено статьей 81 «Договора о Евразийском экономическом союзе».

Вопрос о целесообразности интеграции электроэнергетических рынков на постсоветском пространстве

рассматривался и обсуждался в течение многих лет. Единая энергетическая система СССР изначально проектировалась и развивалась как единый технологический комплекс, а ее разделение на отдельные энергосистемы независимых государств привело к утрате системных эффектов, достижение которых обеспечивалось за счет оптимизации режимов работы в условиях параллельного функционирования энергосистем и единого оперативно-диспетчерского управления. Попытки создания общего электроэнергетического рынка предпринимались в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) и Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), однако не увенчались успехом ввиду расхождений в позициях потенциальных участников объединения и фактической невозможности эффективного функционирования общего электроэнергетического рынка при отсутствии полноценного экономического и таможенного союза между государствами.

Новый импульс интеграция электроэнергетического сектора на постсоветском пространстве получила с созданием пятью государствами в 2014 г. Евразийского экономического союза. В 2015–2016 гг. Высшим евразий-

ским экономическим советом были утверждены Концепция и Программа формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, определяющие цели и принципы формирования рынка, последовательность реализации комплекса мероприятий по его созданию. В мае 2019 г. главами государств — членов ЕАЭС подписан Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе (в части формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза) (далее — Протокол). Протокол имеет статус международного договора и определяет правовые основы и принципы формирования, функционирования и развития общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, устанавливает сферы, которые будут урегулированы правилами функционирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС.

Следует отметить, что принятые к настоящему времени межгосударственные документы в отношении формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС являются в значительной степени рамочными. На их основе должны быть разработаны и утверждены дополнительные нормативные акты (правила и регламенты проведения торговли на общем электроэнергетическом рынке, правила доступа к межгосударственной передаче и распределения пропускной способности электрических сетей, порядок и процедуры предоставления и обмена информацией между субъектами рынка и государственными органами и др.), которыми будут более детально регламентированы особенности организации и функционирования рынка. В рамках данной статьи исследованы возможные подходы к конкретизации модели формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, которые целесообразно учесть при подготовке соответствующих документов.

Мировой опыт формирования общих электроэнергетических рынков показывает, что возможен достаточно широкий спектр вариантов организации подобных объединений. Межгосударственные интеграционные процессы в электроэнергетике начали активно развиваться после проведенной во многих регионах мира в 1990-х годах либерализации электроэнергетической отрасли, сопровождавшейся разделением вертикально-интегрированных энергетических компаний и допуском на рынок частного капитала, что сделало возможным открытие рынков, в т.ч. и для внешней конкуренции. В результате стали появляться необходимые условия и возможности для заключения сделок между поставщиками и покупателями электроэнергии вне зависимости от их государственной принадлежности при условии наличия соответствующей технологической инфраструктуры. Можно выделить две принципиальные модели объединения национальных рынков электрической энергии. Первая модель предполагает создание единого рынка

за счет поэтапного объединения национальных рынков. По данному пути идет интеграция электроэнергетических рынков стран Европейского союза (ЕС) [1]. В настоящее время электроэнергетический рынок стран ЕС представляет собой совокупность 7 соединенных между собой региональных энергетических рынков, каждый из которых объединяет национальные электроэнергетические рынки ряда государств [2]. Интеграция при использовании данной модели осуществляется за счет постепенной стандартизации структуры рынков, механизмов регулирования и правил торговли с последовательным слиянием объединяемых рынков. Вторая модель, наиболее известным примером реализации которой является общий электроэнергетический рынок стран Центральной Америки, предусматривает, наряду с сохранением в неизменном виде внутренних (национальных) электроэнергетических рынков, организацию дополнительной торговой площадки, на которой осуществляется межгосударственная торговля электрической энергией сверх объемов, реализованных на национальных рынках [3].

Согласованная модель формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза соответствует второй рассмотренной выше модели рынка и предполагает дополнительное создание одной или нескольких торговых площадок для осуществления торговли электроэнергией на общем электроэнергетическом рынке при продолжении функционирования в неизменном виде внутренних электроэнергетических рынков государств Союза. Такая конструкция представляется оптимальной с учетом того, что национальные электроэнергетические рынки в странах ЕАЭС существенно различаются между собой по моделям и правилам их функционирования, имеют разную структуру и степень либерализации. Рыночные конструкции, коммерческая инфраструктура и механизмы торговли электрической энергией в государствах Евразийского экономического союза достаточно разнообразны, несмотря на то, что технологическая инфраструктура данных рынков развивалась на базе общей инфраструктуры Единой энергосистемы СССР. Так, в России и в Казахстане функционируют конкурентные оптовый и розничные рынки электроэнергии, созданию которых предшествовала либерализация отрасли с разделением вертикально — интегрированных энергокомпаний по видам деятельности, приватизацией конкурентных сегментов при сохранении естественно-монопольных сегментов в государственной собственности. В Белоруссии сохранен полный государственный контроль над электроэнергетикой в рамках единой вертикально-интегрированной компании, находящейся в государственной собственности, осуществляется государственное регулирование всех видов тарифов на электрическую энергию. В Армении на электроэнергетическом рынке

сформирована модель единого закупщика электроэнергии, сохранено государственное регулирование тарифов, при этом осуществлена приватизация отрасли. В Киргизии основные энергетические компании объединены в единый холдинг, конкурентный оптовый рынок электроэнергии отсутствует, торговля осуществляется по двухсторонним договорам [4].

При этом, по мнению авторов, государства — члены ЕАЭС в обозримой перспективе не готовы к серьезному изменению архитектуры своих национальных рынков электрической энергии с приведением их к единой модели. Это подчеркивает целесообразность использования на текущем этапе интеграции модели, предусматривающей организацию общего рынка электрической энергии как дополнительной площадки с сохранением существующих национальных рынков.

Подписанным главами государств Протоколом определено, что формирование рынка будет происходить поэтапно. До начала функционирования в рамках ЕАЭС общего рынка газа (ориентировочно в 2025 году) в работе общего электроэнергетического рынка будет участвовать ограниченное количество субъектов рынка. Каждым из государств будут определены участники рынка (либо один участник), представляющие на рынке соответствующее государство. После начала функционирования общего рынка газа доступ на общий электроэнергетический рынок на добровольной основе сможет получить каждый из участников внутренних электроэнергетических рынков. Такой подход, на принятии которого настаивала Белоруссия [5], связан с тем, что до начала функционирования общего рынка газа потенциальные ключевые поставщики электроэнергии на общий рынок (владельцы объектов газовой генерации), изначально будут находиться в неравных конкурентных условиях в силу различий в стоимости природного газа на внутреннем рынке в России и в других государствах ЕАЭС. Каких-либо ограничений в отношении количества уполномоченных участников общего электроэнергетического рынка от каждой страны (в период до начала функционирования общего рынка газа) принятыми межгосударственными актами не предусматривается. В Российской Федерации в настоящее время единственным оператором экспорта-импорта электрической энергии является ПАО «Интер РАО ЕЭС». Можно предположить, что указанная компания будет назначена уполномоченным участником общего электроэнергетического рынка ЕАЭС от Российской Федерации. При этом, по мнению авторов, для эффективной отработки механизмов проведения торгов на общем электроэнергетическом рынке, целесообразно назначение от каждой страны ЕАЭС не одной, а нескольких уполномоченных организаций — участников общего электроэнергетического рынка (по крайней мере от тех стран, в которых

функционируют национальные конкурентные рынки электрической энергии). Указанные уполномоченные участники общего электроэнергетического рынка, помимо операторов экспорта-импорта, могут представлять различные категории участников рынка (генерирующие компании, сбытовые компании, крупных потребителей).

В качестве товара на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС будет выступать электрическая энергия, торговля мощностью в рамках данного рынка не предполагается. Программными документами предусматривается, что торговля электрической энергией на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС будет осуществляться тремя способами:

- ◆ заключение свободных двухсторонних договоров;
- ◆ централизованная торговля с использованием электронной системы торговли (конкретные виды торговли протоколом не установлены и должны быть определены правилами взаимной торговли; торговля на сутки вперед предусматривается при условии ее экономической целесообразности);
- ◆ урегулирование почасовых отклонений между фактом и планам (аналог балансирующего рынка).

Конкретизация модели осуществления торговли на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС должна, по мнению авторов, осуществляться с учетом того факта, что в настоящее время в странах ЕАЭС, имеющих развитый рынок электрической энергии (Россия и Казахстан), механизмы торгов электрической энергией достаточно серьезно различаются. Так, в России основными сегментами рынка электрической энергии и мощности являются рынок регулируемых договоров, рынок свободных договоров, рынок на сутки вперед, балансирующий рынок, рынок мощности (конкурентный отбор мощности, свободные договора на покупку/продажу мощности, договора о предоставлении мощности (ДПМ), покупка/продажа мощности вынужденной генерации, покупка/продажа мощности по регулируемым договорам о предоставлении мощности квалифицированной генерации на основе возобновляемых источников энергии (ДПМ ВИЭ)). На российский оптовый рынок электроэнергии и мощности в обязательном порядке поставляется электроэнергия, выработанная электростанциями с установленной мощностью свыше 25 МВт. В то же время в Республике Казахстан оптовый рынок электроэнергии включает рынок двухсторонних договоров, централизованную торговлю (рынок на сутки вперед, а также среднесрочные долгосрочные форвардные контракты), балансирующий рынок. При этом, если в России основной объем оптовой торговли электрической энергией приходится на рынок на сутки вперед, то в Казахстане доля

данного сегмента в общем объеме торговли незначительна, а наибольшая доля (более 99% в общем объеме централизованной торговли) приходится на централизованную торговлю на среднесрочный и долгосрочный период [6]. Региональная генерация Казахстана осуществляет поставки электроэнергии преимущественно по двухсторонним договорам, не участвуя в конкуренции в рамках централизованной торговли. С учетом вышеизложенных особенностей рынков, представляется оптимальной организация на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС 3-х торговых площадок — площадка для заключения свободных двухсторонних договоров на долгосрочный период, площадка для организации централизованной торговли на сутки вперед, площадка для осуществления торговли по урегулированию отклонений (балансирующий рынок).

Протоколом предусмотрено, что услуги по организации электронной торговли на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС будут предоставляться оператором (операторами) централизованной торговли, которые будут определены Советом Евразийской экономической комиссии. Таким образом, количество и состав операторов централизованной торговли на данный момент не определены. По мнению авторов, с учетом того, что на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС торговля электрической энергией будет осуществляться различными способами, целесообразно, чтобы организация торговли осуществлялась несколькими операторами, каждый из которых будет ответственен за организацию торговли одним из способов. В частности, такими операторами могут стать организации, имеющие длительный опыт организации национальных оптовых рынков электрической энергии (мощности) в Российской Федерации и в Республике Казахстан — акционерное общество «Администратор торговой системы оптового рынка электроэнергии» (АО «АТС») и «Казахстанский оператор рынка электрической энергии и мощности» (АО «КОРЭМ»), в рамках которых могут быть созданы подразделения по организации торговли электрической энергией на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС. Кроме того, в качестве организаторов торговли в различных сегментах общего электроэнергетического рынка ЕАЭС могут быть рассмотрены крупные товарные биржи и иные организации, имеющие или способные создать необходимую рыночную инфраструктуру для организации торговли электрической энергией на отдельных торговых площадках формируемого общего электроэнергетического рынка ЕАЭС.

При разработке правил проведения торговли на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС также должен быть решен вопрос о последовательности (очередности) проведения торгов в рамках централизованной торговли (на сутки вперед) на внутренних (национальных)

электроэнергетических рынках тех стран, где такие торги проводятся (в настоящее время Россия и Казахстан), и на общем электроэнергетическом рынке Союза. Возможна модель, при которой проведение торгов на общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС будет осуществляться после завершения торгов на соответствующий период на внутренних электроэнергетических рынках государств, так и модель, при которой проведение торгов на общем электроэнергетическом рынке предшествует проведению торгов на национальных рынках. При выборе первого варианта на общем рынке будет реализовываться электрическая энергия, не нашедшая спроса на внутреннем рынке электроэнергии, т.е. будет осуществляться торговля излишками. Реализация второго варианта модели торговли предполагает, что торговля на общем электроэнергетическом рынке на ЕАЭС будет предшествовать проведению торгов на внутренних электроэнергетических рынках государств на соответствующий период. В этом случае до начала торгов на внутренних рынках, поставщики и покупатели электрической энергии в дополнение к заключенным на данный момент двухсторонним срочным контрактам получат возможность заключить сделку по купле-продаже электрической энергии по цене, которая рассматривается ими как экономически выгодная, до момента начала торгов на сутки вперед на внутренних электроэнергетических рынках соответствующих государств. По мнению авторов, с учетом особенностей планируемой конфигурации рынка более предпочтительным является второй вариант. В этом случае торговля электрической энергией на внутренних спотовых рынках (объемы которой ввиду наличия ограничений по пропускной способности линий электропередач будут существенно превышать объемы торговли на общем рынке) станет замыкающей, при планировании участия в которой участник рынка будет обладать окончательными данными о законтрактованных объемах покупки (продажи) электроэнергии как по двухсторонним договорам (как на внутреннем, так и на общем электроэнергетических рынках), так и по результатам централизованных торгов на общем электроэнергетическом рынке.

Протоколом не предусмотрено создание каких-либо наднациональных органов по управлению и регулированию электроэнергетического рынка. Предполагается, что регулирование, в т.ч. ценовое регулирование инфраструктурных организаций оптового (к числу которых относятся системные операторы, сетевые операторы, оператор (операторы) централизованной торговли) будет осуществляться национальными регулирующими органами, в юрисдикции которых находятся соответствующие субъекты рынка. Такая система регулирования, по мнению авторов, потенциально может привести к конфликтным и спорным ситуациям, в частности, при возникновении у участников рынка, представляющих

государства ЕАЭС вне юрисдикции которых находятся соответствующие инфраструктурные организации, сомнений в отношении экономической обоснованности уровня цен (тарифов) на услуги данных инфраструктурных организаций общего электроэнергетического рынка. Представляется целесообразным на последующих этапах развития общего электроэнергетического рынка ЕАЭС рассмотреть вопрос создания наднационального органа регулирования в рамках ЕАЭС, в компетенции которого будет находиться регулирование субъектов естественных монополий в части оказания ими услуг участникам общего электроэнергетического рынка, а также развития межгосударственной электроэнергетической инфраструктуры.

Также, по мнению авторов, важным вопросом, связанным с развитием общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, является устранение диспропорций и искажений справедливых рыночных цен, связанных с особенностями национальных рынков, которые неизбежно будут препятствовать эффективной конкуренции на общем электроэнергетическом рынке. Так, в Российской Федерации структура цены на оптовом рынке формируется с учетом различных нерыночных надбавок, в т.ч. связанных с поддержкой ввода новых мощностей, субсидированием потребителей в удаленных регионах

и определенных технологий генерации. Наличие гарантированной платы за мощность в рамках договоров поставки мощности не дает производителям электроэнергии стимулов к увеличению загрузки оборудования, в т.ч. за счет выхода на общий электроэнергетический рынок. Указанные факторы могут создать значительные препятствия для достижения ключевой цели создания общего рынка электрической энергии ЕАЭС, заключающейся в минимизации цен на электроэнергию для потребителей за счет развития конкуренции на рынке электроэнергии на евразийском пространстве). Конструкции национальных рынков государств — членов ЕАЭС и действующие на них системы регулирования должны быть усовершенствованы с учетом формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС.

В целом, по мнению авторов, формирование общего электроэнергетического рынка государств — членов ЕАЭС позволит повысить эффективность функционирования энергосистем в странах — членах Союза и обеспечить экономический эффект, в т.ч. в виде сдерживания роста тарифов на электрическую энергию для потребителей. Однако, для достижения необходимого эффекта, необходима детальная проработка правил и регламентов функционирования рынка и построение эффективной системы его регулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филиппова А. В. Использование опыта международной интеграции в мировой электроэнергетике в евразийском экономическом союзе: дисл. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Филиппова Алина Валерьевна. — М., 2018. — 207 с.
2. Туменов А. Об опыте интеграции рынков электроэнергии Европы // Энергетика. — Астана, 2013. — № 1 (48) — с. 16–19.
3. Central American Electric Interconnection System (SIEPAC) Transmission & Trading Case Study. Economic Consulting Associates Limited. 2010. — URL: http://www.esmap.org/sites/esmap.org/files/BN004-10_REISP-CD_Central%20American%20Electric%20Interconnection%20System-Transmision%20&%20Trading.pdf (дата обращения: 05.08.2019)].
4. Трегубова Е. А., Файн Б. И. Вопросы формирования общего электроэнергетического рынка государств ЕАЭС. / Социально-экономические и правовые системы стран евразийской экономической интеграции: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Россия, Омск, 1 марта 2019 г.) / НОУ ВПО «СИБИТ» [и др.] / Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019
5. Минску газ важнее электричества. Газета «Коммерсантъ» № 43 от 13.03.2015, стр. 7. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2685286> (дата обращения: 05.08.2019)]
6. Анализ рынка электроэнергии Казахстана 2017. Samruk Energy, 2018 г. URL: <https://energy.media/wp-content/uploads/2018/02/analiz-rynka-elektroenergii-kazahstana-za-2017.pdf> (дата обращения: 05.08.2019)]

© Файн Борис Ильич (fayn-bi@ranepa.ru), Репетюк Сергей Вячеславович (repetyuk-sv@ranepa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ОСНОВА ПУБЛИЧНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

PROGRAM DOCUMENTS AS THE BASIS OF PUBLIC ADMINISTRATION OF LAND RELATIONS IN RUSSIA

E. Ablyakimova

Summary. This article considers the norms of the strategic planning documents of the Russia on the areas of public administration of land relations. The classification of these documents into general and special is proposed, their qualitative elaboration is noted. In order to improve the implementation of their provisions in practice, it is proposed to study the foreign experience of public administration of land relations, taking into account the norms of the international agreements, the observance with the environmental imperative and the increasing legal liability measures for officials whose powers include the matters of the regulation of land relations.

Keywords: land relations, land resources, public administration, strategic planning, legal responsibility.

Аблякимова Эльвина Эрнесовна

К.ю.н., старший преподаватель, Крымский филиал ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия»
6661931@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены нормы документов стратегического планирования России, посвященные направлениям публичного администрирования земельных отношений. Предлагается классификация этих документов на общие и специальные, отмечается их качественная проработанность. С целью усовершенствования внедрения их положений в практику предлагается изучение зарубежного опыта публичного администрирования земельных отношений, учет норм международных соглашений, соблюдение экологического императива и повышение мер юридической ответственности для должностных лиц, к полномочиям которых отнесены вопросы регулирования земельных отношений.

Ключевые слова: земельные отношения, земельные ресурсы, публичное администрирование, стратегическое планирование, юридическая ответственность.

Введение и новизна

Земельные отношения, складывающиеся в любом современном развитом государстве, всегда имеют характер стратегических. Это вызвано тем, что земля и связанные с ней другие виды природных ресурсов, ограничены территорией, очерченной государственной границей. И в этом смысле земельные ресурсы лимитированы и отношения, связанные с ними, имеют для стран определяющее, жизнеобеспечительное значение. Россия в этом смысле не исключение. И хотя земельные ресурсы нашего государства поистине огромны, их охрана, защита и рациональное использование — одна из важнейших задач современности, а публичное управление (или администрирование) земельными отношениями должно отвечать интересам нынешнего и будущего поколений.

Неслучайно в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 [10], особо отмечается, что практически во всех регионах нашей страны сохраняется тенденция к ухудшению состояния земель и почв, а в перечне основных негативных процессов, пагубно влияющих на землю, указываются: водная и ветровая эрозия, заболачивание, подтопление земель, переувлажнение, засоление и осолонцевание почв, невыполнение рекультивационных мероприятий. Общая площадь загрязненных земель, находящихся

в обороте, составляет около 75 млн. га, а нарушенных земель, утративших свою хозяйственную ценность или оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, — более 1 млн. га. Опустынивание земель в той или иной мере наблюдается в 27 субъектах РФ на территории площадью более 100 млн. га (п. 9). Поэтому земля, как важнейший ресурс, и вопросы, связанные с публичным администрированием земельных отношений, основными направлениями государственной политики в сфере их охраны и использования, упоминаются в федеральных документах долгосрочного стратегического планирования, региональных программах развития, определяющих векторы развития самых разных сфер жизни современной России, так или иначе связанных с земельными ресурсами. Кроме того, земельным отношениям посвящены специальные программы государственной политики использования и охраны земельного фонда нашей страны.

Методика исследований

Всевозможные аспекты государственного и муниципального управления земельными отношениями достаточно часто рассматриваются в отечественной научной периодике (В. В. Безпалов, Е. Е. Киреева, П. В. Кухтин, Е. Ю. Чмыхало), учебных (А. П. Анисимов, Н. И. Бухтояров, Б. Е. Князев, К. В. Струков, С. А. Щеглова, Л. В. Четверикова) и научных (В. И. Нечаев, Г. Н. Барсукова, С. М. Резниченко,

Н.М. Радчевский) изданиях. Однако анализ программных документов в аспекте регулирования ими вопросов публичного администрирования таких отношений в них практически отсутствует, либо носит фрагментарный характер и ограничивается лишь упоминанием, без необходимого теоретического осмысления и прогнозов возможного развития, что и будет целью исследования в данной статье.

Принятые к исследованию программные документы (или документы стратегического планирования), в зависимости от регулирования ими аспектов земельных отношений, следует разделить на две большие категории: общие и специальные. Первая — посвящена решению вопросов национальной, экологической, продовольственной безопасности, развития территорий, где преобладает комплексный подход к регулированию отношений, связанных со всеми видами природных ресурсов страны или региона, а вторая — узкоспециализированная — определяющая направления государственной политики и публичного администрирования именно земельных отношений. Рассмотрим их подробнее.

К числу важнейших программных документов современной России относится Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 [6]. В п. 54 этого документа закрепляется норма о том, что обеспечение продовольственной безопасности осуществляется, в частности, за счет повышения плодородия почв, предотвращения истощения и сокращения площадей сельскохозяйственных земель и пахотных угодий. А в п. 86 указывается о необходимости принятия органами публичного администрирования (органами государственной власти и органами местного самоуправления) мер, направленных, в т.ч. на минимизацию ущерба, причиняемого окружающей среде при разведке и добыче полезных ископаемых; рекультивацию нарушенных земель, развитие системы государственного экологического контроля и надзора, государственного мониторинга земельных ресурсов, обеспечение соблюдения санитарно-эпидемиологических и санитарно-гигиенических стандартов в отношении почв. Доктрина продовольственной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 30.01.2010 г. № 120 [1], в качестве одного из основных направлений политики в этой сфере указывает повышение почвенного плодородия и урожайности, расширение посевов сельскохозяйственных культур за счет неиспользуемых пахотных земель, реконструкцию и строительство мелиоративных систем (п. 13).

В Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года отмечается, что к глобальным вызовам экологической безопасно-

сти (п. 19) относятся, в частности, опустынивание, засуха, деградация земель и почв, а их предотвращение, и сокращение площади земель, нарушенных в результате хозяйственной и иной деятельности признаются одними из главных задач государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности (п.п. 24, 25, 26). При этом, в качестве механизма реализации государственной политики в указанной сфере определено повышение эффективности экологического надзора, контроля и мониторинга в отношении земельных ресурсов (п. 27). «Экологический блок» программных документов дополняют Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденных Президентом РФ 30.04.2012 г. [4], где отмечается, что стратегической целью государственной политики в области экологического развития является решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. И хотя нормы о земельных отношениях или земельных ресурсах специально в этом документе не выделяются, сфера его регулирования охватывает экологическое развитие всех имеющихся природных ресурсов.

Особый интерес для Крыма, недавно вошедшего в состав России и обладающего уникальным природным наследием и благоприятным для оздоровления климатом, представляют программные документы развития рекреационных зон, в т.ч. и земельных ресурсов, составляющих их неотъемлемую часть. Так, в Стратегии развития санаторно-курортного комплекса, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 26.11.2018 г. № 2581-р [7], указывается, что совершенствование системы государственного регулирования развития санаторно-курортного комплекса РФ требует формирования требований к обеспечению сбалансированной антропогенной нагрузки на земли курортов, создания механизмов стимулирования использования земельных участков, на которых находятся объекты незавершенного строительства, и других неиспользуемых земельных участков, расположенных в границах лечебно-оздоровительных местностей и курортов. А среди мероприятий по повышению инвестиционной привлекательности санаторно-курортного комплекса и развитию его инфраструктуры предусмотрено принятие мер по рациональному регулированию налоговой нагрузки на санаторно-курортные организации на основе кадастровой стоимости земельных участков.

Необходимо отметить, что для комплексного программного регулирования характерен региональный подход, просматривающийся в документах, посвященных стратегическому планированию социально-экономического развития регионов России. В этих документах предусматриваются направления государственной политики по мелиорации земель сельскохозяйственного назначения, использованию свободных, пустующих земельных участков, инвентаризации земельных ресурсов, мониторингу состояния сельскохозяйственных и лесных угодий, оценке площадок для строительства и др. Отмечается необходимость развития рынка сельскохозяйственных угодий, сохранения и повышения плодородия почв, внедрения научно обоснованных систем земледелия и адаптация их к местным почвенно-климатическим условиям, освоение ресурсо- и энергосберегающих технологий, введение в эксплуатацию новых участков мелиорированных земель, увеличение урожайности возделываемых сельскохозяйственных культур.

В Стратегии социально-экономического развития республики Крым до 2030 года, утвержденной Законом Республики Крым от 09.01.2017 г. № 352-ЗРК/2017 [8], отмечается недостаточность мероприятий по рекультивации земель и указывается на наличие значительных площадей земель в нарушенном состоянии (3,9 тыс. га, что составляет 0,2% от всей площади земельного фонда). Признаются отсутствие утвержденных правил землепользования и застройки, схем территориального планирования, генеральных планов; длительные сроки выделения земельных участков под строительство; неурегулированность земельных отношений; отсутствие у значительного количества объектов культурного наследия утвержденных границ территории и режимов использования земель; снижение плодородия почв. Стратегические задачи в этом направлении, как и в других регионах России, — рекультивация нарушенных земель; снятие инфраструктурных ограничений, сдерживающих развитие сельского хозяйства республики; решение проблем водо- и энергообеспечения, развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения; упорядочение взаимоотношений между собственниками земельных долей (паев) и сельскохозяйственными организациями, использующими соответствующие этим долям земельные участки; экологически регламентированное использование земельных ресурсов, повышение плодородия почв; совершенствование оборота сельскохозяйственных земель и повышение экономической эффективности их использования; упорядочение имущественно-земельных отношений; приоритетное оформление земельных участков в собственности Республики Крым, предполагаемых для передачи потенциальным инвесторам; завершение разработки градостроительной документации.

Особое внимание земельным ресурсам уделяется в Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р [9]. В документе отмечается, что устойчивое развитие сельских территорий невозможно без изменения государственной политики в сфере земельных отношений применительно к землям сельскохозяйственного назначения. Тут предусмотрены меры по установлению механизмов защиты сельскохозяйственных земель от выбытия из сельскохозяйственного оборота, совершенствованию их оборота, повышению эффективности планирования использования территорий сельских поселений и межселенных территорий и другие мероприятия.

Базисом этого документа выступают Основы государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012–2020 годы, утвержденные распоряжением Правительства РФ от 3.03.2012 г. № 297-р [5]. Основы формируют фундамент современной государственной политики по управлению земельным фондом в России, определяют основные цели, задачи и направления ее реализации. Раздел III Основ «Основные направления государственной политики по управлению земельным фондом» определяет главные аспекты публичного администрирования земельных отношений. Перечень направлений достаточно велик, и каждое из них дополнительно уточняется и раскрывается в документе. Следует признать, что некоторые из приведенных в Основах направлений государственной политики сегодня уже реализованы, некоторые — нет. Так, первое из перечисленных направлений — исключение из земельного законодательства принципа деления земель по целевому назначению на категории — сегодня прямо закреплен в ст. 1 Земельного кодекса РФ [2] в качестве основного принципа земельного законодательства. А с целью развития государственного мониторинга земель еще в 2010 г. была утверждена Концепция развития государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения и земель, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий, и формирования государственных информационных ресурсов об этих землях на период до 2020 года [3].

Выводы и рекомендации

Таким образом, документы долгосрочного стратегического планирования, принятые и действующие сегодня в России, определяют основные пути реформирования публичного администрирования земельных отношений, вводят новые принципы его осуществления и развития. Качественная проработанность документов свидетельствует о наличии последовательной полити-

ческой воли руководства нашей страны к обновлению государственной политики в отношении земельных ресурсов, к их бережному использованию, защите и сохранению. При этом, системные проблемы земельной сферы все еще предстоит решить и с этой целью, на наш взгляд, эффективным может стать изучение зарубежного опыта публичного администрирования таких отношений, учет норм международных соглашений и незыблемость эко-

логического императива как при обновлении земельного законодательства нашей страны, так и при принятии всех видов управленческих решений в этой области. Кроме того, по нашему убеждению, давно и объективно сложилась необходимость повышения мер юридической ответственности для должностных лиц, к полномочиям которых отнесены вопросы регулирования земельных отношений, надзор, контроль и мониторинг в этой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 30.01.2010 г. № 120 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 5. Ст. 502.
2. Земельный кодекс Российской Федерации, 2001 // Компьютерная справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 14.07.2019).
3. Концепция развития государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения и земель, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий, и формирования государственных информационных ресурсов об этих землях на период до 2020 года, утверждена распоряжением Правительства РФ от 30.07.2010 г. № 1292-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 32. Ст. 4366.
4. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утверждены Президентом РФ 30.04.2012 г. // Официальный интернет-сайт Службы по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/ekologicheskaya-politika/strategicheskie-dokumenty-v-oblasti-okhrany-okruzhayushchey-sredy/federalnye/osnovy-gosudarstvennoy-politiki-v-oblasti-ekologicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii-na-period-/131944/osnovy-gosudarstvennoy-politiki-v-oblasti-ekologicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii-na-period-> (дата обращения: 13.07.2019).
5. Основы государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012–2020 годы, утверждены распоряжением Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 297-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 12. Ст. 1425.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ 31.12.2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1(часть II). Ст. 212.
7. Стратегия развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации, утверждена распоряжением Правительства РФ от 26.11.2018 г. № 2581-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (часть VI). Ст. 7670.
8. Стратегия социально-экономического развития республики Крым до 2030 года, утверждена Законом Республики Крым от 09.01.2017 г. № 352-ЗРК/2017 // Интернет-сайт Крымской ассоциации предпринимателей. URL: <http://www.предпринимателькрыма.рф/wp-content/uploads/2017/02/Закон-0-стратегии-и-социально-экономического-развития-Крыма-до-2030-г.pdf> (дата обращения: 12.07.2019).
9. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, утверждена распоряжением Правительства РФ от 2.02.2015 г. № 151-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 6. Ст. 1014.
10. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена Указом Президента РФ 19.04.2017 г. № 176 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 17. Ст. 2546.

© Аблякимова Эльвина Эрнесовна (6661931@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИЗНАКИ ПОНЯТИЯ «ОБЪЕКТИВНАЯ ФОРМА»

FEATURES OF THE CONCEPT «OBJECTIVE FORM»

V. Vitko

Summary. In the article the author analyzes the existing scientific ideas about the concept of «objective form», substantiates its own characteristics of the concept on the basis of the selected legal features. Proposes a definition of «objective form», a new version of paragraph 3 of Art. 1259 of the civil code.

Keywords: thought, objective form (external expression), author, object of copyright.

Витко Вячеслав Станиславович

К.ю.н., рук. юридической службы, АО «АйТи»

Vvitko@it.ru

Аннотация. В статье автор анализирует существующие в науке представления о понятии «объективная форма», обосновывает собственную характеристику рассматриваемого понятия на основе выделенных правовых признаков. Предлагает определение понятия «объективная форма», новую редакцию пункта 3 ст. 1259 ГК РФ.

Ключевые слова: мысль, объективная форма (внешнее выражение), автор, объект авторского права.

В настоящей статье подвергнем анализу взгляд закона, правовой доктрины и судебной практики на понятие «объективная форма», с целью уяснение того, что понимается под этим термином в авторском праве.

Согласно п. 3 ст. 1259 ГК РФ, «авторские права распространяются на произведения, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе в письменной, устной форме (в виде публичного произнесения, публичного исполнения и иной подобной форме), в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме».

Как видно, законодатель использует термин «объективная форма», не предлагая его признаков, приводя, в качестве примера, некоторые ее виды. Однако, «перечень, даже исчерпывающий, неспособен заменить общего научного понятия, а самая наука начинается лишь там, где появляются обобщения» [1, с. 77].

В доктрине права понятие «объективная форма» недостаточно исследовано, наверное, по той причине, что оно кажется всем ясным и понятным, хотя ученые обращали внимание на то, что «вопрос о том, что следует понимать под такой «формой» (объективной — *В.В.*), представляет некоторые трудности» [2, с. 38]. Причина, по мнению В.И. Серебровского, заключается в том, что кроме термина «объективная форма», в литературе используется термин «форма произведения», под которой понимается способ воплощения творческих мыслей (литературная форма, музыкальная форма и т.д.). Закон, однако, понимает под объективной формой произведения нечто иное: он имеет в виду любое внешнее выражение идей автора в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме: устно, письменно, в виде рисунка и т.д. [2, с. 39].

Начнем с того, что по установлению закона и единому мнению ученых, для признания продукта духовного творчества объектом авторского права, необходимо облечение его в определенную форму [3, с. 109]. Однако, при этом без внятного ответа остается вопрос — что именно подлежит выражению в объективной форме?

Какие признаки можно обнаружить в понятии «объективная форма», выработанных цивилистами?

По мнению В.И. Серебровского, «объектом авторского права является продукт творческой деятельности автора, выраженный в известной конкретной форме, доступной для восприятия другими людьми. Пока мысль автора не получила определенного внешнего выражения — объективной формы, нет объекта авторского права» [2, с. 32]. Из этого представления, во-первых, следует, что выражению в объективной (внешней) форме подлежит мысль, с чем, сразу заметим, мы не можем согласиться, во-вторых, что признаком объективной формы является возможность ее восприятия другими людьми.

По воззрению С.А. Беляцкого, предмет духовного замысла «должен вылиться во внешнюю, осязательную форму» [4, с. 75], поэтому объектом авторского права является «выразившиеся внешним образом в конкретной и постижимой форме творческое произведение ума» [4, с. 100].

Похожего подхода придерживались Б.С. Антимонов и Е.А. Флейшиц: «Под объективной формой произведения в советском авторском праве понимается форма, которая делает произведение не просто доступным восприятию других людей, но и воспроизводимым» [5, с. 424]. Пример объективной формы — рукопись, эскиз, «воспроизводимые благодаря тому, что они воплощены

в материальных вещах» [5, с. 423]. Как видно, признак, выделенный В. И. Серебровским, ученые дополнили еще одним — воспроизводимость (устойчивость) формы. Заметим, что требование воспроизводимости результата творческой деятельности автора содержалось в ст. 96 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г., в ст. 475 ГК РСФСР 1964 г. Это требование было исключено законом РФ от 9 июля 1993 г. № 5351–1 «Об авторском праве и смежных правах», вступившим в силу 3 августа 1993 г. Действующий закон также не содержит такого требования (п. 3 ст. 1259 ГК РФ).

Из приведенных признаков сомнение вызывает требование воспроизводимости формы, т.е. ее устойчивость. Таким качеством форма будет обладать в случае ее закрепления в материальном носителе. Тем самым, к примеру, должно быть отказано в охране устным произведением. Исходя из этого, считаем, что устойчивость формы не может являться критерием понятия объективная форма. Полагаем, что достаточно того, чтобы объективная форма существовала лишь в момент ее отделения автором во внешний мир непосредственно чувствам третьих лиц.

Исходя из этого, несомненным признаком объективной формы является *возможность восприятия (формы, произведения) другими лицами*.

Такой вывод находит подкрепление в современной доктрине авторского права. На этой точке зрения стоят И. А. Близнец и К. Б. Леонтьев, которые замечают, что «для того чтобы произведение могло получить охрану, оно должно не только возникнуть в сознании автора, но также получить *объективную форму выражения*, т.е. стать доступным для восприятия других людей» [6, с. 52]. Этот признак утверждает другой ученый, указывая, что объективная форма означает, что «результат (творческой деятельности — *В.В.*) стал доступен для восприятия других лиц» [7, с. 5]. И. А. Зенин под объективной формой понимает придание идеальному результату умственного труда любой осязаемой формы [8, с. 261–262]. По взгляду С. П. Гришаева, объективной формой произведения является такая форма существования произведения во внешнем мире, когда становится возможным его восприятие другими лицами (помимо автора) [9]. К. Б. Леонтьев и О. Ю. Митин под объективной формой выражения также понимают доступность произведения для восприятия других людей [10, с. 133]. М. А. Рожкова считает, что объективная форма предполагает возможность восприятия результата мыслительной деятельности другим человеком [11, с. 48]. То же самое утверждает ряд других исследователей [12, с. 8; 13, с. 15]. Несмотря на многообразие мнений придерживается Н. В. Щербак: «Чтобы творческие замыслы автора стали доступны обществу,

они должны быть выразиться вовне, объективироваться» [14, с. 263]. Из этого утверждения можно сделать вывод о том, что внешнему выражению подлежит непосредственно мысль (замысел).

Итак, общее мнение ученых склоняется к тому, что признаком объективной формы является условие *восприятия* произведения (идеи (замысла), результата интеллектуальной деятельности) другими людьми. При этом расхождение во взглядах состоит в «объекте», который должен быть доступен восприятию других, помимо автора, лиц. Как видно, В. И. Серебровский пишет о возможности восприятия *объективной формы*, Б. С. Антимонов и Е. А. Флейшиц, С. П. Гришаев — *произведения*, Э. П. Гаврилов и И. А. Зенин — *результата интеллектуальной деятельности*, Н. В. Щербак — *идеи (замысла)*.

Полагаем, что мысль ученых о том, что выражению в объективной форме подлежит *результат интеллектуальной деятельности* без сомнения верная. Однако, при этом без ясного ответа остается вопрос — что же представляет собой объективная форма, кем она создается и каким, по своему характеру, трудом.

Обратимся к современным диссертационным работам, в которых исследуется понятие «объективная форма». Так, выдвинуто определение, что объективная форма выражения *объекта* интеллектуальной собственности — это внешняя форма выражения результата интеллектуальной деятельности, обеспечивающая его восприятие, и допускающая возможность его воспроизведения или сообщения другим лицам как непосредственно, так и при помощи специальных устройств [15].

Досадно, что автор неточен в том, что говорит о внешней форме выражения *объекта* интеллектуальной собственности. Ведь, как мы уже отмечали, объект интеллектуальной собственности не нуждается во внешнем выражении, поскольку уже является предметом реального мира. Но при этом высказывается верная мысль о том, что объективная форма — это внешняя форма выражения результата интеллектуальной деятельности.

В этом определении явно присутствует признак объективной формы — «восприятие», но при этом не объяснено, что следует понимать под «внешней» формой, кроме того, что она должна обеспечивать восприятие результата интеллектуальной деятельности. Тем самым характеристика объективной форме сводится к указанию ранее выделенного учеными признака — возможность восприятия формы другими людьми.

В исследовании, посвященном правам на музыкальные произведения, утверждается, что объективная форма выражения — это воплощение результата твор-

ческой деятельности композитора вовне в форме оригинальной комбинации звуков или нотных знаков [16, с. 12]. Набор звуков, запечатленный в сознании автора и не получивший своего выражения в реальной действительности, не может претендовать на правовую охрану, поскольку он существует лишь субъективно и не выражен в объективной форме [16, с. 12]. В этом определении правильно говорится о воплощении вовне *результата творческой деятельности*, который, однако, далеко не просто «набор звуков», а форма музыкальной мысли композитора, созданная его творческим трудом. Таким образом, можно сказать, что форма музыкальной мысли композитора может быть овеществлена следующими способами: либо доведена в виде совокупности звуков (мелодии) непосредственно до чувств третьих лиц, либо отображена нотными знаками на бумаге.

В рассмотренных определениях заслуживает поддержки мысль о том, что внешнему выражению подлечит *результат интеллектуальной деятельности*, а не идея, и не произведение, на что указывается как в советской юридической литературе [5, с. 421; 17, с. 6], так и в работах современных исследователей. При этом верно указан признак объективной формы — возможность восприятия результата интеллектуальной деятельности человеческими чувствами.

Однако, выдвинутые определения понятия «объективная форма» не дают полной характеристики понятия, поскольку содержат не все его признаки. Исходя из этого, понятие «объективная форма» нуждается в дальнейшем доктринальном осмыслении. Начнем с того, что этапы создания объектов авторского права можно представить следующей схемой: «мысль» — «умственный труд человека» — «результат творческого труда (идеальная форма изложения мысли)» — «внешнее выражение (объективная форма)» — «объект авторского права».

Мало заметить (открыть) интересную мысль, надо найти для неё совершенную форму изложения. Ведь как часто мы видим, что слова не выражают, а, напротив, прячут смысл. Поэтому требование творчества относится к мыслительной деятельности человека — способу изложения мыслей, т.е. выражение мыслей теми или иными способами должно носить творческий характер. Творчество, например, сочинителя состоит в том, чтобы найти для изложения мыслей особое сочетание слов и предложений в надежде создать свою (оригинальную) словесную форму мысли.

Таким образом, творчество состоит в изложении (объяснении) мысли в оригинальной, т.е. являющейся результатом самостоятельного умственного труда, форме. По этой причине *форма изложения мысли*,

а не объективная форма, является основополагающим понятием авторского права.

Результат интеллектуальной деятельности, созданный в воображении автора, представляет собой изложение мысли посредством понимаемых другими людьми (видимых, слышимых, ощущаемых и т.д.) идеальных знаков (слов, звуков, движений, поз и т.п.), образующих в совокупности определенную форму, которую мы называем *формой изложения мысли*. До тех пор, пока эта форма существует в воображении человека, она доступна восприятию только лишь ее творцу, ведь о ней «никто ничего не знает», и поэтому она не нуждается в охране авторским правом.

Нужно ли подчеркнуть, что именно форма изложения мысли, как результат творчества человека, после того, как найдет свое внешнее выражение, охраняется авторским правом, а не объективная форма, как почему-то считают некоторые исследователи.

Так, В.В. Лебедь полагает, что «правовой охраной обеспечена лишь форма, придаваемая автором своему творению (но не идея!), т.е. объективная форма выражения произведения» [18, с. 171]. К схожему выводу приходит С.Б. Кокина, утверждая, что своим творческим трудом режиссер изменяет объективную форму произведения и способ его выражения, и значит создает новое произведение, поскольку авторское право критерием охраноспособности считает объективную форму выражения [19, с. 37]. В этом выводе вызывает сомнение то, что изменение объективной формы произведения приводит к созданию нового произведения. Если согласиться с этим, то мы столкнемся с абсурдным положением — необходимостью признания существования двух различных произведений, в случае придания различной внешней формы одной и той же совокупности знаков (слов, красок, движений и т.д.), которой изложена определённая мысль.

Пожоую позицию в этом вопросе занимает Н.В. Щербак: «Объекты авторского права охраняются в части их *формы*, причем эта ... охрана возникает с момента их создания» [14, с. 261]. Форму автор характеризует как совокупность внешнего облика с внутренней организацией материала [20, с. 15].

Думаем, что невозможно всерьез согласиться с тем, что почти механический труд, к примеру, по нанесению чернил на бумагу, с целью отображения слов и предложений, составляющих форму изложения мысли, имеющий своим результатом письменную форму, подлечит охране авторским правом. Но то справедливо, что объективная форма выражения, наряду с творческим характером труда человека, является критерием ох-

раноспособности объектов авторского права. Кажется бесспорным, что творчество состоит не в изменении внешней формы, да и вообще не в труде по выражению результата творческого труда вовне, а в создании собственной (индивидуальной) формы изложения мысли. Именно поэтому, по смыслу, закон защищает не написанные буквы, а «мысли автора и формы, в которых она им облечена» [3, с. 175].

Как известно, человек творит с целью поделиться с другими людьми своей мыслью (чувством). Чтобы изложенная в идеальной форме мысль стала доступной восприятию других лиц, эта созданная в воображении форма должна быть обособлена творцом в реальный мир, и тогда она станет существующей вне и независимо от сознания творца, т.е. объективно существующей. Как следствие, форма изложения мысли станет доступной для восприятия другими лицами.

Итак, идеальная форма, являющаяся способом изложения мыслей, идей, чувств, чтобы стать доступной восприятию другими лицами, должна быть каким-либо способом обособлена вовне, и тем самым обрести материальное воплощение в объективной реальности, т.е. объективизирована.

Отсюда следует, что под объективизацией в авторском праве следует понимать претворение субъективной формы мысли в объективно существующую реальность. М. А. Рожковой высказывается небезынтересное мнение о том, что «исполнение произведения актером, режиссура не требуют объективизирования в материальной форме — они находят выражение именно в форме нематериальной» [11, с. 48]. Полагаем, навряд ли можно говорить о внешнем выражении «в форме нематериальной», принимая во внимание то, что любое внешнее выражение нематериального объекта (идеальной сущности) является по своему характеру материальным, даже в том случае, когда результат интеллектуальной деятельности не воплощается в материальном носителе.

Каким образом возможно обособление нематериальной формы, при том, что результаты интеллектуальной деятельности (ст. 1225 ГК РФ) не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому (п. 4 ст. 129 ГК РФ).

По мысли закона, обособление нематериального объекта является необходимым условием возникновения объекта авторского права, которое, исходя из его нематериальной формы, достигается путем выражения произведения в объективной форме (п. 3 ст. 1259 ГК РФ).

Такой подход является господствующим в доктрине. Так, к примеру, В. И. Серебровский подчеркивал, что

«как объект авторского права произведение возникает с того момента, когда оно приобретает самостоятельное бытие, отделяется от автора» [2, с. 39]. Э. П. Гавриловым высказано верное мнение, что «термин «создание произведения» и «выражение произведения в объективной форме» употребляются (в законе — *В. В.*) как синонимы» [21, с. 291]. Исходя из этого, нельзя согласиться с утверждением, что произведение охраняется «в силу факта его создания и выражения в объективной форме» [8, с. 254]. О том же пишет Н. В. Щербак [14, с. 245]. С этим рассуждением нельзя согласиться по той причине, что произведение, как объект авторского права, является созданным в момент выражения результата интеллектуальной деятельности в действительный мир.

Конечно, возникает вопрос — разве возможно «переместить» идеальный объект из духовного мира человека в действительный? Это, конечно, невыполнимо. Хотя, к примеру, С. П. Гришаев, кажется, допускает такую возможность, когда пишет о том, что лишь после того, как произведение будет выражено автором вовне, *отделившись от автора каким-либо способом*, оно получает выражение в объективной форме [9] (курсив мой — *В. В.*).

Раз отделение от творца идеальной формы мысли невозможно, тогда необходимо идеальные знаки, которыми объяснена мысль, сделать «видимыми» другим лицам. Для этого эти знаки, составляющие форму изложения мысли, необходимо не переместить вовне, а *отобразить* теми или иными «видимыми» *материальными средствами* (чернилами, красками, движениями и т.д.) в реальном мире, что позволит другим лицам воспринимать результат интеллектуальной деятельности, созданный умственным трудом автора.

Таким образом, для того, чтобы результат интеллектуальной деятельности, как субъективная форма изложения мысли, стал доступен другим лицам, его необходимо отделить от автора. Но перемещение идеального объекта невозможно, поэтому субъективная форма мысли подлежит овеществлению (материализации) в реальном мире.

Из сказанного напрашивается вывод о том, что внешнее выражение идеальной формы мысли в реальный мир является не созданием, а *овеществлением* формы, созданной творческим умственным трудом автора. Под овеществлением, конечно, понимается не превращение идеального объекта в вещь, а придание идеальным знакам, составляющих форму мысли, воспринимаемой человеком «видимой» формы: либо путем отображения идеальных знаков в материальном носителе, к примеру, написание слов чернилами на бумаге, т.е. отображением созданной формы в материальном носителе, либо доведения формы непосредственно до чувств других лиц.

Бесспорно, что в большинстве случаев выражением в объективной форме является воплощение результата умственного труда в материальном носителе. Но при этом нельзя согласиться с тем, что «понятие «материального носителя» и «объективной формы» идентичны, за исключением случая, когда произведение выражено в устной форме [22, с. 105]. Кажется, что автор так смотрит на объективную форму, как будто она, к примеру, это сам холст, а не отображение красками созданного в воображении автора образа чувства на холсте.

В качестве примера доведения формы непосредственно до чувств других лиц можно привести случай, когда композитор, сочинив музыкальный этюд и сыграв его на публике, он тем самым облек произведение в необходимую по закону «объективную» форму [22, с. 105]. Из этого наглядного примера ясно, что понятие «объективная форма» (п. 3 ст. 1259 ГК РФ) шире, чем «материальная форма» (подп. 1 п. 1 ст. 1270 ГК РФ).

Итак, овеществлением формы, созданной творческим трудом автора, осуществляется «отрыв» результата интеллектуальной деятельности от автора, его обособление во внешнем мире, являющееся моментом возникновения объекта авторского права.

Исходя из этого, точнее, кажется, говорить не о выражении произведения в объективной форме, а об овеществлении результата интеллектуальной деятельности (формы изложения мысли) в материальном носителе или непосредственно, о придании «субъективной субстанции объективной оболочки» (В. В. Кандинский), который закон признает объектом права, при условии создания такого результата творческим трудом человека.

Таким образом, форма изложения мысли не переносится непосредственно из сознания человека в реальный мир, а отображается в нем теми или иными способами. Выразить результат интеллектуальной деятельности в объективной форме — значит сделать идеальную форму творчески изложенной мысли воспринимаемой чувствами (зрением, слухом и т.п.) других людей. Тем самым созданная форма обособляется от творца вовне, и признается законом объектом права.

Следуя такому воззрению, мы должны заключить, что результат творчества писателя выражается в объективной форме в момент касания бумаги пером. Примечательны слова Н. В. Гоголя: «Одни из лучших минут в жизни моей были те, когда я наконец клал на бумагу то, что выносилось долговременно в моих мыслях» [23, с. 228]. Что же, спрашивается, писатель клал на бумагу, как не созданную в его воображении словесную форму, приданную его мыслям?

Следует подчеркнуть, что при «выражении в объективной форме» никакой новой формы не возникает — созданная и существующая в воображении автора форма изложения мысли, как правило, закрепляется, точнее *отображается* в материальном носителе, в результате чего появляется возможность ее восприятия другими людьми. Конечно, реальность не сводится к тому, обо что можно стукнуться лбом, поэтому созданную автором форму возможно довести непосредственно чувствам третьих лиц.

Опираясь на этот вывод, кажется, что нет оснований применять сам термин «объективная форма», поскольку у всякой формы есть внутренний смысл, а содержанием этой формы является другая форма — форма изложения мысли. С учетом того, что форма мысли создается в воображении, а объективная форма форме мысли придается в реальном мире, поэтому можно сказать, что *объект авторского права — это форма формы*.

Признавая объективную форму способом существования формы изложения мысли в реальном мире, в частности, материал — лишь средство передачи созданной автором формы мысли, вернее было бы вместо термина «объективная форма», использовать другой — способ (средство) овеществления результата интеллектуальной деятельности.

В литературе высказано интересное мнение о том, что «если оригинал произведения физически погиб, то вещное право на него прекратилось. Интеллектуальные права на объект формально сохранились, но поскольку они жестко привязаны к оригиналу, осуществить их невозможно. Право, осуществить которое невозможно, лишено всякого смысла» [24, с. 86]. На наш взгляд, в таком случае интеллектуальные права на произведение не сохраняются, поскольку созданный результат интеллектуальной деятельности потерял объективную форму, а значит, нет и объекта авторского права, на который могут быть установлены авторские права.

Опираясь на вышесказанное, мы склоняемся к тому, что выделенный в юридической литературе признак объективной формы — доступность результата умственной деятельности человека восприятию других лиц, должен быть дополнен другими признаками.

Один из них заключается в том, что объективная форма результату интеллектуальной деятельности *придается (создается) творцом*. При этом совсем не обязательно, чтобы придание результату интеллектуальной деятельности внешней формы осуществлялось исключительно действиями (трудом) творца. Так, к примеру, при создании фотографического произведения фикси-

рование формы изложения мысли фотографа в пленке производится при минимальном его участии.

Другой признак подчеркивает *механический характер труда по приданию (фиксированию) объективной формы* результату умственной творческой деятельности. Именно по этой причине сама по себе объективная форма не охраняется авторским правом.

Основываясь на выделенных признаках, можно определить объективную форму как внешнее выражение (овеществление) автором, созданного им результата умственной деятельности (формы изложения мысли), путем отображения (фиксирования) этого результата в материальном носителе, либо непосредственного доведения до чувств других лиц.

По существу, приданием результату умственной деятельности объективной формы достигается его обособление от творца и дальнейшее существование как объекта права в объективной реальности. Как писал В.И.Серебровский, объективная форма придает продукту творческой деятельности способность существовать по окончании творческого процесса [2, с. 41].

Резюмируя сказанное, мы можем сформулировать следующие выводы.

1. «выражению в какой-либо объективной форме» (п. 3 ст. 1259 ГК РФ) подлежит не произведение, не мысль (идея, замысел, чувство), а результат умственной деятельности человека, представляющий собой изложение мысли (чувства) в той или иной форме (словесной, изобразительной, музыкальной и т.д.), которую мы предлагаем называть формой изложения мысли. Вследствие этого, п. 3 ст. 1259 ГК РФ мог бы иметь следующую

редакцию: «Авторские права распространяются на *результаты интеллектуальной деятельности человека*, выраженные *им* в какой-либо объективной форме...».

2. признаками, составляющими понятие объективной формы результата умственной деятельности, являются: 1) восприятие человеком, 2) создание (фиксирование) творцом, 3) механический характер труда.

Опираясь на выделенные признаки, возможно определить объективную форму как внешнее выражение (овеществление) автором, созданного им результата умственной деятельности (формы изложения мысли), путем отображения (фиксирования) этого результата в материальном носителе, либо непосредственного доведения до чувств других лиц.

Общий вывод состоит в том, что существующие представления о понятии «объективная форма» недостаточно ясны, при том, что момент внешнего выражения результата умственного творческого труда человека является исходной точкой возникновения объекта авторского права и установления на него авторских прав, охраняемых законом.

Кроме того, недостаточно исследовано понятие «форма изложения мысли», являющееся, на наш взгляд, основополагающим в авторском праве. Следствием этого является неудовлетворительность разработки определяющих понятий авторского права, таких, как произведение, производные произведения, пародии и др. Все это свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки понятия авторского права — «формы изложения мысли», в охране которой заключается суть авторского права [25, с. 16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоффе О. С. Избранные труды: В 4 т. Т. IV. Сост., предисл. И. П. Грешникова; вступ. ст. А. Г. Диденко, А. Г. Потюкова; перевод Д. М. Короткова. СПб., Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2010.
2. Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. М., Изд-во АН СССР. 1956.
3. Канторович Я. А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Второе издание. Петроград. 1916.
4. Беляцкий С. А. Новое авторское право в его основных принципах. СПб., Издание Юридического книжного склада «Право». 1912.
5. Антимонов Б. С., Флейшиц Е. А. Авторское право // Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1. М., Статут. 2015.
6. Право интеллектуальной собственности: учебник / под ред. И. А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М., Проспект. 2016.
7. Гаврилов Э. П. Нюансы в авторском праве // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 4.
8. Зенин И. А. Творческий труд как правовая категория // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Евгения Алексеевича Суханова. М., Статут. 2018.
9. Гришаев С. П. Право на публичное исполнение // [Электронный ресурс] Система ГАРАНТ. 2011.
10. Интеллектуальная собственность в современном мире: монография / под ред. И. А. Близнеца. М., Проспект. 2017.
11. Новоселова Л. А., Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография / Л. А. Новоселова, М. А. Рожкова. М., Норма: ИНФРА-М. 2016.
12. Дадян П. Г. Музыкальное произведение как самостоятельный объект авторского права: теоретико-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

13. Щербак Н. В. Обязательственно-правовые способы приобретения исключительных прав и распоряжения ими // Законодательство. 2019. № 1.
14. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. II: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., Статут. 2019.
15. Дельцова Н. В. Объекты интеллектуальной собственности: система признаков и система правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара. 2004.
16. Иванов Н. В. Авторские и смежные права в музыке: монография / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., Проспект. 2018.
17. Камышев В. Г. Права авторов литературных произведений. «Юридическая литература». М., 1972.
18. Лебедь В. В. Французское авторское законодательство в условиях развития европейского авторского права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 4.
19. Кокина С. Б. Правовой режим постановки спектакля // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 1.
20. Щербак Н. В. Объекты, не охраняемые авторским правом: понятие и значение // Законодательство. 2016. № 6.
21. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. Издательство «Юрсервитум». М., 2016.
22. Петрова Ю. В. Охрана личных неимущественных права автора в европейских странах (континентальная и англосаксонская правовые системы): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
23. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. Духовная проза; Критика; Публицистика / Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова; Худож. Ю. Ф. Алексеева. М., Русская книга. 1994.
24. Иванов А. А. Интеллектуальная собственность и вещные права: проблемы соотношения // Закон. 2017. № 1.
25. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исслед. центр частного права. М., Статут. 2005.

© Витко Вячеслав Станиславович (Vvitko@it.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРАВОМЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

LEGAL CONSEQUENCES FOR HARM CAUSED BY LAWFUL ACTIVITIES

A. Gudkov
A. Krasilschikov
V. Mishchenko

Summary. The authors of the article examine the issues of compensation for damage caused by lawful acts. As a problem, the legislator's dual approach to the consequences of compensation for such harm is noted. In some cases, the rule of full compensation for damage is established, in others — the obligation of the state to compensate for the damage arises, but only within the framework established by the executive authorities.

The authors note the ambiguity of the terminological interpretation of the concepts of "compensation of harm" and "compensation of damage" and come to the conclusion that the term "compensation of damage" is more preferable to the analyzed issue and suggest amendments to the current legislation.

Keywords: lawful activity, compensation of harm, compensation of damage.

Одним из оснований для возникновения гражданских прав и обязанностей, согласно п. 6 ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ), является причинение вреда участнику гражданского оборота. В таком случае реализуются охранительная и восстановительная функции гражданского права, направленные на предупреждение неправомерного поведения и восстановление нарушенных прав добросовестных участников гражданских правоотношений.

Как правило, вред возникает в результате неправомерных действий нарушителя, в частности, неисполнения или ненадлежащего исполнения договора, или незаконных действий или бездействия представителя власти. Например, вред в виде материального ущерба возникнет, если в результате некачественно выполненных строительного-монтажных работ в здании произойдет просадка грунта в основании фундамента, из-за чего появятся трещины в стенах здания, что повлечет за собой необходимость восстановительного ремонта или даже полной реконструкции здания. В результате неправомерных действий должностных лиц может возникнуть

Аннотация. Авторы статьи исследуют вопросы возмещения вреда, причиненного правомерными действиями. В качестве проблемы отмечен двойственный подход законодателя к последствиям возмещения такого вреда. В одних случаях устанавливается правило полного возмещения ущерба, в других — обязанность государства компенсировать ущерб возникает, но только в тех рамках, которые установлены органами исполнительной власти.

Авторы отмечают неоднозначность терминологической трактовки понятий «возмещение вреда» и «компенсация ущерба» и приходят к выводу, что более предпочтительным к анализируемому вопросу является использование термина «компенсация ущерба» и предлагают внести соответствующие изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: правомерная деятельность, возмещение вреда, компенсация ущерба.

не только материальный ущерб, но и моральный вред, так как могут оказаться нарушенными нематериальные ценности — жизнь, здоровье, авторитет власти и т.п. [5]

Однако, как показывает практика, вред может быть причинен и в результате правомерных действий, о чем указывает п. 3 ст. 1064 ГК РФ. Такой вред подлежит возмещению только в случаях, предусмотренных законом. Стоит отметить, что понятие «вред» обычно ассоциируется с деликтным обязательством, то есть, с обязательством, возникшим из неправомерного поведения, примеры которого изложены в главе 59 ГК РФ. Но, при этом, упомянутый п. 3 ст. 1064 ГК РФ также размещен в этой главе, в связи с чем понятие «вред» распространяется и на ситуации его причинения в результате правомерных, то есть, не деликтных, действий (бездействия).

Например, в порядке, который предусмотрен законом, подлежит компенсации ущерб, причиненный правомерными действиями публичных органов или должностных лиц этих органов (ст. 16.1 ГК РФ). Это могут быть действия органов государственной регистрации прав на недвижимое имущество (п. 3 и 4 ст. 66 Федерального

закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»), возмещение вреда причиненного органами безопасности при предотвращении террористического акта (п. 2 ст. 18 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»). Стоит особо отметить, что при осуществлении антитеррористической деятельности вред, причиненный правомерными действиями жизни, здоровью и имуществу лиц, участвующих в терроризме или способствующих ему, возмещению не подлежит (п. 3 ст. 18) [1, С. 96–98].

Аналогичный подход распространяется и на ситуации причинения ущерба в результате правомерных действий сотрудников полиции, пресекающих преступление или преследующих преступников (п. 37 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»).

Также надо отметить, что по данной категории дел истцам нередко отказывают в полном удовлетворении их исковых требований, так как вред, причиненный при пресечении террористической деятельности, возмещается не полностью, а лишь компенсируется в размере, установленном Правительством (пп. д п. 3 Постановления Правительства РФ от 15.02.2014 № 110), и данный размер компенсации зачастую несопоставим с тем реальным ущербом, который причиняется гражданам при контртеррористической деятельности. Кроме того, суды обращают внимание на разность подходов к возмещению вреда, предусмотренного главой 59 ГК РФ и ст. 16.1 ГК РФ, подчеркивая компенсаторный характер последней, отличный от обязанности по полному возмещению причиненного вреда в порядке главы 59 ГК РФ (см. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 27.03.2018 № 33–5215/2018 по делу № 2–5154/2017).

Еще одним распространенным «классическим» случаем возмещения за правомерные действия следует признать ситуацию, при которой добросовестный собственник вправе потребовать (опять же от публичных субъектов гражданских правоотношений) предоставить ему возмещение за земельный участок, изымаемый для государственных или муниципальных нужд (п. 6 ст. 279, ст. 281 ГК РФ). Но в данном случае наблюдается несколько иной подход к определению размера возмещения. Такое возмещение определяется или соглашением сторон (п. 6 ст. 279 ГК РФ), или, в случае принудительного изъятия, решением суда (п. 6 ст. 279, п. 4 ст. 281 ГК РФ). При этом, выкупная цена определяется по правилам, утвержденным п. 2 ст. 281 ГК РФ, и включает в себя рыночную стоимость земельного участка и находящегося на нем недвижимого имущества, а также все убытки, причиненные собственнику изъятием земельного участка, включая убытки, которые он несет в связи с невозможностью исполнения своих обязательств перед третьими лица-

ми, в том числе упущенную выгоду [3, С. 60–64]. То есть, в данном случае речь идет только о полной компенсации всех убытков и ущерба собственника земельного участка, не ограниченной рамками актов органов исполнительной власти.

Таким образом, можно говорить о двойственном подходе законодателя к решению вопроса о правовых последствиях возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, как правило, органов публичной власти и их должностных лиц.

Возвращаясь к терминологии действующего законодательства, стоит отметить, что, если п. 3.1064 ГК РФ содержит положение о возмещении вреда, то в ст. 16.1 ГК РФ речь идет лишь о компенсации ущерба. Как нам представляется, «возмещение вреда» позволяет утверждать о полном возмещении всего причиненного ущерба, тогда как компенсация может быть как полной, так и частичной, как это следует из примера проанализированной практики о компенсации ущерба, причиненного в ходе контртеррористической деятельности.

Этой правовой позиции придерживаются и другие авторы. В частности, А. В. Лисаченко отмечает, что разграничивая при рассмотрении дел компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных или муниципальных органов (ст. 16.1 ГК РФ), и возмещение убытков (ст. ст. 15, 16 ГК РФ), суды подчеркивают, что это разные правовые конструкции, имеющие разный правовой режим. С практической точки зрения данное разграничение позволяет исключить применение норм о возмещении убытков (прямо или по аналогии) в тех случаях, когда специального закона, регламентирующего основание и порядок выплаты компенсации, нет. Все-таки выплата компенсации как мера восстановительного характера (несмотря на то, что за ней и признается тождественная с возмещением убытков направленность [4, С. 80]) существенно отличается от возмещения убытков как меры ответственности хотя бы тем, что имеет под собой другое основание [6, С. 117–118].

Существующий в настоящее время двойственный подход к терминологии возмещения вреда, причиненного правомерными действиями (п. 3 ст. 1064 ГК РФ) и компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями (ст. 16.1 ГК РФ), как представляется, не способствует однозначному и ясному пониманию того объема возмещения, который должен быть осуществлен публичным субъектом — государством, муниципалитетом, за правомерные действия своих органов и их должностных лиц.

С учетом сложившегося понимания возмещения вреда как правового последствия деликтного обязатель-

ства, к случаям последствий правомерной деятельности в виде причинения ущерба, более правильным представляется подход о принятии на себя государством добровольной обязанности по выплате компенсации, полной или частичной, за ущерб, причиненный правомерными действиями его органов или должностных лиц. Это своеобразное проявление «доброй воли, направленной на защиту интересов пострадавших лиц в тех ситуациях, когда оснований для применения мер гражданско-правовой ответственности не имеется» [6, С. 120].

Отмеченная выше двойственность подходов к правовым последствиям правомерного причинения вреда

и его приравнивание к деликтному обязательству требует законодательного урегулирования. Полагаем, следует согласиться с мнением о недопустимости отождествления компенсации с мерой юридической ответственности [2, С. 13–14] и внести изменения в п. 3 ст. 1064 ГК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Ущерб, причиненный правомерными действиями, подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом». Такая редакция позволит устанавливать на уровне законодательства различные основания для полной или частичной компенсации ущерба, причиненного в результате правомерных действий, не отождествляя такую компенсацию с деликтным обязательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алыев Р. А. Возмещение вреда, причиняемого правомерными действиями в ходе проведения контртеррористических операций // Современное право. 2018. № 4. С. 96–98.
2. Басманова Н. К. О подходах к определению сущности правоотношений возмещения и компенсации // Закон и право. 2008. № 7. С. 13–14.
3. Витютнева Е. Д. Равноценное возмещение как условие изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Современное право. 2017. № 12. С. 60–64.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий: В 3 т. / Под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2014. Т. 1: Комментарий к части первой. С. 80 (автор комментария — О. А. Рузакова).
5. Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Ю. Н. Алферова, Ю. В. Байгушева, Ю. В. Виниченко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2017. 432 с.
6. Лисаченко А. В. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления: практика применения и научное осмысление // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 116–122.

© Гудков Анатолий Иванович (gudkovaniv@yandex.ru),

Красильщиков Анатолий Владимирович (krasilschikov@inbox.ru), Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О РЫБОЛОВСТВЕ

DIRECTIONS FOR IMPROVING PROSECUTORIAL OVERSIGHT OF THE IMPLEMENTATION OF FISHERIES LAWS

T. Zhrebtsova

Summary. In article the author, based on an analysis of the current legislation and the opinion of practitioners, examines organizational and managerial problems that ultimately impede the effective implementation of prosecutorial supervision of the implementation of fisheries laws. The solution to the problems identified by the author should become a guide and directions for improving prosecutorial and supervisory activities.

Keywords: prosecutorial supervision; organization of prosecutorial supervision; informational and analytical work; legality; fishing/.

Жеребцова Татьяна Эдуардовна

*Аспирант, Университет Генеральной прокуратуры
Российской Федерации; старший помощник Долинского
городского прокурора Сахалинской области
zhrebtsova.t.e@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основании анализа действующего законодательства и мнения практических работников автором исследуются проблемы организационного и управленческого характера, которые в конечном итоге препятствуют эффективному осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве. Решение обозначенных автором проблем должно стать ориентиром и направлениями совершенствования прокурорско-надзорной деятельности.

Ключевые слова: прокурорский надзор; организация прокурорского надзора; информационно-аналитическая работа; законность; рыболовство.

Направления совершенствования какой-либо деятельности должны формулироваться и исполняться с учетом имеющихся проблемных вопросов. Проведенное научное исследование позволяет говорить о ряде проблем, которые так или иначе препятствуют повышению эффективности прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве. Это, как правило, связано с ненадлежащей организацией данного направления прокурорского надзора в силу объективных или субъективных причин, а также с недостаточным использованием возможностей иных видов прокурорской деятельности, которые можно использовать в рамках надзорной деятельности.

По результатам опроса прокурорских работников среди основных недостатков респонденты назвали большую общую нагрузку на прокурорских работников (65%); отсутствие эффективного механизма по сбору и анализу информации о состоянии законности в данной сфере (20%); недостатки правового регулирования сферы рыболовства (30%); недостатки правового регулирования деятельности органов прокуратуры, в том числе отсутствие четкого понимания «подмены» функций иных государственных органов, разграничения деятельности между территориальными и специализированными прокурорами (40%); усложнение процедуры проведения проверки (решение о проведении проверки, предварительное уведомление, составление акта проверки и т.д.) (25%).

Проблемы и направления совершенствования прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве организационного характера.

1. Органы прокуратуры осуществляют надзорную функцию исключительно на основании поступающей информации о нарушении закона, должный анализ которой позволяет сказать о текущем состоянии законности на поднадзорной территории.

Для проведения анализа состояния законности в сфере рыболовства практикой сформирован примерный перечень той информации, которая могла быть полезной и необходимой. Проблема в том, что выполнить даже этот перечень, не говоря уже о его расширении с учетом фактической необходимости, бывает сложно.

В. В. Казаков, рассуждая о проблемах аналитической работы в прокуратурах районного звена, справедливо замечает, что аналитика — это тяжелый умственный труд, которому нужно учиться на всех этапах подготовки прокурорского работника, в том числе в рамках повышения квалификации уже действующих сотрудников. Этому есть предпосылки и нормативного характера, в том числе утвержденные квалификационные характеристики прокурорских работников [6, с. 31–37].

Хороший анализ требует времени и спокойной рабочей обстановки, что позволит сконцентрировать все умственные и творческие способности прокурорского работника на достижении результата. Сложность заключается в том, что на практике это практически невозможно. Не каждый сможет проводить качественный анализ информации о добыче ВБР, распределении рыбопромысловых участков, работе комиссии по анадромным видам рыб и прочее. Этому действительно мешает либо сильная загруженность конкретных работников, либо их неумение правильно распределить свое рабочее время, как говорится, правильно расставить приоритеты. В конечном итоге проблема качества осуществления надзора за исполнением законов о рыболовстве встает перед руководством прокуратуры. В этой связи, прокурор и его заместитель, не должны оставаться в стороне от непосредственной работы исполнителя (помощника).

Вообще стоит сказать, что у руководства прокуратуры, в силу их занимаемой должности, априори больше возможностей для качественной информационно-аналитической работы. В данном случае необходимо ориентировать помощников на своевременность подготовки запросов по определенному перечню и предоставлении ее на суд прокурору. Важно понимание хорошей качественной «командной работы» в рамках коллектива прокуратуры, в которой у каждого есть свои права и обязанности, и от их своевременного и правильного исполнения зависит эффективность работы прокуратуры в целом.

Э.Б. Хатов правомерно отметил, что состояние единого информационного пространства еще не полной мере совершенно. Имеющийся, причем не во всех прокуратурах, доступ к информационной системе межведомственного взаимодействия (ИСМЭВ) не предполагает возможности прямого доступа к информации [13, с. 38–41]. Необходимо направить запрос, и через некоторое время, в том числе несколько дней, получить ответ.

Безусловно, будущее за информатизацией, в том числе органов прокуратуры. При осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве было бы очень полезно иметь прямой доступ к сведениям о вылове ВБР, объемах, движении судов, получению ветеринарных разрешений на передвижение рыбной продукции, привлечению к административной ответственности хозяйствующих субъектов сотрудниками контролирующих органов и т.д. Однако, на данный момент такого прямого доступа не имеется.

По этой причине необходимо больше уделять внимания, и строить информационно-аналитическую, а в дальнейшем и надзорную, деятельность в сфере рыболовства на тесном взаимодействии с контролирующими органа-

ми и в первую очередь с сотрудниками Росрыболовства. Значительный результат даст даже простое рабочее общение, в рамках которого стоит проявлять здравую любознательность и любознательность, в том числе выяснять кто и где планирует взять рыбопромысловый участок и т.д., а может на каком-то предприятии сменилось руководство и т.д., а что видят в рамках рейдовых мероприятий сотрудники Росрыболовства, может кто-то в рамках строительной или ремонтной деятельности не получил разрешение на работу в водоохранной зоне нерестового водного объекта и т.д. На сбор такой информации в рабочем порядке стоит ориентировать и сотрудников Росрыболовства.

2. Следующим немаловажным аспектом является расстановка кадров в конкретной прокуратуре. Конечно, должно быть лицо, за которым закреплено непосредственное осуществление прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве, а также заместитель или прокурор, которому вменяется в качестве должностной обязанности организация и контроль работы на данном направлении. Вместе с тем, как известно, за конкретным сотрудником не может быть закреплено осуществление только одного единственного направления надзора, а в малосоставной прокуратуре районного звена 2–3 помощника работают как на «общенадзорном направлении», так и на уголовно-процессуальном. В прокуратуре с большим численным оперативным составом, наоборот, имеется возможность делить надзорные направления по 2–3 на каждого человека.

Принимая во внимание то, что информация о нарушении закона может быть получена из любых источников, в том числе относительно сферы рыболовства, важно руководству прокуратуры правильно ориентировать помощников на профессиональное взаимодействие. Так, помощнику по надзору за исполнением законов о рыболовстве стоит интересоваться у других сотрудников работой по надзору за исполнением земельного и бюджетного законодательства, о контрактной системе, о противодействия коррупции и т.д. относительно «своей» категории поднадзорных объектов. Это сыграет свою положительную роль и на период временного отсутствия основного прокурорского сотрудника, т.к. определенная информация о результатах надзорной деятельности в ходе такого взаимодействия между оперативными сотрудниками будет получена.

3. Наибольшие сложности возникают во время непосредственного проведения проверки. В большей степени это связано с внесенными изменениями, которые порождают еще больше вопросов, чем ответов.

Так, еще в 1993 году Ломовский В.Д. указал, что решающим вопросом в процессе проведения прокурор-

ской проверки исполнения законов является основание такой проверки [9, с. 9–14], что самым тесным образом связано с предметом прокурорского надзора.

Неоспорим тот факт, что регламентация деятельности органов прокуратуры по надзору за исполнением законов требует совершенствования и большего охвата. Тому наглядное подтверждение позиция Конституционного суда РФ, высказанная в 2015 году в связи с обжалованием действий прокуратуры [1].

Видится, что в принципе вопросы предмета прокурорского надзора и прокурорской проверки, невозможности подмены функций иных органов власти, а также процессуальной стороны прокурорской проверки самым тесным образом связаны с государственно-правовым статусом прокуратуры Российской Федерации, с ответом на вопрос: зачем нужна прокуратура? Однако, ответ на данный вопрос выходит далеко за пределы не только настоящей работы, но и теории прокурорской деятельности.

Поэтому, не вдаваясь в полемику о месте прокуратуры в системе органов власти, отметим, что такой орган, как прокуратура, безусловно, нужен. Однако, важно в данном случае, «шагать в ногу со временем» с учетом исторического значения прокуратуры для защиты общественных и государственных интересов.

В этой связи следует более четко закрепить предмет ведения и полномочия на законодательном уровне. Этим и обусловлены внесенные в 2017 году в Закон о прокуратуре изменения. Вместе с тем, в настоящее время, нельзя назвать внесение этих изменений раз и навсегда решением данной проблемы. На эту тему многими уважаемыми авторами высказаны собственные мнения, и, как правило, критического содержания [2, 3, 4]. Это не может не отразиться и на осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве.

4. Акты прокурорского реагирования — это те средства, с помощью которых прокурор может воздействовать на неправомерные действия и устранять нарушения. Поэтому, вспоминая о поставленных перед органами прокуратуры целях и задачах в рамках осуществления надзора за исполнением законов о рыболовстве, качество актов прокурорского реагирования должно быть безупречным.

В мае 2018 года Генеральной прокуратурой Российской Федерации во исполнение плана работы на 1 полугодие 2018 года оказана практическая помощь прокуратуре Сахалинской области в организации надзора за исполнением законов о рыболовстве. Так, в качестве

недостатка региональной прокуратуре указано на необходимость усиления контроля за полнотой рассмотрения актов прокурорского реагирования и фактическом устранением выявленных нарушений закона, при необходимости инициирования вопроса о внесении актов реагирования вышестоящим руководителям федерального уровня.

С учетом изложенного необходимо повышать качество актов прокурорского реагирования, а также приводить в них фактические обстоятельства и нормы действующего законодательства таким образом, чтобы сомнений в правильности позиции прокурора не оставалось ни у поднадзорного лица, ни у суда.

5. Сфера рыболовства достаточно разнообразна и стремительно развивается. Стоит отметить, что наибольшие объемы добычи ВБР, а значит и возможности совершения правонарушений, имеются в территориальном море и исключительной экономической зоне, а также за их пределами. Однако, как правило, возможности прокурорского надзора в данной сфере ограничиваются тем, что расположено «на берегу».

Экспертами отмечается, что существует множество способов ухода от ответственности, в том числе уголовной и административной, когда работники рыбопромысловых судов фальсифицируют данные промысловых журналов, с целью сдачи большего объема ВБР иностранным судам сразу после их вылова, при этом в порт судно приходит с разрешенным объемом ВБР и только того вида, которое указано в разрешении [8, с. 234].

По результатам оказания прокуратуре Сахалинской области практической помощи также отмечено, что в 2017 году факты выявления преступлений со значительным ущербом, в том числе коррупционной и экономической направленности, носят единичный характер — всего 16 уголовных дел из 456, возбужденных за этот период в сфере рыболовства.

Специалисты в области морского права стараются привлечь внимание на проблему отсутствия должного правового регулирования процесса добычи ВБР в арктической зоне. Так, отмечается, что несмотря на то, что в настоящее время полярный лов недостаточно развит, однако с учетом увеличивающейся нагрузки на экосистему, некоторые виды рыб в поисках пищи могут свободно мигрировать в сторону Северного ледовитого океана (мойва, морской окунь, сельдь и т.д.). В этой связи важно быть готовыми к возможным изменениям, и не допустить нерегулируемого промысла. Российская Федерация является одной из немногих стран, которые имеют прямой выход к арктической акватории, вместе с тем Стратегия развития Арктической зоны РФ и обе-

спечения национальной безопасности до 2020 года не предусматривает каких-либо мероприятий по урегулированию промысла в названом регионе [10].

Промышленное рыболовство давно вышло за рамки границ конкретного государства. В этой связи, в дальнейшем необходимо не только совершенствовать работу по межведомственному взаимодействию и координации работы правоохранительных и иных органов. Должно стать актуальным международное сотрудничество не только по уголовным делам, а в рамках исполнения законов и международно-правовых актов относительно сферы рыболовства.

Другая обширная группа проблем, которая самым прямым образом влияет на качество и эффективность прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве, связана с организационными и правовыми недостатками управления в самой рыболовной отрасли.

Как мы указывали ранее, нарушения закона о рыболовстве зачастую переходят из простого правонарушения в разряд уголовно-наказуемого деяния, что, как правило, влечет значительно большие потери экологического и экономического характера.

Научные исследования в области криминологии относительно совершения преступления в сфере рыболовства и сохранения ВБР позволяют говорить о следующих обстоятельствах, способствующих совершению преступлений данной группы.

Исаева А.И. в качестве причин и условий, способствующих незаконной добыче ВБР, выделяет общие противоречия в экономических отношениях, в том числе высокий спрос на браконьерскую продукцию, т.к. цены на нее значительно ниже легальных [5, с. 82–100].

Каленов С.Е. полагает, что причины преступлений в сфере ВБР заключаются в ненадлежащем осуществлении государственного контроля со стороны уполномоченных органов и несовершенстве экономических отношений природопользования [7, с. 19]. Отмечается также, что проблемы экономического характера, в том числе нерациональное распределение ОДУ позволило повысить уровень жизни прибрежных японских деревень, и наоборот, свести к выживанию жителей приморских городков Дальнего Востока [8, с. 224–235].

Паршина И.А. называет такие социальные факторы, обуславливающие преступность в данной сфере, как резкая дифференциация общества, безработица, субкультура бедности, а также пробелы экологического сознания [11, с. 120–134]. Стоит отметить, что личностные характеристики преступников, привлеченных к уго-

ловной ответственности по ст. 256 УК РФ, как правило, не имеют и не желают иметь иного легального источника дохода, поскольку незаконный промысел дает гораздо больший доход.

Ролик А.И., рассматривая причины налоговых преступлений в сфере рыболовства, разделил их на 3 группы: обстоятельства экономического, правового и организационного характера [12, с. 123–149]. В первом случае решающую роль играют увеличение браконьерского лова как российскими, так и иностранными рыбаками, перенос основных объемов продаж на внешний рынок, отсутствие учета над вывозом и реализацией за рубежом особо ценной морепродукции. К обстоятельствам правового характера автором относятся отсутствие международных соглашений между правоохранительными органами России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона об оказании правовой помощи, а также неполнота нормативного правового регулирования системы выделения квот на добычу и экспорт ВБР. И наконец, организационными недостатками являются сложности в осуществлении контроля за товарными и финансовыми потоками, а также за исполнением Правил рыболовства в исключительной экономической зоне России; коррупционность заинтересованных органов власти, в том числе правоохранительных и контрольно-надзорных ведомств; большая протяженность охраняемой территории в рассматриваемом регионе.

Другие ученые дополняют этот список частыми преобразованиями системы управления и контроля рыбной отрасли. Так в различные периоды уже Российской Федерации, т.е. начиная с 1992 года, действовали государственные Комитеты по рыболовству и Департамент по рыболовству. Только в 2008 году по указу Президента РФ создано Федеральное агентство по рыболовству [8, с. 235–236.].

Практика показывает, что все преступления группового характера связаны с ненадлежащим исполнением действующих норм, а также наличием пробелов в правовом регулировании, которые позволяют причинять многомиллионный ущерб природе.

Полагаем, что приведенные выше факторы в полной мере должны быть восприняты при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве и использоваться в качестве ориентиров совершенствования прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве, поскольку в ходе надзорной деятельности имеются достаточные возможности как для предотвращения преступной деятельности на стадии правонарушения, так и для возложения обязанности на ответственных лиц по устранению нарушений и возмещению причиненного вреда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С. А. Ганнушкиной».
2. Амирбеков К. И. Невозможность подтверждения или опровержения информации о фактах нарушения законов как основание проведения прокурорской проверки исполнения законов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2018. № 2.
3. Винокуров А.Ю. К вопросу о правовой регламентации прокурорской проверки // Административное и муниципальное право. 2017. № 8.
4. Винокуров А. Ю. Понятие и классификация прокурорских проверок и принципы их проведения // [А. Ю. Винокуров] Избранные статьи. В 3-х т. Т. 2.— А. Ю. Винокуров. — М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. С. 444–452.
5. Исаева А. И. Незаконная добыча рыбы на акватории Дагестанского побережья Каспийского моря (уголовно-правовой и криминологический анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2002. С. 82–100.
6. Казаков В.В. К вопросу о должной организации аналитической работы в прокуратуре города, района // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 3. С. 31–37.
7. Каленов С. Е. Уголовно-правовая охрана водных биологических ресурсов: по материалам Дальневосточного федерального округа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. С. 19.
8. Ларичев В.Д., Васильев Э. А., Земский В. В., Раманаускас А. Э. Уголовно-правовые, криминологические и оперативно-розыскные проблемы борьбы с преступлениями в сфере оборота водных биологических ресурсов: монография. — М.: Юрлитинформ, 2013.
9. Ломовский В. Д. Прокурорская проверка исполнения законов: учебное пособие. Твер. гос. ун-т. — Тверь: ТГУ, 1993.
10. Мордвинова Т.Б., Скаридов А. С., Скаридова М. А. Полярное право: монография / под ред. А. С. Скаридова. М.: Юстиция, 2017. (параграф 8.2, доступ через СПС «Консультант Плюс»).
11. Паршина И. А. Незаконная добыча рыбы. Уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 120–134.
12. Ролик А. И. Налоговая преступность, криминогенные детерминанты и предупреждение (по материалам о налоговых преступлениях в рыбной, лесной отраслях и топливно-энергетическом комплексе): дисс. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. С. 123–149.
13. Хатов Э. Б. Состояние единого информационного пространства органов прокуратуры, иных правоохранительных, а также контрольно-надзорных органов и судов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 3. С. 38–41.

© Жеребцова Татьяна Эдуардовна (zherebtsova.t.e@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕДМЕТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О РЫБОЛОВСТВЕ

THE SUBJECT OF PROSECUTOR'S SUPERVISION ON THE IMPLEMENTATION OF LAWS ON FISHERIES

T. Zherebtsova

Summary. The article presents various points of view on the subject of prosecutorial oversight over the implementation of laws, as a result the author formulates the concept of the subject of prosecutors' supervision on the implementation of fisheries laws. The author also comes to the conclusion about the practical necessity of using the word «law» in a broad sense.

Keywords: prosecutor's supervision, subject of supervision, law, fishing, prosecutor's office.

Жеребцова Татьяна Эдуардовна

*Аспирант, Университет Генеральной прокуратуры Российской Федерации; старший помощник Долинского городского прокурора Сахалинской области
zherebtsova.t.e@yandex.ru*

Аннотация. В статье приводятся различные точки зрения на предмет прокурорского надзора за исполнением законов, в результате анализа которых автор формулирует понятие предмета прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве. Также автор приходит к выводу о практической необходимости использования слова «закон» в широком смысле.

Ключевые слова: прокурорский надзор, предмет надзора, закон, рыболовство, прокуратура.

В науке о прокурорской деятельности одним из основных аспектов является определение предмета прокурорского надзора. К примеру, Е.Р. Ергашев справедливо связывает эффективность прокурорской деятельности с достижением в науке и на практике единообразного понимания о предмете прокурорского надзора [5, с. 16–21].

В соответствии с п. 1 ст. 21 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 27.12.2018) (далее — Закон о прокуратуре) предметом надзора за исполнением законов является: соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций; соответствие законам правовых актов, издаваемых органами и указанными должностными лицами. Похожие нормы содержались и в ст. 22 Закона СССР от 30.11.1979 № 1162-Х «О прокуратуре СССР».

Несмотря на вышеприведенные законоположения, вопрос о предмете прокурорского надзора за исполнением законов вообще и в различных отраслях и направлениях прокурорского надзора нельзя признать раз и навсегда решенным.

В.П. Рябцев полагает, что в самом общем виде предмет надзора за исполнением законов определяется в ст. 21 Закона о прокуратуре, который состоит из двух взаимосвязанных, но четко разделяющихся аспектов: соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, а также законность издаваемых правовых актов. По мнению автора, также немаловажны круг и иерархичность законов, за исполнением (соблюдением) которых осуществляется прокурорский надзор [14, с. 26, 156–157].

Схожую точку зрения занимает и А.Х. Казарина [6, с. 189], дополняя ее тем, что не следует жестко связывать результаты надзорной деятельности прокурора с состоянием законности, т.к. это порождает завышенные ожидания от прокурора [6, с. 190]. Обосновывая свой вывод о двухаспектном понятии предмета прокурорского надзора, автор подчеркивает, что в данном определении видится специфика прокурорского надзора, как вида государственной деятельности. Это позволяет более полно и точно определить пределы прокурорского надзора, а также дать оценку эффективности такой деятельности [6, с. 190].

М.С. Шалумов [17, с. 67–68] и В.В. Гаврилов [3, с. 58] определяют предмет прокурорского надзора как испол-

нение законов. При этом последний ученый под исполнением законов понимает как раз-таки соответствие им нормативных правовых актов, действий поднадзорных органов и должностных лиц, соблюдение законов гражданами, а также принятие мер по предупреждению нарушений законов [4, с. 62].

Н.Н. Карпов [8, с. 13] и Б.В. Коробейников [9, с. 23, 89–96] также придерживаются положений Закона о прокуратуре и определяют предмет прокурорского надзора через «соблюдение», «исполнение» и «соответствие» относительно законов. При этом Н.Н. Карпов допускает возможность расширения содержания предмета прокурорского надзора за исполнением законов, добавляя к ним принятые в порядке опережающего нормотворчества нормативные указы Президента Российской Федерации, в частности по приоритетным национальным проектам. Такое отступление, по мнению автора, обусловлено спецификой самих указов и их социальной значимостью [8, с. 30–31].

К.Ф. Скворцов также предлагал включить в предмет прокурорского надзора исполнение указов Президента Российской Федерации общенормативного характера, сделав соответствующее дополнение в Конституции Российской Федерации [11, с. 25].

По мнению Е.Р. Ергашева, прокурорский надзор, как особый вид деятельности прокуратуры Российской Федерации, направлен на исполнение не законов, а определенного вида законодательства [5, с. 19].

Из существа приведенных мнений следует, что наиболее дискуссионным остается вопрос о том, что понимать под словом «закон».

Федеральный закон от 20 декабря 2004 года № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (ред. от 06.03.2019) (далее — Закон № 166) является основным законом, регулирующим сферу рыболовства. Согласно ст. 3 этого законодательного акта законодательство о рыболовстве и сохранении водных биоресурсов состоит из настоящего Федерального закона, других федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации. Кроме того, отношения в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов могут регулироваться также указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации, в пределах полномочий, определенных Законом о Рыболовстве, другими федеральными законами, а также нормативными указами Президента Российской Федерации. Нормативные правовые акты могут быть изданы органами исполнительной власти федерального и регионального уровней, а также органами местного самоуправления.

В этой связи, в целях осуществления прокурорского надзора за исполнением данного закона, обоснованно возникает вопрос о том, как понимать слово «закон» — в широком или узком смысле. Нужно ли под законом понимать только федеральные, в том числе конституционные, законы или будут в это число входить и законы субъектов Российской Федерации.

Некоторые авторы толкуют положения п. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре в буквальном смысле. Так, А.Я. Сухарев не видит каких-либо проблем и считает, что законодательство о прокуратуре вполне определено и однозначно исходит из положений о связи надзорной функции только со сферой исполнения законов [13, с. 205–206].

По мнению В.Б. Ястребова [13, с. 176] и Н.В. Субановой [15, с. 97] сама постановка такого вопроса является серьезной теоретической ошибкой.

В юридической энциклопедии слово «закон» понимается в двух значениях:

- ◆ в собственно юридическом смысле это нормативный правовой акт, принятый высшим законодательным (представительным) органом государственной власти либо в результате непосредственного волеизъявления населения, регулирующий наиболее важные общественные отношения и обладающий наибольшей (после конституции) юридической силой в системе национального законодательства;
- ◆ в широком смысле слова это все нормативные правовые акты в целом, все установленные или санкционированные государством общеобязательные правила, в том числе указы, постановления, инструкции, правила и другие нормативные правовые акты. По мнению авторов-составителей данного словаря, в спорных случаях необходимо понимать закон именно в узком смысле [16, с. 339].

В тоже время, анализ литературы по проблемам общей теории государства и права свидетельствует об отсутствии единого мнения о том, что понимать под словом и одновременно базовой правовой категорией — «закон».

По мнению М.Н. Марченко, проблемой настоящего времени является не сам по себе выбор узкого или широкого понимания закона, а его осуществление в отрыве от исторического развития и сущности самого закона, его эволюции и развития [10, с. 120–121].

В этой связи, также нельзя не согласиться с высказыванием известного российского правоведа Н.А. Буцков-

ского, который еще в XIX веке отметил о необходимости принятия во внимание наличие внутренней связи между основными («коренными») законами, определяющими суть права как регулятора, и дополнительными («распределительными»), которые позволяют реализовать первые [2, с. 78].

Представляется, что спор о понимании значения слова «закон» не может быть решен в рамках теории прокурорской деятельности, это более сложная и имеющая значения для всей правовой системы категория. В такой ситуации нельзя оставлять без внимания социально-экономические реалии, а также качество нормативных правовых актов и уровень развития государственно-правовых институтов. В противном случае это может негативным образом сказаться на достижении целей прокурорского надзора за исполнением законов, в частности о рыболовстве.

Учитывая нынешние реалии, некоторыми учеными в сфере прокурорского надзора неоднократно высказывались мнения о возможности (при определенных условиях) прокурорского надзора за исполнением подзаконных нормативных правовых актов. Так, Н. Д. Бут, не отрицает, что при непосредственном осуществлении прокурорского надзора, подзаконные нормативные правовые акты нередко дают возможность дать более правильную оценку проверяемым действиям [1, с. 138].

Приведем простой пример. Статья 17 Закона № 166 называет 8 рыбхозийственных бассейнов, образованных на территории государства. Правила рыболовства для каждого из них определены отдельными Приказами Минсельхоза России, принятыми в разное время и значительно позднее самого закона. При этом Правила рыболовства конкретно регулируют эту сферу правоотношений для различных видов рыболовства (как и где ловить, какие орудия можно использовать и т.п.), устанавливают требования к сохранению водных биоресурсов и т.д. Без оценки соблюдения требований названных Правил дать оценку законности деятельности по рыболовству конкретного проверяемого лица не представляется возможным.

Принимая во внимание несовершенство нормативного регулирования, авторские позиции уважаемых ученых в области теории прокурорской деятельности, а также данные о многочисленных нарушениях законов и подзаконных нормативных правовых актов полагаю, что правы те, кто говорят о невозможности и абсурдности существования теории без практики и наоборот, поскольку первая дает базу для существования второй, в то же время только на практике можно понять, правильны и жизнеспособны ли выводы чистой теории.

К примеру, по мнению К. Ю. Винокурова, употребляемый в статьях 1 и 21 Закона о прокуратуре термин «закон» следует понимать в собирательном значении, близком к термину «законодательство», а не буквально [12, с. 140].

Российская правовая система так устроена, что ни один закон в полной мере не регулирует ту сферу правоотношений, ради которой он принимался. В каждом случае должно быть большое или малое число подзаконных нормативных актов, в том числе, принятых на муниципальном и локальном уровнях. Рыболовство в данном случае не исключение, а скорее сложившееся общее правило.

Учитывая изложенное полагаем, что под предметом прокурорского надзора за исполнением законов в сфере рыболовства, как одной из подотраслей прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства, следует понимать соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законодательства о рыболовстве, федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций в сфере рыболовства, а также соответствие законам правовых актов, издаваемых вышеуказанными органами и должностными лицами.

В целях систематизации нормативных правовых актов, относящихся к предмету прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве, последние можно классифицировать по различным основаниям.

По юридической силе или по издавшему органу: Конституция РФ; международные договоры и соглашения; Федеральные законы; Указы Президента Российской Федерации; Постановления и иные нормативные акты Правительства Российской Федерации; Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти; Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации; Нормативные правовые акты органов местного самоуправления.

По направлениям деятельности в сфере рыболовства: возникновение права на добычу (вылов) ВБР; порядок добычи (вылова); осуществление рыболовства; в сфере аквакультуры (рыбоводства);

По характеру регулируемых правоотношений: общие (т.е. регулируют только деятельность по рыболовству) и специальные (т.е. иное природоохранное

законодательство, соблюдение которого необходимо в ходе осуществления деятельности по рыболовству и нарушение которого могут оказать негативное влияние на дальнейшую деятельность по рыболовству, а также сохранения водных биологических ресурсов, к примеру, в сфере охраны вод; в сфере охраны окружающей среды; в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия и т.д.).

Как видно, предмет прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве не может ограничиваться только исполнением законов, но включает в себя и надзор за исполнением нормативных правовых актов федеральных органов, органов власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления. Анализ норм Закона № 166 показал, что он не рабо-

тал бы без дополнительных подзаконных нормативных правовых актов, в том числе о рыбохозяйственных бассейнах, порядке определения квот и т.д.

Учитывая вышеизложенное, полагаем необходимым отнести к предмету прокурорского надзора за исполнением законов о рыболовстве не только нормы законов, в частности Закона № 166, но и подзаконных нормативных правовых актов, направленных на непосредственное исполнение законов в обозначенной сфере. В связи с этим целесообразно в каждом акте прокурорского реагирования, принимаемого по фактам устранения нарушений в сфере рыболовства, последовательно связывать правовые положения, обосновывающий факт допущенного нарушения, от норм законов до норм конкретного подзаконного акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бут Н. Д. Теоретические, правовые и организационные основы прокурорского надзора за исполнением законов о свободе экономической деятельности в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011.
2. Буцковский Н. А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. — СПб., 1874.
3. Гаврилов В. В. Сущность прокурорского надзора в СССР. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984.
4. Даев В. Г., Маршунов М. Н. Основы теории прокурорского надзора. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990.
5. Ергашев Е. Р. К вопросу о понятии и признаках предмета и объекта прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 16–21.
6. Казарина А. Х. Теоретические и прикладные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов экономической направленности: Дис. ... докт. юрид. наук, М., 2009.
7. Карпов Н. Хорошая теория — залог успешной практики // Законность. 2008. № 7. С. 13.
8. Карпов Н. Н. Прокурорский надзор за исполнением имеющих нормативный характер указов Президента Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 5.
9. Коробейников Б. В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник. — М.: Юристъ, 2006.
10. Марченко М. Н. Источники права: учебное пособие. — М.: Проспект, 2018.
11. Проблемы развития правового статуса Российской прокуратуры (в условиях переходного периода). — М., 1998. — 92 с.
12. Прокурорский надзор. Курс лекций и практикум — 7-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ю. Е. Винокурова. — М.: Издательство «Экзамен», 2006.
13. Прокурорский надзор: учебник / под ред. А. Я. Сухарева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2018.
14. Рябцев В. П. Прокурорский надзор: Курс лекций. М.: Норма, 2006.
15. Субанова Н. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере лицензирования: вопросы теории и практики / М.: Юриспруденция. 2010.
16. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия, изд. 6-е, доп. и перераб. — М.: Изд. Тихомирова М. Ю., 2013
17. Шалумов М. С. Прокуратура в современном Российском государстве. — Монография. — Кострома, 2001.

© Жеребцова Татьяна Эдуардовна (zherebtsova.t.e@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

SPECIFIC FEATURES AND FEATURE OF NATIONAL LAW AND LEGAL CULTURE OF EASTERN CIVILISATION

**Z. Kalandarishvili
A. Rashchupkin**

Summary. Going to research of specificity and features of the national law and legal culture of the Eastern civilization it is necessary to note that the Eastern type of a civilization (east civilization) is historically the first type of the civilization which has formed to III millennium BC on the Ancient East: Ancient Japan, Ancient China, in Ancient India, Ancient Egypt and Mesopotamia.

Eastern civilization is a "human-human" civilization system, a model of worship of virtuous nature and the doctrine of man. It embodied the values of the "unity of mankind".

Indeed, the countries of Eastern civilization are still dominated by non-rational mechanisms of knowledge and development of the world. The Eastern system of law as a whole is based on an irrational perception of the world, and a person of this culture has always been alien to one-sided rationalization, and even more so, the economization of thinking as an extreme manifestation of it.

Keywords: Law, state, civilization.

Каландаришвили Зураб Нодарович

К.ю.н., к.п.н., доцент, Санкт-Петербургский
Гуманитарный Университет Профсоюзов
zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Ращупкин Андрей Владимирович

Аспирант, Санкт-Петербургский Гуманитарный
Университет Профсоюзов
si_ege@inbox.ru

Аннотация. Переходя к исследованию специфики и особенностям национального права и правовой культуры Восточной цивилизации следует отметить, что Восточный тип цивилизации (восточная цивилизация) — это исторически первый тип цивилизации, сформировавшийся к III тысячелетию до н.э. на Древнем Востоке: Древней Японии, Древнем Китае, в Древней Индии, Древнем Египте и Месопотамии.

Цивилизация восточная представляет собой «человеко-человеческую» цивилизационную систему, модель поклонения добродетельной природе и учению о человеке. Она воплотила ценностные воззрения «единства человечества».

Действительно, до сих пор в странах Восточной цивилизации господствуют внерациональные механизмы познания и освоения мира. Восточная культура в целом основана на внерациональном восприятии мира, и человеку этой культуры всегда был чужда однобокая рационализация, а тем более, экономизация мышления, как крайнее ее проявление.

Ключевые слова: Право, государство, цивилизация.

Характерными чертами становления права в Восточной цивилизации являются:

- ♦ познание ценностного значения и смысла явлений и процессов;
- ♦ возникновение личностного начала в процесс познания и его результаты, связанные с необходимостью учителя. Стремление к личному самосовершенствованию;
- ♦ особое мировоззренческое представление — полная несвобода человека, предопределение всех действий и поступков, независящими от него силами природы, социума, богов и т.д;
- ♦ низкая подвижность и слабое разнообразие всех форм человеческой жизнедеятельности;
- ♦ нравственно волевая установка не на познание и преобразование мира (отказ от активного вмешательства в природные процессы), а созерцательность, безмятежность, мистическое единение человека со средой обитания (природой), сосредоточенность на внутренней духовной жизни;

- ♦ построение общественной жизни на принципах коллективизма;
- ♦ политическая организация жизни в форме деспотий, в которых осуществляется абсолютное преобладание государства над обществом;
- ♦ традиционализм как ориентация на воспроизводство сложившихся форм образа жизни и социальных структур, строгое соблюдение традиций данной социальной группы;
- ♦ экономической основой жизни является корпоративная и государственная форма собственности.

Не случайно, что экономический прорыв стал возможен именно в классических странах восточной цивилизации — Японии, Китае, Тайване, Южной Корее, то есть в странах с нетрадиционным мировоззрением. Бережное сохранение и умножение нерациональных и неэкономизированных способов освоения мира, позволило странам Восточной цивилизации воспользоваться результатами развития мировой цивилизации, причем, без

тех чудовищных издержек, которые были бы неизбежны в случае простого дублирования модели Западной цивилизации. Следует заметить, что в целом в восточных культурах, центральная роль, по-прежнему, принадлежит обычному праву, сохранившему морально-религиозную окраску, основным принципом выступает феномен гармонии. Для восточных цивилизаций, вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности в условиях безраздельного господства государственной собственности, коллективной трудовой деятельности и сакрализации сильной централизованной власти характерным является представление о мире людей как неотъемлемой части естественного порядка, нарушение которого неизбежно ведет к хаосу и беспорядку.

Следует заметить, что культуры Востока и Запада по-разному воспринимают и осваивают окружающий мир. Начиная с эпохи Нового времени, западная цивилизация строится на основах рационализма, что обуславливает индивидуалистический крен в вопросах взаимоотношения человека и мира. Отсюда и специфическая иерархия ценностей, в которой верховное место занимает бытие личности. Отсюда же и динамичный, подвижный характер западного общества, который позволил достичь невиданных успехов в науке, технике и материальном производстве. Если типологические особенности западной культуры: антропоцентризм, безграничная познаваемость мира и познающая активность субъекта, совершенствование мира в соответствии с человеческими представлениями и проектами, ориентация на будущее, потребительски организованное бытие, отсутствие глубокой личной религиозной веры то типологические черты культуры Востока совсем другие: в основе мироздания — высшая трансцендентная воля, человек на службе истине, наличие принципиально непознаваемого и самораскрывающаяся активность объекта, изменение человека как части мира в соответствии с изначальным, не человеку принадлежащим замыслом.

Что касается национально-правовых культур стран Восточной цивилизации, то в этих странах основным источником права выступают нравственно-религиозные сборники, в которых не проводится четкого различия между требованиями религии, морали и права. Нравственно-религиозные истоки японского, китайского, индусского и арабо-мусульманского права столь глубоки, столь устойчивы, что даже «европеизация» и «американизация» не смогли коренным образом изменить природу их национального права.

Переходя к анализу культуры, в том числе национально-правовой, ведущих стран Восточных цивилизаций следует отметить, что Японию отличает поразительная способность заимствовать и усваивать, перенимать и развивать достижения других народов,

культуры, сохраняя при этом свое национальное, своеобразие, японское. Особенно сильное влияние на культуру Японии оказала соседняя китайская цивилизация в самых разных аспектах, она впитала и переработала в соответствии со своими потребностями традиции конфуцианства, даосизма, буддизма, придав им свои неповторимые черты.

При этом заимствования, хотя и делались практически буквально, интерпретировались в духе воинской самурайской культуры. Так, пришедший через Китай и не пользовавшийся там особой популярностью буддизм школы дзен (японское — тан) прошел процесс синтеза с традиционной японской религией синтоизмом. Уже в XIII веке было провозглашено, что «будда и кадзе различаются только словом, но не сутью». Тем не менее, классический семиричный путь преодоления иллюзорности мира (страдания) в японской культуре был дополнен требованием отказа от своей воли, беспрекословного подчинения старшему. Это привело к особому пониманию свободы. Если либеральная теория, начиная с Гоббса и сформулированная Исаией Берлином, понимает свободу как сугубо отрицательное качество, возможность не подвергаться какому-либо вмешательству извне, то для японской интерпретации буддистской традиции такое понимание оказывается невозможным и ведет к проблемам синхронизации политико-правового вокабуляра Запада и Востока.

Мы полагаем, что в современной национально-правовой культуре Китая сохраняются многие черты прошлых эпох: ценности данной правовой культуры образуют симбиоз марксизма с «Китайской спецификой», а также традиционных конфуцианских и националистических положений; важную роль в китайской правовой культуре играют ценности и установки различных кланов; высокая роль правовых традиций; возрастает значимость национально — этнических ценностей; преобладание групповой справедливости над принципами индивидуальной свободы и нравственный характер требований к государству; высокий уровень общественного согласия; право выполняет служебную роль по отношению к государству и реализует идеологические установки государственной власти.

Анализируя культурные и правовые особенности Индии, следует отметить, что Индия — это одна из древнейших стран мира, создавшая фундаментальные философские системы и религиозные учения. Принадлежит к религиозно-традиционному типу правопонимания (господство синкретизма мышления), Индия оказалась, наряду с мусульманским востоком и Китаем, родиной оригинальной правовой системы, основы которой мы и попытаемся исследовать. Возникновение индусского права относится к первому тысячелетию до нашей эры.

Оно непосредственно связано с арийским завоеванием Индии и ускоренной социальной дифференциацией общества. Для поддержания собственного господства и предотвращения социальных потрясений новые власти страны осуществили разделение населения по этническому признаку и придумали общественное устройство с иерархией, основанной на умственных способностях.

Безусловно, страны Восточной цивилизации сумели, не проходя долгого и мучительного западного пути, добиться фантастических результатов в социальной, экономической и правовых сферах. Не случайно, что, например, экономический прорыв стал возможен именно в Японии, Китае, Тайване, Южной Корее, то есть в странах с нетрадиционным мировоззрением. Бережное сохранение и умножение нерациональных и неэкономизированных способов освоения мира, позволило Востоку воспользоваться результатами развития мировой цивилизации, причем, без тех чудовищных издержек, которые были бы неизбежны в случае простого дублирования западной модели. Япония, к примеру, не ставила перед собой задачи поднять свою экономику во что бы то ни стало, любыми средствами (как это было в Европе, или, скажем, как это происходит у нас в России). И в итоге феноменальный рост материального благосостояния вершится здесь на фоне благоговейного отношения

к национально-правовой культуре, природе и человеку. Тенденция к дегуманизации в культуре удивительным образом переплелась с рождением общества подлинного гуманизма.

Не следует, однако, идеализировать и восточный мир, возводить его в степень некоего непререкаемого авторитета. Восточная цивилизация, как и Западная цивилизация неприемлемы для России в качестве идеала или модели потенциального развития уже потому, что мы обладаем своей собственной самобытной национально-правовой культурой, традицией, наконец, опытом социального устройства. Мы полагаем, что бережное отношение к своей собственной культуре и осторожное освоение зарубежного опыта иногда могут оказаться продуктивнее бездумного копирования чужих схем.

Каким бы неопределенным не виделось нам будущее России, необходимо помнить о том, что любая политика, любые преобразования, любые реформы должны начинаться с четкого осознания, что Россия — это великая страна, со своей собственной историей, с национально-правовой культурой и великими традициями. Россия никогда не была ни представителем Восточной или Западной цивилизаций. Она всегда была именно Россией. Она и сейчас остается Россией и всегда останется только ею.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриценко Г. Д. Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. — Ставрополь, 2003 — С. 42
2. Жилияков И. История мировой культуры (мировых цивилизаций). — Ростов — на — Дону: Феникс, 2002. С. 485
3. Иващенко А. С. Характерные черты Восточных цивилизаций в период Нового времени // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4 (108). — С. 68
4. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. — М.: Юристъ, 2003. — С. 105
5. Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). — М.: Современные тетради, 2003. — С. 345.
6. Столяров Д. Ю., Картунов В. В. Культурология. М.: ГАУ им. С. Орджоникидзе, 1998. — С. 102
7. Честнов И. Л., Каландаришвили З. Н. Культуральные измерения права. — СПб.: ИВСЭП, 2017. — С. 303.
8. Черноков А. Э. Введение в сравнительное правоведение: учебное пособие — СПб.: ИВСЭП, 2007. — С. 149
9. Гуревич. П. С. Культурология. Учебник для вузов. — М.: Проект, 2002. С. 200

© Каландаришвили Зураб Нодарович (zurab.kalandarishvili@yandex.ru), Ращупкин Андрей Владимирович (si_ege@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ, ПРОТЕКЦИОНИЗМОМ

Лебедев Владимир Сергеевич

*Приамурский государственный университет имени
Шолом-Алейхема, Россия, г. Калининград
velbot1976@mail.ru*

CONDITIONS AND MECHANISMS TO COMBAT CORRUPTION, PROTECTIONISM

V. Lebedev

Summary. In this article corruption is considered as an integral social and legal phenomenon, and protectionism, as one of the forms of corruption; the author's view on the problem of corruption is given, examples of its manifestation are given, a number of conditions and mechanisms of fight against corruption and protectionism are reflected.

The relevance of the research topic is due to the manifestation of negative trends, destructive processes associated with the growth of corruption in modern Russia, creating a real threat to the national security of the state, as well as the need to counter this phenomenon, especially in the public service.

Keywords: anti-corruption, protectionism, corruption in the Russian Federation, corruption in the Armed Forces of the Russian Federation.

Аннотация. В данной статье коррупция рассматривается, как целостное социально — правовое явление, а протекционизм, как одна из форм проявления коррупции; приводится авторский взгляд на проблему коррупции, приведены примеры ее проявления, отражен ряд условий и механизм борьбы с коррупцией и протекционизмом.

Актуальность темы исследования обусловлена проявлением негативных тенденций, деструктивных процессов, связанных с ростом коррупции в современной России, создающих реальную угрозу национальной безопасности государства, а также необходимостью противодействия этому явлению, прежде всего в системе государственной службы.

Ключевые слова: противодействие коррупции, протекционизм, коррупция в Российской Федерации, коррупция в Вооруженных силах РФ.

Проблема эффективного противодействия коррупции в российском государстве стоит не первый год, и даже не первое столетие. Объективные принципы исторического развития предопределили серьезные проблемы с коррумпированностью органов государственной власти современной России. К причинам расцвета коррупции можно отнести, как и экономические перепады последних лет, так и глобальный отход от концепции построения государства, культивировавшийся в СССР.

В то же время проникновение коррупции в различные сферы жизнедеятельности общества негативно сказывается, как и на темпах развития государства, так и на его авторитете, на международной арене, что в современных условиях является едва ли не более серьезным показателем. Следствия коррупции в виде ее отдельных проявлений и конкретных последствий также играют существенную роль в негативном восприятии государственной власти как коррумпированной со стороны общества.

На современном этапе динамического развития отечественного государства и права в различных областях общественной жизни формируются новые проблемы и негативные явления. Данная тенденция выглядит

вполне естественной, так как любое развитие подразумевает наличие ошибок, качественное решение которых является показателем эффективности данного направления. В то же время нельзя не отметить того факта, что ряд проблем в современном российском обществе совершенно не новы, а наоборот, имеют достаточно значительную и обширную историю. К числу последних проблем можно отнести коррупцию, которая на сегодняшний день, по оценкам экспертов, все больше и больше пронизывает отдельные области государственного управления и администрирования [2].

Применяемые руководством государства меры направленные на борьбу с указанным отрицательным явлением, безусловно, имеют определенный результат. Однако реалии современного мира говорят о том, что эффективность антикоррупционной борьбы во многих отраслях оставляет желать лучшего. Это обусловлено целым комплексом различного рода факторов, которые в своей совокупности снижают степень эффективности такой борьбы. Причем данные факторы можно классифицировать по множеству оснований, но к числу наиболее существенных, по нашему глубокому убеждению, следует отнести проблемы теоретического и законодательного определения коррупции и мер борьбы с ее проявлениями, а также комплекс организационных про-

блем, который препятствует эффективной практической реализации указанных мер.

В первую очередь, на наш взгляд, следует определиться с формулировкой категории «коррупция». Данный тезис автор считает нужным обосновать тем, что в современной юридической науке определение исследуемого понятия вызывает острейшие дискуссии, и даже законодательное его закрепление вызывает целый ряд вопросов.

Проведя даже поверхностный анализ точек зрения на понятие коррупции и его природу, автор пришел к выводу, что в среде специалистов однозначного понимания феномена коррупции нет в принципе. Есть совокупность представлений о категории правонарушений, которые, по мнению большинства, следует относить к числу коррупционных, в то же время само понятие коррупции большинство специалистов, в наиболее общем виде, трактует как использование должностными лицами публичных возможностей в личных интересах [9].

В принципе, такое восприятие выглядит достаточно понятным и логичным, однако необходимо отметить его незавершенность. То есть, исходя из подобного понятия, специалист не может выявить тех самых критериев, на основании которых он должен признать преступное деяние коррупционным. Именно проблема критериев разграничения, по глубокому убеждению автора, является первопричиной отсутствия четкого определения коррупции в современной научной доктрине.

Внимание к столь теоретическому вопросу не должно вводить в заблуждение, что сформулировав четкое определение, мы сможем сразу построить эффективную модель противодействия коррупции. Однако отсутствие единого понимания о сущности данного негативного явления, к сожалению, напоминает борьбу с ветряными мельницами. По большому счету перефразировав знаменитую детскую сказку антикоррупционную борьбу можно охарактеризовать как: «Пойди туда, не знаю куда, победи то, не знаю что». Пусть подобная формулировка многим покажется nonsensom в рамках научного исследования, однако, по мнению автора, она очень четко отражает суть современной борьбы с коррупцией в России.

Понятно, что абстрактные научные рассуждения на практике реализуются в конкретных законодательных нормах, однако обратившись к законодательству, мы получаем следующую ситуацию.

В Федеральном законе «О противодействии коррупции» законодатель определил данное явление как

злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

На первый взгляд данное определение достаточно четко определяет круг преступлений, подпадающих под категорию коррупционных. Однако даже при отсутствии минимального анализа понятно, что указанное определение не что иное, как банальный список преступных посягательств. Конечно, их объединяет определенная правовая природа и общие черты в механизме их совершения, однако подобный перечень может быть признан определением коррупции достаточно условно, так как он игнорирует те самые критерии, на основании которых данные преступления были отнесены к числу коррупционных.

Безусловно, злоупотребление должностными полномочиями в личных интересах есть тот самый искомый критерий, однако, по мнению автора, нельзя игнорировать также и критерий системности данного явления. Понятно, что общая тенденция коррумпируемости органов государственной власти формируется из конкретных частных проявлений злоупотребления должностными полномочиями, но в то же время, говоря о масштабах коррупции, мы должны четко осознавать, что подобные частные случаи формируют систему, которая и оказывает основное отрицательное воздействие. То есть, проводя антикоррупционные мероприятия, мы должны сломать именно системную коррумпируемость посредством пресечения конкретных преступных посягательств.

Именно, исходя из подобной концепции, автор и уделяет столь пристальное внимание отсутствию в законодательном определении коррупции ссылки на системность данного негативного явления. Критерий системности, на наш взгляд, должен быть законодательно закреплен, а само определение должно быть сформулировано. Данный тезис автор относит к числу положений, выдвигаемых для практической реализации.

Коррупция как социальное явление порождает целый комплекс последствий отрицательного характера. Ряд специалистов, впрочем, выделяет и положительные следствия коррупции, что, безусловно, является предметом отдельного исследования. Обозначенные

негативные следствия затрагивают множество областей общественной жизни и имеют различную практическую оболочку.

Понятие «протекционизм» чаще всего встречается в научных работах, посвященных проблемам экономической теории и политики. Анализ существующей литературы показал, что, несмотря на наличие большого количества научных публикаций, некоторые аспекты этого понятия оказались вне поля зрения отечественных исследователей [3; 4; 5].

Размышляя о протекционизме, очень важно удержаться от крайностей при оценке двух диаметрально противоположных точек зрения:

- ◆ проявления протекционизма наносят ущерб авторитету и экономическим интересам государства;
- ◆ протекционизм есть благо как для экономики, так и для общественной жизни [8].

Об угрозе протекционизма, его отрицательных последствиях для государства и общества постоянно говорят, как государственные деятели, так и рядовые граждане. При анализе протекционизма как явления мы постоянно сталкиваемся с тем, что результаты большинства исследований используются в основном в качестве дополнительных аргументов для осуждений власти и отдельных ее представителей [13]. Успешная борьба с этим явлением требует не только политической воли, но и глубокого понимания его сущности. Однако целостной оценки негативных последствий протекционизма, не говоря уже о математических моделях расчета ущерба для экономики (как, впрочем, и функционирования всей государственной машины), в настоящее время нет. Более того, само понятие «протекционизм» имеет несколько определений.

Если интерпретировать понятие «протекционизм» как подбор людей по знакомству, то в один ряд с ним вполне встраивается и понятие «непотизм».

В той или иной форме непотизм свойственен подавляющему большинству стран. Высшие чиновники, как правило, не могут передать свою власть детям напрямую, однако они используют возможности для предоставления своим близким родственникам руководящих должностей в крупных бизнес-структурах. Тоже явление наблюдается и на государственной службе. В экономической науке непотизм часто оценивается как явление, находящееся на одном уровне с коррупцией, то есть способствующее возникновению кризисных ситуаций. Они порождаются такими факторами, как монополистическая структура экономики, неэффективное регулирование, гарантии конкретным банкам со стороны правительства [14; 15].

Вместе с тем у большинства народов, населяющих Россию, прочность семейных, родственных и корпоративных связей считается достоинством и не всегда осуждается общественным мнением. В связи с этим в общественном сознании отношение к непотизму неоднозначное: от убежденности, что следует помогать своему ребенку в меру возможностей, до жесткого неприятия непотизма как блата и кумовства, формы коррупции.

И протекционизм, и непотизм, пронизывающие часто все уровни государственного аппарата, вовсе не так бескорыстны, как может показаться на первый взгляд. «Маленькие услуги» с использованием должностного положения, благотворительность за государственный счет превращаются в серьезную политическую, правовую, экономическую и моральную проблему. Развитие семейных, родственных, земляческих и корпоративных связей, солидарность с этими общественными сетями автоматически ведут к увеличению незаконных действий. Так, командир любой военной части имеет юридическое и моральное право назначить своего фаворита, сына или зятя на удобную ему должность, или даже помочь повысить его звание [10].

В условиях деятельности государственного аппарата риски возрастают, однако компенсируются за чужой счет. Постоянными спутниками протекционизма являются низкая эффективность управления и снижение авторитета власти [12]. Эксплуатация официального поста и «торговля влиянием» всегда имеют вполне прагматический интерес. Владение соответствующим политическим и административным ресурсом, способность решить проблему в обход формальных правил, расплата за определенные услуги государственными должностями увеличивают власть над людьми, порождают чувство взаимной обязанности. Обмен услугами рассматривается как вид инвестиций в будущее чиновника и политика, разновидность «спасательного круга», который обеспечивает их непотопляемость [7].

Самая большая опасность протекционизма на государственной службе (кумовства, клановости, семейственности, патронажа) заключается в том, что он может проявляться не только в быту, но и на стадии формулирования законов и нормативных актов (под конкретную деятельность министерства, ведомства, организации, а также чиновника, губернатора и т.д.), на уровне обычных кадровых процедур и технологий. Таким образом, условием противодействия коррупции при помощи протекционизма является добропорядочность всех участников данных отношений [6].

Неформальные отношения, которые произрастают на почве протекционизма, создают условия для укрепления коррупционного потенциала, стимулируют дея-

тельность организованных преступных коррумпированных групп и организаций в борьбе за власть и влияние, являются составной частью их стратегии и тактики. Это препятствует нормальному функционированию системы управления, угрожает принципам правового государства, демократии и правам человека. Подрываются стабильность и безопасность общества, разрушаются общественная мораль и нравственные устои.

Кузовков Ю.В. в своем труде «Теория протекционизма» [14] утверждает, что наиболее полно эта теория была изложена немецким экономистом Фридрихом Листом в середине XIX века в книге «Национальная система политической экономии». Она опиралась не только на экономическую историю предшествующих столетий. Ее появлению предшествовали труды многих экономистов, высказывавших похожие мысли и делавших аналогичные выводы, начиная от англичанина Фрэнсиса Бэкона и итальянца Антонио Серра и заканчивая американцами Александром Гамильтоном и Гарри Кэрри — современниками Фридриха Листа [16; 18].

Протекционизм, по определению Ф. Листа, «не есть, как утверждали, изобретение спекулятивных голов, а вызван естественным стремлением наций к самосохранению и к обеспечению своего благосостояния и преуспеяния или к установлению преобладания их над другими нациями». Ученый указывал на важную роль протекционизма в развитии производительных сил нации, складывающихся из развития промышленности, сельского хозяйства, образования, культуры, науки и государственных институтов, подчеркивал роль этих институтов в развитии благосостояния всех индивидуальных членов общества: «Нигде труд и бережливость, дух изобретательности и предприимчивости отдельных лиц не создавали ничего великого там, где они не находили опоры в гражданской свободе, учреждениях и законах, в государственной администрации и внешней политике, а главным образом в национальном единстве и могуществе». Обобщив изложенное, получим:

- ◆ протекционизм есть система развития промышленности и всей экономики страны;
- ◆ протекционизм, развивая производительные силы, положительным образом сказывается на развитии нации;
- ◆ протекционизм способствует увеличению рождаемости и роста населения [17].

Последний тезис необходимо пояснить отдельно. Существует несколько причин (или несколько объяснений) того, почему протекционизм способствует росту рождаемости и естественного прироста населения. Одна из них состоит в том, что протекционизм защищает население от товарных и финансовых спекуляций, которые неизбежно возникают в эпоху глобализации,

и в целом от экономической нестабильности, характерной для такой эпохи. Именно через механизм международных спекуляций и через рост экономической нестабильности глобализация и свободная торговля оказывают отрицательное влияние на демографию, а покровительственная система, наоборот, устраняет это негативное влияние. Вторая причина заключается в том, что протекционизм способствует ускорению экономического роста в стране и как следствие — росту занятости населения и уменьшению безработицы, что приводит к росту рождаемости и снижению смертности. Это тоже подтверждается целым рядом исторических примеров и фактов.

Все эти основные положения теории протекционизма не утратили своего значения сегодня. Скорее, наоборот, в современных условиях роль крупных национальных государств неизмеримо возрастает. Только такие государства обладают достаточной политической самостоятельностью и экономической самодостаточностью (емким внутренним рынком, сырьевыми ресурсами, возможностью создать многоотраслевую экономику) — необходимыми элементами, без которых невозможно рассчитывать на построение национальной экономической модели, альтернативной нынешней глобальной модели, доказавшей свою неэффективность [19].

Для россиян, которым сейчас за сорок пять, такие понятия, как «преемственность поколений», «семейный подряд», «трудовая династия», не пустой звук. По прошествии десятков лет что-то стерлось из памяти, что-то вызывает улыбку умиления. Непреложно одно. Все эти термины, употребляющиеся в настоящее время практически всегда в переносном или ироничном, иногда прямо оскорбительном (кумовство, блат) смысле, тридцать — сорок лет назад активно культивировались и составляли часть государственной идеологии. Такие понятия, как семья, дети, дом, всегда были и остаются самым важным и значимым в жизни каждого человека. При этом возникает вопрос: а если это не просто семья, а трудовая династия, где несколько человек выбрали одну и ту же профессию, и она становится доброй семейной традицией, где существует чувство локтя, атмосфера взаимопонимания и уважения. Тогда эти невидимые нити, связывающие друзей или близких родственников, становятся еще прочнее.

В развитых странах семейные традиции имеют многолетнюю историю и занимают достойное место среди военной службы.

Российские условия пока мало способствуют тому, чтобы нарождающиеся династии военных служащих повторили успех дореволюционных, которые были сильны именно своими традициями [11].

Таким образом, утверждать, как это делают некоторые исследователи, что протекционизм, а также его производные («семейственность», «протезирование», «клановость» и т.д.) являются процессами исключительно и сугубо порочными, несостоятельно. Изложенный материал подтверждает это в полной мере.

При этом стоит отметить, что у протекционизма, безусловно, имеются отрицательные проявления. В связи с этим вполне логично предложить способ, реализация которого, позволит существенно уменьшить влияние протекционизма и кумовства изнутри, не прибегая к репрессивным методам борьбы.

Российское антикоррупционное законодательство [1] является одним из самых жестких и громоздких в Европе, а желаемого результата этой «борьбы» до сих пор не видно.

В нашей стране, с ее особым менталитетом, человеку очень важно быть под управлением стыда и совести, важно ощущать справедливость на всех уровнях. Как у нас работает законодательство, мы знаем: с одной стороны — неприятие сухой буквы закона, с другой — типичное желание поживиться за чужой счет. Поэтому для искоренения коррупции в России важно реанимировать в каждом человеке социальный стыд.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что протекционизм безусловно может быть использован для

противодействия коррупции на государственной службе. Но, не смотря, на это «кумовство» и «клановость» в любой сфере государственного управления в большей степени может способствовать развитию коррупционных формирований. Таким образом, можно сделать вывод, что протекционизм — не лучший способ борьбы с коррупцией.

Не следует также забывать, что коррупция развращает армию, оказывает на нее дестабилизирующее и разрушительное воздействие, как и любой другой социальный или государственный институт. Однако в отношении армии такое негативное воздействие может иметь самые катастрофические последствия, прежде всего для национальной безопасности.

По мнению экспертов, распространенность в армии коррупции среди командиров создает сложную криминальную ситуацию, поскольку в таких условиях становится возможным совершать и другие опасные действия (кража и незаконный оборот оружия, боеприпасов, радиоактивных веществ и ядерных материалов; передача государственных секретов и т.д.). В связи с этим армия очень привлекательна для представителей организованной преступности.

Без всякого пафоса необходимо констатировать, что пресечение коррупции в сфере военно-служебных отношений является сегодня приоритетной задачей как для соответствующих министерств и ведомств, так и для органов военной юстиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Сборник законодательства РФ.
2. Алексеев С. В. Коррупция: социологический анализ / под ред. О. В. Бондаренко. — М., 2018. С. 34.
3. Аштаев Ю. С. Протекционизм в политике: институциональный анализ: диссертация ... канд. полит. наук. — Ростов-на-Дону, 2017. С. 24.
4. Барциц И. Н. Антикоррупционная экспертиза в системе эффективного правотворчества (к разработке методики проведения антикоррупционной экспертизы) // Государство и право. — 2010. — № 9. С. 11.
5. Барциц И. Н. Реформа государственного управления в России: правовой аспект. — М.: Формула права, 2018. С. 9.
6. Боднарчук Т. Л. Анализ современных тенденций развития протекционизма в контексте траектории предшествующего развития // Вопросы управления. 2014. № 1 (7). С. 57–62.
7. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шлатко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2015. С. 64.
8. Герменчук В. В. Политика и государственная служба. Протекционизм как он есть. — Минск: Акад. упр. при Президенте РБ, 2012. С. 17.
9. Гостева С. Р., Рашкин В. В. Коррупция в России: исторические корни, причины, состояние, основы современной нормативно-правовой базы противодействия. — М., 2010. С. 52.
10. Даль, Р. Демократия и ее критики / Р. Даль; пер. с англ. под ред. М. В. Ильина. — М.: РОССМЭН, 2013. С. 13; Зиновьев, А. А. На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. — М.: Астрель, 2018. С. 34.
11. Козлов Т. Л. Профилактика коррупции на военной службе. // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 5. С. 9.
12. Кревельд, Мартин ван. Расцвет и упадок государства / Мартин ван Кревельд; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. — М.: ИРИСЭН, 2016. С. 34.
13. Криштановская О. В. Анатомия российской элиты. — М.: Захаров, 2015. С. 29.
14. Кузовков Ю. В. Теория протекционизма // [Электронный ресурс] Режим доступа. — URL: <http://www.yuri-kuzovkov.ru> (дата обращения 18.03.2019).
15. Панышин О. А. Экспертно-аналитическое обеспечение политики в области противодействия коррупции. — М.: АСМС, 2013. С. 33.

16. Сердюк Е. Ю., Коротков Д. И., Шуклина З. Н. Современное значение протекционизма на уровне государства // Экономика и Социум. 2017. № 1–2 (32). С. 573–580.
17. Середа В. И., Андреюк Н. В. Современные тенденции использования протекционизма в регулировании международной торговли // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер.: Экономика. Управление. Право. 2013. № 3–1. С. 327–333.
18. Страгис Ю. П. Протекционизм: история и теория экономической политики // APRIORI. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 1–7.
19. Цедиллин Л. И. Протекционизм в российской экономической политике: институциональный исторический опыт. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 33.

© Лебедев Владимир Сергеевич (velbot1976@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Калининград

БЕСХОЗЯЙНЫЕ СЕТИ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

UNMANAGED OBJECTS OF ENGINEERING INFRASTRUCTURE

M. Marchishina

Summary. The article deals with the problem questions of unmanaged objects of engineering infrastructure. Author analyzing the concept of unmanaged objects and make recommendations for improvement. Also author analyzing causes of refugee unmanaged objects and ways issuance them into civil flow. Currently, does not have separation of competencies between local self-governments and supplying organization in using unmanaged objects. In addition does not have a uniform legislative regulation for different types of engineering infrastructure. According to the author, this shortcoming in law need to be addressed. The article contains possible measures to remedy the situation.

Keywords: unmanaged objects of engineering infrastructure, local self-government, utility resource, network organization.

Марчишина Мария Александровна

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»; главный специалист, Администрация города Кургана
kuroibmari@gmail.com

Аннотация. в статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с бесхозными сетями инженерно-технического обеспечения. Автор анализирует понятие бесхозных сетей и дает рекомендации по его усовершенствованию. Также автором проанализированы причины появления бесхозных сетей и пути ввода их в гражданский оборот. В настоящее время отсутствует четкое разграничение полномочий органов местного самоуправления и ресурсоснабжающих организаций в сфере использования бесхозных сетей. Кроме того, отсутствует единообразное законодательное регулирование для разных видов инженерных коммуникаций. По мнению автора, данный пробел в законодательстве необходимо устранить. В статье приведены возможные пути решения сложившейся проблемы.

Ключевые слова: бесхозные сети инженерно-технического обеспечения, органы местного самоуправления, коммунальный ресурс, сетевые организации.

На сегодняшний день не теряет своей остроты вопрос бесхозных сетей инженерно-технического обеспечения. Такие сети являются общей проблемой как потребителей, так и органов местного самоуправления и сетевых организаций, к которым эти сети присоединены.

Отсутствие ремонта и текущего обслуживания сетей, не имеющих собственника, приводит к большому числу аварий, что неизбежно ведет к снижению качества предоставления коммунальных услуг населению и увеличению потерь тепло- и электроэнергии. Поэтому первоочередной задачей муниципалитетов является определение субъекта, который будет обеспечивать их техническое обслуживание бесхозных сетей и отвечать за энергопотери.

В силу статьи 225 Гражданского кодекса Российской Федерации бесхозной признается вещь, не имеющая собственника, когда собственник неизвестен или отказался от права собственности на эту вещь.

Некоторые авторы под бесхозными сетями (тепло-, газо-, электро-, водоснабжения, водоотведения) понимают совокупность устройств, предназначенных для передачи ресурса и не имеющих эксплуатирующих организаций [2]. Проанализировав данное определение можно наглядно увидеть различие между категориями «бесхозная вещь» и «бесхозные сети инженерно-технического обеспечения».

Так, главный признак, позволяющий отнести ту или иную сеть инженерно-технического обеспечения к бесхозной, — отсутствие эксплуатирующей организации.

Однако данный подход является не совсем верным, так как бесхозные сети в основном представляют собой часть или участок сети, обеспечивающий бесперебойное обеспечение потребителей коммунальным ресурсом. Эксплуатация бесхозных сетей тем или иным образом осуществляется организацией, сети которой имеют непосредственное присоединение к сетям, не имеющим собственника.

Поэтому более корректным было бы сказать, что бесхозные сети инженерно-технического обеспечения — это совокупность устройств, предназначенных для передачи ресурса и не имеющих эксплуатирующих организаций, которые бы несли ответственность за надлежащее содержание сетей.

Можно выделить следующие причины возникновения бесхозных сетей инженерно-технического обеспечения:

1. Нарушения процедуры приватизации объектов государственной собственности;
2. Банкротство предприятий, создавших сети инженерно-технического обеспечения;
3. Строительство сетей физическими лицами, владельцами индивидуальных жилых домов;

4. Строительство сетей застройщиком для подключения новых объектов жилищного фонда, при отсутствии последующей передачи эксплуатирующим организациям.

В соответствии с действующим законодательством бесхозяйные недвижимые вещи, в том числе и инженерные сети, по заявлению органа местного самоуправления могут быть признаны муниципальной собственностью.

С гражданско-правовой точки зрения процедура принятия бесхозяйных вещей в муниципальную собственность достаточно проста. Государственный орган, регистрирующий права на недвижимое имущество, принимает на учет бесхозяйные недвижимые вещи по заявлению того органа местного самоуправления, на чьей территории они находятся.

Пунктом 3 статьи 225 Гражданского кодекса РФ предусмотрено право, именно право, а не обязанность, органов местного самоуправления обратиться в суд с требованием о признании права муниципальной собственности на бесхозяйный объект после истечения годичного срока со дня постановки бесхозяйной недвижимой вещи на учет в органе, осуществляющим государственную регистрацию прав на недвижимое имущество.

Однако данный подход противоречит нормам иных законов. Так, в силу п. 4 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения поселения относится, в том числе, организация в границах поселения электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом.

Таким образом мы имеем коллизию норм права. С одной стороны, органы местного самоуправления в целях исполнения возложенных на них обязанностей обязаны принимать меры по своевременному включению в состав муниципальной собственности бесхозяйного недвижимого имущества. С другой стороны, принятие бесхозяйного имущества в муниципальную собственность является правом муниципалитета и принудить к совершению данных действий, казалось бы, нельзя. Однако данный вопрос можно считать разрешенным судебной практикой.

Так широко распространена практика обращения прокуроров с исками о признании незаконным бездействия органа местного самоуправления, выразившегося в непринятии мер по постановке на учет бесхозяйного недвижимого имущества — сетей инженерно-технического обеспечения.

Поскольку самостоятельно органы местного самоуправления не спешат обращаться в суд с исками о при-

знании права собственности на бесхозяйные сети, что связано с рядом объективных причин.

Главной из которых можно назвать, дефицит денежных средств для содержания объектов инженерной инфраструктуры.

По данным Федеральной службы государственной статистики, по состоянию на май 2018 года общая протяженность уличных сетей водоснабжения, теплоснабжения и водоотведения составляет 631027,1 км. Из них 255967,46 км находятся в аварийном состоянии и нуждаются в замене, что составляет почти треть от протяженности всех труб [9]. И это только официальная статистика, которая основана на нормативных показателях износа.

Поскольку большое количество инженерных коммуникаций было построено еще в советский период и не менялось, по оценкам независимых экспертов износ инженерного комплекса составляет от 70 до 80 процентов [8].

В сложившейся экономической ситуации большинство муниципальных образований не могут самостоятельно за счет бюджетных средств привести изношенный инженерный комплекс в надлежащее состояние.

Из-за дефицита денежных средств следует другая причина нежелания муниципалитетов принимать бесхозяйные сети инженерно-технического обеспечения в муниципальную собственность. А именно невозможность самостоятельно их обслуживать.

Для некоторых видов инженерных сетей действующим законодательством установлено, что органы местного самоуправления могут самостоятельно не обслуживать бесхозяйные инженерные коммуникации, а передавать их на обслуживание ресурсоснабжающим организациям.

Однако поскольку у ресурсоснабжающих организаций отсутствует экономический интерес обслуживать такие сети, то как правило они придумывают все новые способы для уклонения от подписания передаточных актов. И единственной возможностью для органов местного самоуправления передать бесхозяйные объекты для эксплуатации является обращение в суд с требованиями о понуждении ресурсоснабжающих организаций подписать акты приема-передачи бесхозяйных сетей.

В этой связи выгодно отличается правовое регулирование о теплоснабжении. В случае выявления бесхозяйных тепловых сетей орган местного самоуправления в течение тридцати дней с даты их выявления обязан определить теплосетевую организацию для осуществле-

ния содержания и обслуживания указанных бесхозяйных тепловых сетей [7].

После принятия органом местного самоуправления соответствующего ненормативного правового акта у теплосетевой организации возникают обязанности по осуществлению содержания и обслуживания бесхозяйных тепловых сетей.

Безусловно это связано с необходимостью соблюдения принципа обеспечения бесперебойного и надежного снабжения потребителей тепловой энергией. Однако нельзя сказать, что другие коммунальные ресурсы, к примеру электроэнергия, являются менее значимыми для поддержания комфортного уровня жизни граждан. Но для иных бесхозяйных объектов инженерно-технического обеспечения аналогичное законодательное регулирование отсутствует.

Законодательством о водоснабжении и водоотведении установлено, что эксплуатация бесхозяйных объектов централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и водоотведения осуществляется гарантирующей организацией либо организацией, которая осуществляет горячее водоснабжение, холодное водоснабжение и водоотведение и водопроводные и канализационные сети которой непосредственно присоединены к указанным бесхозяйным объектам, только со дня подписания с органом местного самоуправления передаточного акта указанных объектов [6].

А, как известно, споры о подписании передаточных актов могут продолжаться не один год, что негативным образом сказывается на содержании бесхозяйных сетей. Поскольку гарантирующие организации фактически эксплуатируют бесхозяйные сети для передачи коммунального ресурса до конечного потребителя, но ответственность за их ненадлежащее состояние не несут, ремонтные работы не осуществляют.

Однако больше всего трудностей возникает с бесхозяйными объектами электросетевого хозяйства, поскольку механизм передачи не имеющих собственника объектов электросетевого хозяйства и иных объектов электроэнергетики в эксплуатацию сетевой организации гражданским законодательством и законодательством об электроэнергетике на сегодняшний день фактически отсутствует.

Действующим законодательством об электроэнергетике установлено, что до момента признания права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь, но после постановки ее на учет как бесхозяйной, орган, местного самоуправления вправе передать этот бесхозяйный объект электросетевого хо-

зяйства в управление гарантирующему поставщику или сетевой организации на основании не предусмотренного законом договора гражданско-правового характера (пункт 2 статьи 421 ГК РФ), условия которого определяются по усмотрению сторон.

Заключение

договора и принятие сетевой организацией на обслуживание бесхозяйных объектов электросетевого хозяйства влечет возникновение у нее прав владения и пользования указанным имуществом на основании и с момента вступления в силу такого договора.

Однако в отсутствие нормативно-правового регулирования обязать сетевую организацию заключить подобный договор представляется весьма затруднительным.

В случае, если ресурсоснабжающая организация осуществляет фактическое владение и пользование бесхозяйными объектами инженерно-технического обеспечения, она может приобрести право собственности на указанное имущество в порядке приобретательной давности.

Еще одним вопросом, требующим разрешения, является вопрос, кто обязан оплачивать потери, возникающие в бесхозяйных сетях.

Здесь можно привести в пример законодательство об электроэнергетике. Согласно статье 38 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», ответственность за надежное обеспечение потребителей электрической энергией и ее качество, лежит на сетевых организациях, энергопринимающие установки которых присоединены к объектам электросетевого хозяйства, не имеющим собственника, чей собственник не известен или от права собственности на которые собственник отказался.

Такой подход законодателя вполне обоснован. Поскольку именно профессиональные участники розничных рынков электрической энергии обязаны обеспечить надежное и бесперебойное снабжение потребителей энергией вне зависимости от наличия в системе энергоснабжения бесхозяйных объектов электроснабжения, так как бесхозяйные сети являются частью электросетевого хозяйства, с использованием которого сетевые организации оказывают услуги по передаче электроэнергии и получают соответствующую оплату.

О том, что проблема бесхозяйных инженерных сетей продолжает оставаться актуальной, свидетельствует обширная судебная практика.

Ранее суды удовлетворяли требования о взыскании с муниципальных образований задолженности по оплате потерь электрической энергии в бесхозяйных сетях. Однако в 2007 году Закон об электроэнергетике был дополнен нормами относительно бесхозяйных объектов электроэнергетики.

Теперь ни потребитель электроэнергии, ни органы местного самоуправления, не являющиеся собственниками сетей, не обязаны оплачивать потери в бесхозяйных сетях.

Подводя итог, необходимо сказать, что постановка на учет бесхозяйных объектов инженерно-технического обеспечения играет большую роль в надежном и бесперебойном

снабжении потребителей (физических и юридических лиц) коммунальными ресурсами.

На профессиональных участников рынка обеспечения населения коммунальными ресурсами должна возлагаться обязанность по надежному и бесперебойному снабжению потребителей энергией вне зависимости от наличия в системе бесхозяйных сетей.

Одинаковые проблемы, возникающие на рынках электрической и тепловой энергии, связанные с энергопотерями в бесхозяйных сетях, должны регулироваться сходным образом. Необоснованные различия в правовом регулировании неприемлемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылова Е. М. Эксплуатация бесхозяйных объектов электросетевого хозяйства // Экономика, государство, общество. 2013 г., № 15;
2. Матяшук С. В. Бесхозяйные тепловые сети в гражданском обороте: необходимые изменения в законодательстве и судебной практике // URL: <http://отрасли-права.рф/article/7343> (дата обращения 30.05.2019);
3. Петров Д. А. Объекты электросетевого хозяйства как бесхозяйные вещи // URL: <https://ppt.ru/news/111827> (дата обращения 30.05.2019);
4. Соловьев Е. С. Полномочия органов местного самоуправления в области управления муниципальной собственностью и проблемы их реализации на современном этапе // Kant. 2015 г. № 4 (17);
5. Фаст О. Ф. Некоторые аспекты приобретения прав на отдельные бесхозяйные объекты коммунальных услуг // Вестник Саратовской государственной академии. 2017. № 5 (118).
6. Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» // Российская газета, № 278с от, 10.12.2011.
7. Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // Российская газета, № 168, от 30.07.2010.
8. Время менять сети: обзор состояния коммунального хозяйства в РФ. На что меняют старые трубы? // URL: <https://rcmm.ru/stroitelnye-materialy/41485-vremya-menyat-seti-obzor-sostoyaniya-kommunalnogo-hozyaystva-v-rf-na-chto-menyayut-starye-truby.html> (дата обращения 05.06.2019).
9. Официальная статистика // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/housing/# (дата обращения 05.06.2019).

© Марчишина Мария Александровна (kuroibmari@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИНЦИП ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ (ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)¹

THE PRINCIPLE OF EXPEDIENCY IN MODERN RUSSIAN LAW (CIVIL LAW ASPECTS)

A. Marina

Summary. The author analyzes the concept and essence of the application of the principle of expediency in modern civil law. The principle of expediency has long been considered in the domestic legal science in relation to measures of legal responsibility and in opposition to the principle of legality. However, at the present time, despite the mention of expediency, which is found in normative acts and materials of judicial practice, as a basis for the activities of courts and other entities, this legal phenomenon has not received due analysis and elaborated conceptual apparatus. In this connection, as a result, the conclusion is made about the need to directly establish the concept of the principle of expediency in normative acts with a view to eliminating the gap that has arisen.

Keywords: principle, legal principle, expediency, principle of expediency, principle of legality, principle of contra legem, judicial discretion.

Марьина Анастасия Александровна

*К.ю.н., доцент, АНО ВО «Московский Международный
Университет»
Marina.a.a@inbox.ru*

Аннотация. Автор статьи анализирует понятие и сущность применения принципа целесообразности в современном гражданском праве. Принцип целесообразности долгое время рассматривался в отечественной правовой науке применительно к мерам юридической ответственности и в противопоставлении с принципом законности. Однако в настоящее время, несмотря на упоминание целесообразности, встречающееся в нормативных актах и материалах судебной практики, как основы деятельности судов и других субъектов, это правовое явление не получило должного анализа и выработанного понятийного аппарата. В связи с чем, в результате делается вывод о необходимости прямого установления понятия принципа целесообразности в нормативных актах с целью устранения возникшего пробела.

Ключевые слова: принцип, правовой принцип, целесообразность, принцип целесообразности, принцип законности, принцип contra legem, судебское усмотрение.

С учетом того, что правовые принципы являются определенным началом, источником, базисом на котором выстраиваются не только отдельные нормы, институты и отрасли права, но и вся система законодательства, рассмотрение понятий отдельных видов принципов, их взаимодействие, соотношение и реализация несомненно важны на любом этапе развития правовой системы.

Следует отметить, что общий смысл большинства правовых принципов должен пронизывать всю систему правовых норм и правоприменительной деятельности, тем не менее, традиционно выделяют общеправовые, конституционные принципы (законность, демократизм, принцип гуманизма и другие), межотраслевые принципы (в частности, принцип состязательности сторон, характерный для отраслей гражданского и арбитражного процессуального права), отраслевые принципы (например, принцип презумпции невиновности, действующий в уголовном праве, и характерный для гражданского

права принцип равенства сторон) и институциональные, распространяющие свое влияние на нормы отдельного института.

В литературе большое внимание уделялось и уделяется рассмотрению понятия принципов, их классификации, влиянию на правовые отношения, взаимной связи и диалектике развития. Между тем, в современный период отдельные правовые категории требуют дополнительного анализа и определения их места в общей структуре правового поля. Одним из таких понятий является принцип целесообразности в частном праве, прежде всего, в гражданском праве и гражданском процессе.

Как правило, когда говорят о принципе целесообразности, имеют в виду целесообразность как один из принципов юридической ответственности, наряду с законностью, справедливостью, гуманизмом, неотвратимостью и индивидуализацией ответственности. [6]

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС Консультант Плюс

Такая точка зрения связана, в первую очередь, с историческим провозглашением в послереволюционный период принципа целесообразности применительно именно к выбору мер юридической ответственности — расстрелу. Так, в речи на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий В. И. Ленин утверждал: «Для нас этот вопрос определяется целесообразностью. Само собой разумеется, что Советская власть сохранять смертную казнь дольше, чем это вызывается необходимостью, не будет». [7]

Несколько позже «соотношение советской законности и революционной целесообразности характеризовалось тем, что решение вопросов государственного руководства осуществлялось как на основе декретов, издаваемых центральными органами Советской власти, так и непосредственно на основе революционной целесообразности, поскольку в законодательстве отсутствовали в той или иной мере необходимые указания», [15] что, в свою очередь, обусловило в дальнейшем, во-первых, противопоставление принципа целесообразности принципу законности и, во-вторых, определило, в целом, отрицательное отношение к принципу целесообразности со стороны научного сообщества.

В данное время можно отчасти согласиться с мнением, что внутреннее содержание принципа целесообразности не нашло должного рассмотрения ни в общей теории права ни в отдельных отраслях, хотя эта правовая категория, отражая природу и качественное своеобразие права в целом, присуща всем ее отраслям, а поэтому требует детального изучения. [8]

В настоящей статье применение принципа целесообразности будет рассматриваться в контексте реализации гражданских правовых норм при рассмотрении гражданских дел арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Прежде всего, как отмечалось ранее, целесообразность применима к юридической ответственности, и в этом качестве выступает как соответствие юридической ответственности правовых норм, определяющих юридическую ответственность за конкретное правонарушение и действий субъектов права при его реализации, а также мер юридической ответственности при их установлении в процессе ее реализации целям и общим задачам права.

При этом можно выделить два случая, когда целесообразность имеет значение в установлении юридической ответственности. К таким случаям относятся: 1) применение принципа *contra legem* — вынесение решения на основе принципа целесообразности без учета принципа законности; 2) использование свободы усмотрения — учет принципа целесообразности в процессе применения права. В данном случае решение выносится на ос-

нове принципа законности. [6] Между тем, положения о свободе усмотрения в международном и уголовном праве и использование принципа *contra legem* в настоящее время вызывают большое количество споров.

Более того, выработаны несколько теорий применения принципа *contra legem* на практике. Так, например, А. Федотов утверждает, что возможна модель, при которой, во-первых, правоприменение *contra legem* разрешено не любому суду, а только вышестоящим судам, к которым автор относит высшие суды и суды субъектов Российской Федерации. Во-вторых, проект любого решения *contra legem* должен обсуждаться наиболее опытными судьями, а затем и президиумом данного суда. Также к работе над проектом решения необходимо привлекать общественность, стоит создавать специальные общественные комиссии. В-третьих, вердикт *contra legem* должен быть в обязательном порядке рассмотрен Верховным судом РФ, после чего решение необходимо или отменить, или, в случае одобрения, официально опубликовать. В-четвертых, следует наделить Конституционный суд РФ правом отменить решение *contra legem* даже в том случае, если с ним согласился Верховный суд РФ. В-пятых, правом изменять вердикты *contra legem* должен быть наделен парламент. В-шестых, если парламент квалифицированным большинством голосов подтвердил, что считает определенную правовую норму справедливой и целесообразной, то суды в течение определенного времени не имеют права выносить заключения *contra legem*, связанные с этой правовой нормой. [17]

Думается, что такая модель невозможна в современной России по следующим причинам. Во-первых, приведенный порядок применения принципа *contra legem* ведет за собой повышение вероятности появления большого количества прецедентов как источников права, что в принципе противоречит основам функционирования судебной системы в РФ, во-вторых, реализация на практике в приведенном порядке связана с излишней сложностью конструкции и бюрократизмом вынесения и отмены решения на основании применения принципа *contra legem* и, наконец, в-третьих, применение принципа *contra legem* в данном случае ставит под сомнение надлежащую реализацию принципа законности.

Второй аспект применения принципа целесообразности — свобода усмотрения — стала так же предметом некоторого количества исследований и публикаций, однако, одним из наиболее важных вопросов для рассмотрения целесообразности является вопрос границ усмотрения при вынесении решения.

И в этом случае, принцип целесообразности, проявляющийся в свободе усмотрения, рассматривается, как

правило, применительно к юридической ответственности. При этом, отмечается, что слишком узкое судебское усмотрение противоречит принципам справедливости и индивидуализации назначения наказания и не позволяет всесторонне учитывать личность виновного при назначении наказания, а слишком широкое судебское усмотрение открывает излишний простор для судей, рискуя перерасти в произвол. [12]

А. И. Рарог и Ю. В. Грачёва называют следующие признаки судебного усмотрения: 1) правоприменителю предоставляется относительная свобода выбора при принятии решения, связанного с применением данной нормы к конкретному жизненному случаю; 2) право выбора при принятии правоприменителем решения в пределах, очерченных законом; 3) все решения, из которых правоприменитель может выбрать любое, в равной мере являются законными и обоснованными. 4) обязательный учёт конкретных обстоятельств совершённого общественно опасного деяния при осуществлении выбора одного из возможных решений. На основании указанных признаков авторы дают следующее определение: «Судейское усмотрение в уголовном праве — это осуществляемый в процессуальной форме специфический аспект правоприменительной деятельности, предполагающий предоставление суду в случаях, предусмотренных уголовно-правовыми нормами, правомочий по выбору решения в пределах, установленных законом, в соответствии с волей законодателя, исходя из принципов права, конкретных обстоятельств совершения преступления, а также основ морали». [14]

Таким образом, применение принципа целесообразности ограничивается нормами закона, другими словами, целесообразность ограничивается законностью, последняя устанавливает границы, очерчивая круг возможного поведения. Невозможно принятие целесообразного, но не законного решения.

Следовательно, целесообразность представляет собой необходимость выбора строго в рамках закона наиболее оптимальных, отвечающих целям и задачам общества вариантов осуществления правотворческой и правореализующей деятельности. [16]

Вместе с тем существует мнение, согласно которому при разрешении юридических дел следует опираться не только на закон, обычай, правовую доктрину, но и вообще выходить за пределы юридической сферы. В этой связи Муромцев С. А. писал: «Целесообразность решения, подсказываемого творчеством, определяется критерием, который опирается не только на факты права, но в равной степени на факты экономики, нравственности, религии и так далее, чтобы оценить эту целесообразность, судья призывает на помощь всю совокупность

своих познаний о человеке и обществе, руководствуясь всей житейской практикой. Чем менее юрист приурочивает свое творчество к специально — юридической сфере, тем более оно оригинально и плодотворно». [10] Думается, что подобное утверждение достаточно спорно, поскольку различие в жизненном и житейском опыте судьи, его совокупность знаний о человеке и общественной жизни, в конечном счете, повлечет и нарушение принципа единообразного применения закона и принятие решений, целиком не основанных на законе.

Между тем, целесообразный выбор — выбор разумный ведь не зря целесообразность тождественна разумности. [8]

Несмотря на имеющийся научный анализ принципа целесообразности в рассмотрении гражданских дел и назначении ответственности судами, следует отметить, что гражданским и арбитражным процессуальным законодательством целесообразность никоим образом не определяется. Вместе с тем, рассматриваемая правовая категория периодически упоминается в материалах судебной практики, в постановлениях судов вышестоящих инстанций.

Так, например, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 01.12.2017 N 09АП-59288/2017, 09АП-59287/2017, 09АП-59286/2017, 09АП-59289/2017, 09АП-59285/2017, 09АП-59284/2017, 09АП-60144/2017, 09АП-60145/2017, 09АП-59290/2017 по делу N А40-133715/17-55-1062 указывается, что «...Арбитражный суд при решении должен руководствоваться **принципом целесообразности** для выполнения задач арбитражного судопроизводства, перечисленных в статье 2 АПК РФ Целесообразность в этом случае подчинена исключительно и именно достижению эффективности правосудия». [5] При этом, статья 2 АПК РФ [1], устанавливая задачи арбитражного судопроизводства посвящена защите таких принципов арбитражного процесса, как законность, справедливость и доступность правосудия.

Тем самым, суд, определяя в качестве руководящего начала принцип целесообразности, не противопоставляет его другими принципами, но, наоборот, указывает на него в качестве необходимого дополнительного инструмента и условия реализации других основных начал.

В связи с чем, справедливым будет утверждение, что «в тех случаях, когда закон предусматривает различные варианты решения вопроса в зависимости от конкретных условий либо решение вопроса в указанных законом пределах предоставляется на усмотрение суда, целесообразным будет решение то, которым достигается цель закона». [11]

Несомненно, что при рассмотрении конкретного гражданского дела важен так же «учет конкретных условий применения того или иного нормативно-правового акта, принятие во внимание специфики сложившейся ситуации в момент вынесения решения, выбор наиболее оптимального варианта реализации правовых требований в тех или иных обстоятельствах». [13]

В связи с чем, было бы обоснованно непосредственно закрепить в нормативных актах, регулирующих ту или иную правоприменительную деятельность, понятие принципа целесообразности как определенного руководящего начала.

Следует отметить, что в современной практике рассмотрения гражданских и арбитражных дел сложилось два подхода к применению принципа целесообразности. Первый подход заключается в том, что при вынесении решения судом, в принципе, не важно, исполнимо ли его решение в дальнейшем и каким образом. Главное, чтобы формально решение было законно и обоснованно с позиции именно требований материального и процессуального права.

Второй подход, наоборот, состоит в том, что суд, определяя итог судебного разбирательства, уже предполагает исполнимо ли будет выносимое решение. Иными словами, целесообразны ли будут те или иные меры гражданской ответственности с точки зрения достижения цели закона.

Между тем, принцип целесообразности так же выражается и в том, что суды обязаны руководствоваться законом, как при совершении процессуальных действий, так и при применении норм материального права, что справедливо и в отношении применения других принципов, в частности, принципа законности. [9]

При этом принцип целесообразности прямо упоминается во многих актах материального права, в частности:

- ♦ в Приказе Минпромторга России от 31.03.2015 N665 «Об утверждении Методических рекоменда-

ций по определению технологии в качестве наилучшей доступной технологии» [3] указывается среди основных принципов оценки экономической целесообразности внедрения НДТ: уточнение области применения и оценка наилучшей доступной технологии, сбор и обоснование данных, касающихся затрат на внедрение технологии, определение состава затрат на внедрение технологии;

- ♦ в Указе Президента РФ от 24.01.2011 N86 «О единой национальной системе аккредитации» [2] предлагается считать целесообразным формирование единой национальной системы аккредитации, основанной на определенных принципах;
- ♦ в Положении «О представителе конкурсного управляющего (ликвидатора) финансовой организацией», утв. решением Правления ГК «Агентство по страхованию вкладов» от 31.03.2014, протокол N38, устанавливается, что «деятельность Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» направлена, в том числе, на выполнение следующих задач: осуществление текущих расходов на ликвидационные мероприятия, руководствуясь принципами целесообразности, обоснованности и минимизации производимых расходов». [4]

Следовательно, закон в случаях, когда реализация принципа целесообразности установлена нормами материального права, прямо требует, что бы при вынесении решения суд, в том числе, давал оценку применения принципа целесообразности субъектами спорного правоотношения.

Таким образом, можно говорить о том, что правовой принцип целесообразности, реализуемый при применении гражданских норм,— это принцип, выражающийся в выборе наиболее оптимальных решений в правоприменительной и правореализационной деятельности субъектов права в рамках требований, установленных нормативными актами, с учетом принципов разумности, законности и справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N95-ФЗ // СПС Консультант Плюс
2. Указ Президента РФ от 24.01.2011 N86 «О единой национальной системе аккредитации» // СПС Консультант Плюс
3. Приказ Минпромторга России от 31.03.2015 N665 «Об утверждении Методических рекомендаций по определению технологии в качестве наилучшей доступной технологии» // СПС Консультант Плюс
4. Положение «О представителе конкурсного управляющего (ликвидатора) финансовой организацией», утв. решением Правления ГК «Агентство по страхованию вкладов» от 31.03.2014, протокол N38 // СПС Консультант Плюс
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 01.12.2017 N09АП-59288/2017, 09АП-59287/2017, 09АП-59286/2017, 09АП-59289/2017, 09АП-59285/2017, 09АП-59284/2017, 09АП-60144/2017, 09АП-60145/2017, 09АП-59290/2017 по делу N А40-133715/17-55-1062 // СПС Консультант Плюс

6. Горин А. Е. Принцип целесообразности юридической ответственности как основа вынесения решений // Современное право. — М.: Новый Индекс, 2010, № 4.
7. Дагель П. С. О принципе целесообразности наказания // Правоведение. 1962. № 1.
8. Кузнецов Е. В. Содержание принципа целесообразности, его соотношение с законностью и справедливостью. // Вестник ИрГТУ № 4 (28) 2006.
9. Марьина А. А. Принцип законности в третейском разбирательстве // Право и образование. — 2017. — № 9.
10. Муромцев С. А. Что такое догма права? — М. — 1885.
11. Недбайло П. Е. Вопросы обоснованности и целесообразности применения норм советского прав // Вопросы общей теории права. М 1960. С. 330
12. Непомнящая Т. В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, Екатеринбург: РГТЭУ, 2010. — 46 с.
13. Общая теория государства и и права /Под.ред. М. Н. Марченко. М., — 1998. — С. 318
14. Рарог А.И., Грачева Ю. В. Понятие, основания, признаки и значение судейского усмотрения в уголовном праве // Государство и право. 2001. № 11. С. 98.
15. Рабинович П. М. Борьба за социалистическую законность в РСФСР, 1917–1920 гг. // Правоведение. 1967. № 13.
16. Теория государства и права /Под.ред. В. С. Афанасьева. М.1997, С. 213.
17. Федотов А. Возможно ли применение *contra legem* в демократическом правовом государстве // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 14.

© Марьина Анастасия Александровна (Marina.a.a@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский Международный Университет

ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СУПРУГОВ ПО СЕМЕЙНЫМ ВОПРОСАМ В ГЕРМАНИИ

Набиуллина Виктория Романовна

Старший преподаватель, Государственный аграрный университет Северного Зауралья; Аспирант, Тюменский государственный университет
vitatoriya@mail.ru

THE CONTRACTUAL RELATIONSHIP BETWEEN THE SPOUSES ON FAMILY ISSUES IN GERMANY

V. Nabiullina

Summary. The article presents a comparative analysis of the German contracts of spouses, the possibility of which is provided within the family law. Attention is focused on the similarities and distinctive features of the marriage contract, the agreement of divorce and the agreement of separation of the spouses. These contracts are usually concluded in different stages of life of the spouses, which determines the choice of the type and content of the contract. The functional purpose of contracts is determined by the main purpose of their conclusion. The freedom of these contracts is limited by judicial control over their content and execution. In conclusion, the author comes to the conclusion that there are no contracts in "pure" form, each of the contracts may contain elements of another type of contract. Consideration of these agreements may be useful for Russian law enforcement practice. When writing the article, comparative, logical methods of scientific analysis were used.

Keywords: Marriage contract, divorce agreement, agreement on separation of spouses, freedom of contract, German Civil Code, family law.

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ немецких договоров супругов, возможность заключения которых предусмотрена в рамках семейно-правовых норм. Акцентируется внимание на сходстве и отличительных особенностях брачного договора, соглашения о расторжении брака и соглашения о раздельном проживании супругов. Указанные договоры, как правило, заключаются в разные этапы жизни супругов, что предопределяет выбор вида и содержания договора. Функциональное назначение договоров определяется основной целью их заключения. Свобода этих договоров ограничена судебным контролем их содержания и исполнения. В заключении автор приходит к выводу об отсутствии договоров в «чистом» виде, каждый из договоров может содержать элементы другого вида договора. Рассмотрение данных договоров может быть полезно для российской правоприменительной практики. При написании статьи использовались сравнительный, логический методы научного анализа.

Ключевые слова: Брачный договор, соглашение о расторжении брака, соглашение о раздельном проживании супругов, свобода договора, Гражданский кодекс Германии, семейное право.

По немецкому праву регулирование имущественных отношений супругов возможно в брачном договоре, в соглашении о расторжении брака и в соглашении о раздельном проживании, которые в основном, схожи по своему содержательному характеру, но имеют особенности. Указанные договоры могут содержать положения об имуществе, содержании (алиментах), в том числе на детей, выравнивании пенсионных прав, о вопросах наследования. Договоры заключаются в разные периоды жизни супругов, что определяет их назначение и содержание.

В связи с тем, что нормы семейного права содержатся в Гражданском кодексе Германии (далее ГК Германии), соответственно к брачному договору и другим соглашениям между супругами применяются те же общие положения, что и ко всем другим сделкам (§ § 116, 119, 123, 138, 242, 313 ГК Германии). Правоприменительная практика Германии, подчеркивая основополагающий принцип свободы договора, установила ограничения свобо-

ды в рамках § § 138, 242 ГК Германии. § 138 ГК Германии гласит, что сделка, противоречащая общепризнанным принципам морали, является недействительной, если одна из сторон воспользовалась затруднительным положением, неопытностью, отсутствием здравомыслия, слабостью другой стороны, обещанием материальных преимуществ, несоразмерных собственной выгоде. В § 242 ГК Германии предусмотрена обязанность должника исполнять свои обязательства добросовестно. С 2001 года на основании решений Федерального конституционного суда Германии и Федерального верховного суда Германии суды осуществляют контроль содержания и исполнения брачных договоров в целях предотвращения дискриминации в отношении третьих лиц, детей, одного из супругов по договорам [1]. «Свобода договора в брачно-имущественном праве не ограничивается принципом равенства (пункт 2 статьи 3 Основного закона Германии), поскольку принцип равенства не запрещает добровольное подчинение неравным положениям частно-автономных соглашений» [2].

В связи с этим введённая практика судебного контроля договоров представляется целесообразной с точки зрения ограничения пределов принципа свободы договора. Судебный контроль содержания договоров распространяется на брачные договоры и соглашения о расторжении брака [3].

Основным отличительным признаком брачного договора, соглашения о расторжении брака и соглашения о раздельном проживании супругов можно выделить их функциональное назначение. Пункт 1 § 1408 ГК Германии предоставляет супругам свободу брачного договора, которая включает в себя не только свободу заключения как таковую, но и право супругов определять свои имущественные отношения в рамках существующих моделей режимов собственности супругов. Брачный договор может содержать условия о пенсионных, наследственных правах супругов после расторжения брака. Этот договор с функциональной точки зрения представляет собой договор, касающийся имущественных вопросов супругов в период брака (например, заключаемый в период «кризиса» в браке или в начале брака, как «превентивный» брачный договор), а также перед предстоящим расторжением брака (в целях упрощённого и «мирного» решения имущественных вопросов). Учитывая изложенное, по своему назначению и пониманию брачный договор шире, чем соглашение о расторжении брака, соглашение о раздельном проживании супругов. В связи с этим договорное регулирование семейных вопросов супругов может быть аккумулировано только в брачном договоре.

Соглашение о расторжении брака представляет собой соглашение супругов, в котором стороны «регулируют как продолжающиеся последствия неудачного брака в период после вступления в законную силу решения о расторжении брака, так и, как правило, фактическое урегулирование брачных имущественных отношений, которое, согласно воле супругов, могут возникнуть и завершиться до вступления в законную силу решения о расторжении брака» [4]. Соглашение о расторжении брака может содержать условия, касающиеся недвижимости супругов, предметов домашнего обихода, содержания после расторжения брака, выравнивания пенсионных прав, наследственных вопросов. Основное отличие этого соглашения от других рассматриваемых

договоров заключается в том, что супруги согласовывают его условия перед расторжением брака.

В соглашении о раздельном проживании супругов, как правило, выделяются условия об использовании семейного дома, автомобиля, о распределении всех расходов, о содержании супругов, детей и уходе за детьми. Супруги заключают такое соглашение, например, в период раздельного проживания по причине разногласий, или между пожилыми людьми, которые не планируют расторгать брак. Возможность заключения данного соглашения обусловлена спецификой немецкого законного режима имущества супругов, в котором каждый супруг сохраняет добрачное и брачное имущество в своей собственности и управлении, при этом существует ограничение на распоряжение имуществом [5]. Без согласия другого супруга невозможно распоряжаться имуществом. Доходы от пользования имуществом делятся в равных долях между супругами при прекращении имущественного режима. Для того, чтобы избежать негативных последствий продажи имущества одним из супругов в период раздельного проживания необходимо соглашение о раздельном проживании супругов. Таким образом, назначение и содержание данного соглашения уже в сравнении с брачным договором и соглашением о расторжении брака.

В заключение хотелось бы отметить, что практически не существует «чистых» брачных договоров, соглашений о расторжении брака или соглашений о раздельном проживании супругов. Существуют договоры смешанного типа, которые включают в себя условия нескольких видов договоров, в том числе они могут регламентировать вопросы наследования, пенсионных прав. Например, брачный договор почти всегда содержит элементы соглашения о расторжении брака, поскольку супруги обычно заключая брачный договор, предвещают возможный имущественный спор в будущем. Соглашение о расторжении брака включает в себя элементы брачного договора или соглашения о раздельном проживании супругов. Соглашение о раздельном проживании супругов также может содержать элементы брачного договора или соглашения о расторжении брака. Таким образом, супругам предоставлено право выбора той договорной конструкции, которая полностью будет соответствовать их интересам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Verknennung des Rechts aus GG Art. 2 Abs. 1 iVm Art 6 Abs. 4 auf Schutz vor unangemessener Benachteiligung durch Ehevertrag mit einseitiger Lastenverteilung — Eheschließungsfreiheit und richterliche Inhaltskontrolle ehevertraglicher Vereinbarungen — im Interesse des Kindeswohls Grenzen ehelicher Vertragsabreden // Bundesverfassungsgericht, Urteil vom 06. Februar 2001—1 BvR12/92 —, BVerfGE103, 89—111; Stattgebender Kammerbeschluss: Zur Inhaltskontrolle eines Ehevertrages durch die Gerichte // Bundesverfassungsgericht, Stattgebender Kammerbeschluss vom 29. März 2001—1 BvR1766/92 —, juris; Inhaltskontrolle von Eheverträgen // Bundesgerichtshof, Urteil vom 11. Februar 2004 — XII ZR265/02 —, BGHZ 158, 81—110.

2. Münchener Kommentar zum BGB. 7. Auflage 2017, § 1408 Rn. 10. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 03.05.2019).
3. Schwab D. Familienrecht. 26. Auflage 2018. § 30 Rn. 237. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 05.05.2019).
4. Gsell B., Krüger W., Lorenz S., Reymann C. Grosskommentar. 2018. § 1408 Rn. 54. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 05.05.2019).
5. Dethloff N. Familienrecht. 32. Auflage 2018. § 5 Rn. 50. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 01.05.2019).

© Набиуллина Виктория Романовна (vitoriya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тюменский государственный университет

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК ЯВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

ABUSE OF RIGHTS AS A PHENOMENON OF LEGAL VALIDITY

R. Ocheretnaya

Summary. The article reviews the views of modern scholars on the problem of abuse, of law, there is considered the nature of chicanery and lawful and unlawful abuse of right. The essence of chicanery is revealed, the lawful and illegal abuse of the right is considered. The moral essence of the abuse of law is emphasized. The author substantiates the origin of the category, referring to the opinion of scientists. Examines the phenomenon of abuse of subjective rights in the theoretical aspect. Denotes the features of the legal category, indicates the influence of legal consciousness on the behavior of the subject abusing the right. Offers protection against abuse of rights.

Keywords: abuse of law, chicanery, moral, lawful abuse, unlawful abuse, signs of abuse.

Очеретная Раиса Юрьевна

Аспирант, АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт»; контролер, ОТПК «Санкт-Петербург»
magnitskaya.raya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды современных ученых на проблему злоупотребления правом. Раскрывается сущность шиканы, рассматривается правомерное и неправомерное злоупотребление правом. Подчеркивается нравственная сущность злоупотребления правом. Автор обосновывает происхождение категории, ссылаясь на мнение ученых. Исследует феномен злоупотребления субъективными правами в теоретическом аспекте. Обозначает признаки правовой категории, указывает влияние правосознания, на поведение субъекта злоупотребляющим правом. Предлагает меры защиты от злоупотребления правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом, шикана, нравственность, правомерное злоупотребление, неправомерное злоупотребление, признаки злоупотребления.

В настоящее время не существует принятого единого мнения относительно понятия «злоупотребления правом». В науке и практике остаются вопросы, которые раскрывают сущность данного феномена. Однако в современных условиях исследуемая правовая категория и понятие о ней в юридических источниках размыты, хотя о данной проблематике написано немало количество научных работ, но все же это не уменьшает количество возникающих спорных моментов, а наоборот создает новые вопросы, которые до сих пор являются неразрешимыми и спорными.

Проблема обрела свою актуальность в связи с экономическими проблемами, наличием пробелов в праве, с несовершенством законодательства, и повышением уровня преступности. Нужно учитывать и ту особенность, которая выражается в том, что данное явление правовой действительности носит межотраслевой характер.

Злоупотребление правом приобрело на данный момент весьма острое нравственное настроение, это происходит потому, что рассматриваемая категория обострила взаимосвязь противоречий между моральными и нравственными принципами.

Свой фундаментальный труд по данной теме более 30 лет назад опубликовал выдающийся ученый профессор В.П. Грибанов, в нем рассматриваются проблемы

осуществления и защиты, гражданских прав, последовательно эволюционирует взгляды на развитие данной феномена шиканы, приводится глубокий анализ злоупотребления правом. Благодаря усилиям профессора В.П. Грибанова данная тема стала философской и правовой. В науке развернулись новые споры о данном явлении правовой действительности. Сам профессор Г предложил определить: «Злоупотребление правом: есть особый вид правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [1, с. 19–20].

Но необходимо заметить, что в гражданском законодательстве отсутствует определение «злоупотребление правом». Положения, выдвинутые, Грибановым В.П. положили основу, и предопределили развитие современного законодательства об изучаемом им явлении.

Современный ученый А.А. Малиновский полагает, что если вред причиняется общественным отношениям, находящимся в сфере правового регулирования, то это противоправное злоупотребление правом. А если субъект причиняет вред не охраняемым законом отношениям (при этом имеются в виду аморальные или нецелесообразные злоупотребительские ситуации), то это правомерное злоупотребление правом. Однако автор не учитывает тот факт, что в настоящее время в ч. 3 ст. 17

Конституции Российской Федерации [2, с. 19] закреплен принцип недопустимости злоупотребления правом, все деяния, по мнению автора, следует квалифицировать как противоправные, хотя он и выделяет виды злоупотреблений. Злоупотребление правом, по его мнению, представляет собой осуществление субъективного права, которое причиняет зло.

В работах А. А. Малиновского проблема представляет собой не только преступление, но и деликт. Причем исследователь считает необходимым пояснить, что во время совершения, складывается ситуация, когда субъект использует свое право не по назначению, а для других целей. [3, с. 95–100]. Автор статьи, сталкивается, с проблемой в процессе своей деятельности она рассматривает, и анализирует работы и взгляды современных российских ученых, в которых затрагивалась проблема злоупотребления правом.

С. Г. Зайцева в своем монографическом исследовании попыталась выявить сущность феномена. Основным итогом этого этапа исследования стало высказывание о том, что в случаях со злоупотреблением правом нарушается равенство потенциальных возможностей субъектов права к действию, страдает юридическая свобода, представляемая в одинаковом объеме объективном правом того или иного общества каждому из его членов. Термин «злоупотребления правом» передает основную суть такого процесса использования лицом, возможностей, заключенных в правовой материи, который в итоге порождает зло.

Понятием должны охватываться такие, независимо от способа осуществления, случаи реализации заложенных в нормативном материале возможностей, от которых страдает юридически признанная свобода других лиц [4, с. 10–12].

Большинство современных юристов, которые исследовали данный вопрос, прежде всего, уделяли внимание именно «употреблению» права, не учитывая тот факт, что первой частью данного термина является «зло».

И. А. Ильин считает, «Зло есть, прежде всего, склонность человека, присущая каждому из нас страстное тяготение к пробуждению зверя, тяготение, всегда стремящееся к расширению своей власти и к полноте захвата. Встречая отказы и запреты, наталкиваясь на стойкие пресечения, поддерживающие духовные и моральные грани личного и общественного бытия, оно стремится просочиться сквозь препоны, усыпить бдительность совести и правосознания...» [5, с. 39]. Зло здесь рассматривается как явление тождественное любому социальному вреду, оно причиняет вред общественным отношениям в процессе реализации права.

Феномен — это не преступление, а безнравственный поступок. Это становится, возможно, тогда, когда зло принимает юридическое обличие. Употребление права во зло приводит к нарушению прав лица, а также умалению его интересов. Нравственность — такой способ регулирования человеческого поведения, который основан на противопоставлении добра и зла. Зло, является категорией этики, противоположностью добра, она выражается в безнравственном отношении, которое заслуживает осуждения.

В. С. Соловьев в своих работах пишет, что право и есть принудительное требование реализации минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла. Прежде всего — речь идет о законодательном запрете проявлений. Право, по мнению ученого, заключается в интересе свободы, позволяет людям быть злыми, не вмешиваться в их свободный выбор. «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божие, а только в том, чтобы он — до времени не превратился в ад» [6, с. 518].

Правом разрешено социально — приемлемое зло, но оно вовсе не означает то, что его употребление не перестает быть злоупотреблением.

Субъект может осуществлять выбор, реализуя свое право. Причем некоторые субъекты имеют юридическую защиту, а некоторые ее не имеют. Вред, причиненный в результате осуществления такого субъективного права надо рассматривать в качестве одного из признаков злоупотребления правом. Если вред не причинен, то такое поведение нельзя отнести к злоупотреблению права, ведь право тогда используется не во зло.

Итак, рассматриваемая проблема не только нравственное, но еще и правовое явление. И прежде всего, предполагает наличие у субъекта субъективных прав. Субъективное право — это мера должного поведения субъекта и эта мера предоставляется ему объективным правом. Субъективное право и возможность его практической реализации предоставляется лицу для полноценного осуществления свободы. Будь то (свобода слова, свобода вероисповедания, свобода передвижений). Для обеспечения своих жизненных потребностей (право на отдых, право на охрану здоровья, право человека на социальное обеспечение). А также для реализации творческого потенциала (право на образование, право на труд, право на участие в управлении в делах государства), но не для причинения вреда другим.

К сожалению, юристы не пришли к единому мнению относительно природы рассматриваемой проблемы. Их

мнения разделились на два противоположных лагеря. Одни, считают, что шикана — это разновидность противоправных деяний (И. С. Самощенко, Е. К. Нурпеисов, Мамичев и другие), средством причинения вреда считают осуществление права. Другие наоборот, рассматривают злоупотребление правом как самостоятельное явление. К примеру, Шабуров предлагает рассматривать злоупотребление правом как самостоятельный вид правового поведения, субъект действует в рамках предоставленных ему субъективным правом, и вследствие этого противоправность отсутствует.

Обособленно стоит одна из версий, которая заключается в том, что термин «злоупотребление правом» лишен смысла. Осуществление права не может быть противоправны. Следовательно, о злоупотреблении не может идти речь. Действия, которые совершает субъект, находятся, за пределами права, и когда границы права нарушены, то действие становится вопреки праву. Однако границы права установлены в его нормах. И если принять данную позицию, то следует говорить о неопределенности права, и противопоставлении формы и содержания права, «буквы» и «духа» закона [7, с. 38]. Ярким представителем такой точки зрения является, Малеин Н. С. Он считает, что в данном случае существует выбор, либо субъект действует в границах принадлежащего ему права, либо он выходит за рамки такого права. Тем самым субъект нарушает закон, и рассматривать данное деяние следует как простое правонарушение. В обоих случаях нет идей и общей нормы касающейся злоупотребления правом [8, с. 30].

На наш взгляд вряд ли можно согласиться с данным утверждением, считаю, что правота на стороне тех ученых, которые считают, что суть злоупотребления правом состоит в осуществлении индивидом того или иного права в противоречии с его социальным назначением.

Право — предоставляемое субъекту, если используется не по назначению оно в таком случае, выступает как средство причинения вреда. Законодатель не предоставляет возможность пользоваться своими возможностями для ущемления прав и свобод других лиц, и неисполнение этого также рассматривается как злоупотребление правом.

Назначение конкретного субъективного права предопределяется общими принципами права, принципами конкретной отрасли права, а также обязанностями, которые были возложены управ омочённого субъекта. И если субъект не соотносит свое поведение с принципами гуманизма, справедливости, свободой договора, равенством сторон, разумности и добросовестности, то в таком случае остается только фиксировать факт шиканы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что злоупотребление правом — есть такая форма осуществления своего права, в противоречии с его истинным назначением, посредством которой лицо причиняет вред другому участнику отношений [9, с. 22].

Конечно, в реальной жизни существуют случаи, когда невозможно реализовать право без причинения вреда другому лицу. К примеру, такое понятие как необходимая оборона — лицо может нанести телесные повреждения лицу, нападавшему для защиты своей жизни и своих интересов. В данном примере в каждом конкретном случае необходимо будет учитывать, не превышены ли пределы необходимой обороны. Но даже если данные пределы превышены, лицо вправе рассчитывать на снисхождение. Это предусматривается статьей 61 УК РФ, в числе обстоятельств смягчающих наказание [10, с. 93].

Разного рода злоупотребления необходимо квалифицировать по формам. В зависимости от того, каким общественным отношениям причиняется вред в процессе осуществления права в противоречии с его назначением, злоупотребления правом можно квалифицировать: — правомерные, — и противоправные. К примеру: если деяние противоправно и наказуемо, то оно противоправно, если нет, то правомерно.

Правомерное злоупотребление правом, причиняет вред неохранным законом отношениям, поэтому такие злоупотребления в зависимости от конкретных обстоятельств можно рассматривать как аморальные или нецелесообразные. Аморальные действия субъекта представляют собой такие действия, когда субъект, реализуя свое субъективное право, не соотносит свои действия и представления о добре и зле, хорошем и плохом, отношении к религии, государству, обществу, семье, друг другу.

Л. В. Щенникова учитывая вышесказанное, для обозначения категории «злоупотребления правом» использовать термин шикана, который весьма распространен в континентальном праве [11, с. 20].

Легально злоупотребление правом, субъект может безнаказанно ограничивать (затруднять) возможность реализации прав и законных интересов других лиц.

Например: работники аэропорта организывают забастовку для того, чтобы отменить решение, касающееся, сокращения штатов сотрудников (забастовка организована юридически грамотно), своими действиями они парализуют деятельность не только своего аэропорта, но и других аэропортов и смежных служб (таможни и паспортному контролю). Аморальное осуществление субъектом своего права в виде использование право-

вых предписаний, если в результате этого был причинен вред другим участникам общественных отношений, необходимо рассматривать в качестве легального злоупотребления правом. Субъект в данном случае не совершает правонарушений и не подлежит юридической ответственности.

Другой формой злоупотреблений правом являются противоправные и наказуемые деяния.

Противоправные деяния, которые совершаются субъектами, реализующими свои права и свободы и властные полномочия, простое нарушение правового запрета нельзя рассматривать в качестве злоупотребления.

Субъект совершает их посредством реализации своего субъективного права (правомочия) и это должно находиться в рамках закона. Это касается не только граждан, но и должностных лиц.

Если должностное лицо выходит за рамки правовых предписаний, то его действия квалифицируются как, «злоупотребление должностными полномочиями». Но важно помнить о том, что данные действия можно квалифицировать не как должностное преступление, а как посягательства на права граждан. Например, нарушение тайны переписки, незаконный арест, вынесение неправосудного приговора, присвоение имущества путем должностного подлога [12, с. 7].

Рассмотрим пример: причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, критерием злоупотребления здесь выступает причиненный вред, который является чрезмерным и необходимым. Право предоставляет лицу право на возможность использование силы при задержании, но необходимо помнить, что применяемая сила должна быть соразмерной опасности возникающей для лица, которое осуществляет такое задержание.

Обобщая вышесказанное, выделяем необходимые признаки:

1. Субъект, реализуя предоставленное ему субъективное право, нарушает предписания действующего законодательства;
2. Реализацией субъективного права в противоречии с его назначением причиняется вред охраняемым законом отношениям;
3. Наличие причинной и следственной связи между противоправным деянием и негативными последствиями [12, с. 9].

Конечно, реализуя субъективное право, один человек может руководствоваться не только предписаниями

законодательства, но и своим вероисповеданием и внутренними убеждениями. И поэтому, когда субъект осуществляет действия, он может спросить свою совесть, правильно он поступает или нет. При утвердительном ответе он может вполне спокойно осуществлять свои действия. Поэтому большую роль играет психологический фактор, он либо разрешает, либо удерживает субъекта от совершения им действий, которые могут причинить вред третьим лицам.

Правосознание способно удержать человека лишь в рамках закона, но не морали. Дело в том, что применительно к реализации права добро и зло существует не абстрактно, конкретно в отношении каждого индивида.

К сожалению, право не может быть исключительно возведенным в закон добром, а его реализация только благим делом. И вот как раз в той сфере, где право не совпадает с моралью и возможны легальные злоупотребления правом.

Субъект, злоупотребляющий правом, может искренне считать, что он делает доброе дело, достигая благих целей. Это происходит из-за непостоянности нравственных категорий, изменчивости права в зависимости от исторической обстановки, размываются границы социально приемлемого поведения. Если лицо, злоупотребляющее правом, может считать, что его действия направлены на достижение благих целей, то он свободен и правомерно злоупотреблять правом.

Что в таких случаях может сделать общество, оно может навязать лицу моральные, нравственные критерии оценки его поведения. Может закрепить в законе или осудить правомерный или аморальный поступок лица. Общество не свободно от разного рода проявлений злоупотреблений правом, люди преследуя свои интересы, причиняют вред интересам других лиц. Злоупотребление правом, прежде всего, подрывает нравственные основы общества, способствует увеличению правового нигилизма, и как следствие мы видим правовой произвол. Задачей правового государства современности является построение своей правовой политики таким образом, чтобы ограничить и минимизировать злоупотребление правом.

Российская Федерация — правовое государство, а значит ей свойственно идея прагматичного государства. Но государство изначально является консервативным, оно не только издает законы для себя, но и ограничивает себя для достижения всеобщего благоденствия. Прежде всего, необходимо обязать власть соблюдать уже реализованные законы, а те которые будут приняты, должны быть социально и научно обоснованными. Идея

правового государства, которую так поддерживают «законодатели» нашей страны сводиться именно к тому, чтобы они принимались законы, которые будут отвечать гуманитарным характеристикам и научной оценки обоснованности, это поможет им в конечном итоге достичь

заявленных целей не только на бумаге, но и на практике. Кризис правовых ценностей, наблюдаемых в последнее время, приводит не только к юридическому формализму, и негативному отношению к праву, но и распространению злоупотреблений в праве во всех его отраслях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибанов В. П. // Журнал Юрист. Научно-практическое и информационное издание. № 11 2003 г. с 19–20.
2. Конституция Российской Федерации 12.01.1993 г.
3. Малиновский А. А. // Журнал Российского права № 11 (107) 2005 г. с. 95–100.
4. Зайцева С. Г. // Журнал Юрист. Научно-практическое информационное издание № 4 2003 г. с. 10–12.
5. Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 5 М.: 1995 «Русская книга», с. 39.
6. Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: «Республика» 1996 г. с. 518.
7. Кудрявцев В. Н., Малейн Н. С. Закон и пределы правомерного поведения // Советское государство и право. 1980. № 10. С. 38.
8. Малейн Н. С. Закон, ответственность и злоупотребление правом // Советское государство и право № 11. С. 30.
9. Матусов Н. И. Еще раз о принципе «не запрещенное законом дозволено» // Правоведение. 1993. № 3. С. 22.
10. Алимов Р. Н. Конструкция «злоупотребления правом» как способ ограничения частного интереса (межотраслевое исследование). Интерес в публичном и частном праве. М., 2002. С. 93.
11. Щенникова Л. В. Злоупотребление правом (Дух и буква закона) // Законодательство. 1999. № 5. С. 20.
12. Ответственность за должностное преступление в зарубежных странах. / Под. Ред. Решетникова Ф. М. М.: юр. Лит., 1994. С. 7.

© Очеретняя Раиса Юрьевна (magnitskaya.raya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ

HISTORY OF LEGAL REGULATION OF TRADE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA

**O. Riabova
N. Kusnetcova
T. Matveeva**

Summary. this article is devoted to the history of legal regulation of trade relations between Russia and China. The article analyzes the provisions of international legal acts adopted between the two States in the period from the 16th to the second half of the 19th century.

Keywords: Russia, China, the establishment of legal regulation, trade relations, Russian-Chinese relations.

Рябова Ольга Алексеевна

Преподаватель, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний
frau.lelya2012@yandex.ru

Кузнецова Наталья Александровна

Старший преподаватель, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний
kuz1503@yandex.ru

Матвеева Тамара Павловна

Старший преподаватель, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний
matveeva33@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена истории становления правового регулирования торговых отношений между Россией и Китаем. Анализируются положения международных правовых актов, принятых между двумя государствами в период с 16 по вторую половину 19 века.

Ключевые слова: Россия, Китай, становление правового регулирования, торговые отношения, российско — китайские отношения.

Активные торгово-экономические отношения между Россией и Китаем являются в настоящее время одной из определяющих точек соприкосновения для обеих стран.

Учитывая, что экономика Китая официально признана на первой экономикой мира по ВВП, Россия может рассчитывать на торговые отношения с сильным стабильным партнером.

Однако любые отношения хороши, когда они закреплены правовыми документами. Основа торговых отношений России и Китая были заложены ещё в древности и активно развиваются в настоящее время.

Нужно понимать, что взаимоотношения двух государств и их народов с точки зрения огромной разницы культур, предполагали возникновение сложностей и препон. Однако начало было положено в 16 веке и первопроходцами, отметившимися в истории, стали казацкие атаманы Петров и Бурнаш-Ялышев, которые по приказу царя Ивана Грозного отправились исследовать страну по ту сторону Байкальского озера. [1]. Несмотря на отсутствие политического успеха указанного похода, именно этот визит положил начало взаимоотношениям подданных России и Китая. Роль этих людей в историческом масштабе не столь велика, однако в ис-

следовании торговых отношений её можно назвать ключевой, так как именно Петров и Бурнаш-Ялышев привезли в Китай Россию, а из Китая в Россию привезли Китай. При этом была доставлена информация о правилах торговли в этой далекой стране, которая в будущем, на наш взгляд, помогла сформировать правовую основу торговых взаимоотношений двух стран.

Торговые отношения между государствами носили частный характер, около ста лет российское государство не выражало какой-либо заинтересованности, не имело экономического интереса в торговых сношениях с Китаем, а, следовательно, не требовалось и правового регулирования.

Однако местное население продолжало контактировать друг с другом после известного визита атаманов, налаживая культурные и торговые связи. Начали складываться обычаи делового оборота, которые впоследствии частично лягут в основу правовых регламентов торговли двух государств.

В 17 веке русское купечество и правительство столкнулись с проблемой снижения спроса на пушнину и другие товары, так как рынки Западной Европы стали наполняться пушниной из Северной Америки и шерстью из Англии. Это заставило обратить внимание российских

производителей и торговцев на рынки сбыта в Китае. Увеличилось количество торговых походов между двумя странами, возросла заинтересованность не только в сбыте своих товаров, но и в приобретении товаров из Китая. Такие частые сношения заставили правительство России обратить более тщательное внимание к таким отношениям и потребовали правового вмешательства со стороны государства.

Государственный интерес России к развитию торгового оборота между Россией и Китаем неуклонно рос. Ф. Ф. Мартенс указывает в своем труде: «Единственной целью нашей политики в Китае было развитие коммерческих и дружественных отношений, под условием взаимного сохранения национальной независимости в сфере внутренней администрации и внешних сношений». [1]

В конце 17 — начале 18 веков правовая форма регулирования торговли между двумя государствами выразилась в международно-правовых актах. При этом следует обратить внимание на тот факт, что выстраивая правовые отношения с Китаем, Россия не касалась своего внутреннего законодательства и международных правовых актов в отношении европейских торговых партнеров. Первым актом, регулирующим торговые отношения между Россией и Китаем, стал Нерчинский договор 1689 года. Это был двусторонний правовой акт. Договор представлял собой попытку расширить возможности для межгосударственной торговли. Согласно ст. 5 этого правового акта купцам и иному предприимчивому люду была предоставлена достаточная свобода, подданные обеих стран при условии наличия паспорта получали право покупать и продавать на территории Китая и России. [2] Ф. Ф. Мартенс в своей работе пишет: «...она (статья) узаконила за подданными обоих государств право путешествовать, покупать и продавать во владениях китайцев и русских при условии имения паспорта. Замечательно, что эта статья по отношению к праву торговли не дает никаких ограничений как относительно мест, открытых русскими, так и относительно качества товаров». [1] Если вспомнить Новоторговый устав 1667 года, действующий на тот момент времени и значительно стеснявший права иностранных торговцев, Нерчинский договор был очень демократичным. Это объяснялось тем, что договор создавался в условиях отсутствия стабильных дипломатических отношений между Китаем и Россией. А Россия очень в этих отношениях была заинтересована. Следствием этого стал тот факт, что и этот договор и большая часть соглашений, достигнутых на начальном этапе, принимались на условиях, которые диктовала китайская сторона и для России были невыгодны. Также, по мнению отечественных экспертов, в правовом плане Нерчинский договор не соответствовал нормам международного права, так

как географические определения в тексте договора носили расплывчатый характер, стороны не обменялись ни картами региона, не инструментами ратификации, тексты на двух языках не идентичны друг другу. Поэтому и практическое значение этого договора оказалось гораздо менее значимым, нежели это виделось на бумаге. Это выразилось в том, что у российских чиновников отсутствовала возможность влиять на торговлю и уж тем более её контролировать. Но, необходимо отметить, что впоследствии выявились преимущества, урегулированные вышеуказанными нормами, которые применялись при пушном обороте, а именно указанный вид торговли являлся способом заработка населения, живущего в приграничных с Китаем районах и пополнения казны сибирских городов. Государство также обозначило для себя зону интереса к указанному виду торговли и осуществляло государственное регулирование, которое выражалось в правовой регламентации казенной торговли, так как частная торговля была признана ущербной для государства. Согласно установленным в 1683 году правилам, частная торговля могла осуществляться только после продажи казенных товаров, а в 1706 году частный торг пушниной государство и вовсе запретило.

В 18 веке между Россией и Китаем велики были разногласия, которые мешали развивать торговлю и её правовое регулирование. Лишь в 1727 году Буринский договор закрепил новую границу и в этом же году в городе Кяхте был заключен Кяхтинский договор, который стал новой вехой в политических и торговых отношениях между двумя империями. Был дан новый толчок правовому регулированию торговых отношений, который пошел на пользу двум государствам и стал первой попыткой достигнуть баланса после Нерчинского договора. Указанный договор стал основой стабильных торговых отношений между Россией и Китаем, действовавший до середины 19 века.

Кяхтинское соглашение разрешало не более, чем двумстам купцам из России в целях развития торговли один раз в три года посещать Пекин и торговать без пошлин.[2] Договор содержал много новшеств, которые защищали права торговцев, но в то же время обязывали соблюдать правила и законы принимающей стороны. Так, русские купцы перед посещением Китая должны были уведомить китайскую сторону о своем визите, а те, в свою очередь приставляли к торговой делегации специального чиновника для сопровождения.[2] Совершенные купцами сделки с соблюдением правил, предусмотренных правовым регламентом, считались правомерными и китайская сторона защищала и охраняла права торговцев. Кяхтинское соглашение даже содержало указания на случай смерти купца. Если, находясь в Китае с торговой делегацией умирает правообладатель

того или иного имущества, то вещи брались под охрану китайской стороны и отправлялись на его родину.

Также следует обратить внимание на то, что в 1768 году дополнительной статьей к Кяхтинскому договору предусматривалось создание специальных площадок для торговли, вне территории которых торговля запрещалась. Такие площадки были полностью оборудованы под торговлю и даже имели складские помещения и оборудовались в городе Кяхта и возле Нерчинска и в городе Царухайтуе.[2] Торговля на них объявлялась беспошлинной.[2] Если товары передавались вне этих площадок, то они обращались в пользу государства. Указанные торговые территории совместно охранялись китайской и российской сторонами, а представители обоих государств наделялись полномочиями для разрешения споров. Существовали договоренности о запрещенных к обороту вещах, что также явилось новшеством указанного соглашения.

Таким образом, мы видим, что Кяхтинский договор явился чем-то совершенно новым в правовом регулировании российско-китайской торговли. Это был очень современный и нужный для тех времен правовой акт, который разрешал многие проблемы, существовавшие в торговых сношениях между двумя государствами и их подданными.

В июле 1851 года был заключен Кульджинский трактат. С точки зрения правового регулирования торговых отношений между двумя империями он занимал более высокую ступень по сравнению с предыдущими правовыми актами.

Подписан этот документ был Е. П. Ковалевским с российской стороны и Шанем и Бу Янь-Таем с китайской стороны. Договор открывал для российской торговли города Кульджу (Инин) и Чугунчак (Тачэн). В указанных городах российским купцам китайскими властями отводились специальные места для торговых факторий, за пределами городских округов отводились места для пастбищ, предназначенных для лошадей и вьючного скота, а также участки для кладбищ. Создание удовлетворительных социальных и бытовых условий и получившее правовую регламентацию, такое положение вещей способствовало усилению торговых сношений между двумя странами. Торговцы охотнее отправлялись в путешествие, зная, что находятся под защитой государства. Важным моментом было то, что в торговых факториях разрешалось проводить православные богослужения. Вообще сам факт присутствия в правовом документе такого рода, вопроса, затрагивающего религиозные предпочтения сторон договора является новым для международно-правовых актов России и Китая того времени и положительно сказалось на развитии торговых

отношений, учитывая отношения русских людей к своей вере.

Торговля открывалась с 25 марта и закрывалась 10 декабря. Если купцы не успевали распродать свой товар в указанный срок, то им разрешалось остаться до полной его реализации. В указанных городах между Россией и Китаем устанавливалась беспошлинная торговля и гарантировалась безопасность путешественников. Отпуск товаров в кредит не обеспечивался силой права государства. Если происходили какие-либо споры или жалобы по подобным сделкам, то к рассмотрению они не принимались, но нелегитимными не признавались. Статья 2 договора устанавливала свободную торговлю и установление цен купцами на свое усмотрение. Важным нововведением этого международного акта было разрешение российскому государству назначать своих консулов. Именно на консулов возлагалась обязанность наблюдать за делами российских торговцев и разрешать споры. Китайским властям запрещалось вмешиваться в дела русских купцов. Если же нарушения происходили со стороны китайских подданных, то для разрешения спора прибегали к китайскому уполномоченному. При этом подсудность спора определялась по подданству правонарушителя. [2]. По Кульджинскому договору в группе русских купцов должен был назначаться главный, в обязанности которого входили все сношения с китайской администрацией. Договором предусматривалась охрана товаров, наказание за их грабеж и порядок разрешения российско-китайских конфликтов. Если караван отклонялся от намеченного торгового пути, то вся ответственность за причиненные убытки возлагалась на самих купцов, а китайская администрация полностью снимала с себя ответственность. Если происходило преступление, то вора наказывали по всей строгости с применением права страны пребывания.[2]

Проанализировав указанный правовой акт, мы можем сказать, что он, благодаря своим нововведениям, свежему взгляду на правовое регулирование торговых отношений России и Китая, с учетом политической обстановки и получившим новый толчок к развитию дипломатических отношений двух стран, создал благоприятные условия для развития русско-китайской торговли, которая уже в середине 19 века достигла значительных размеров. Содержание Кульджинского договора позволило России и Китаю навести порядок в торговых сношениях. Хотя нужно отметить, что сама по себе беспошлинная торговля, которая осуществлялась Россией только с Китаем, была ей не совсем выгодна. С другими государствами Россия торговала с применением пошлин.

Все вышеозначенные правовые акты преимущественно регулировали торговлю, которая экономически и политически устраивала на тот момент времени оба го-

сударствам. Но оставалась еще одна категория торговли — частная торговля между населением приграничных районов, которая, по сути, была запрещена еще во времена Нерчинского договора, однако торговые процессы продолжались.

В 1858 году Н.Н. Муравьевым и И-Шанем был подписан Айгунский договор. Важным для торговых отношений в этом договоре было то, что Россия получила под свою юрисдикцию Амурскую область и в совместное с Китаем ведение Уссурийский край. Судходство по рекам Амур, Уссури и Сунгари было разрешено только китайским и российским кораблям. Вход в акваторию рек судам других государств был запрещен. Этот факт лишь усиливал торговые взаимоотношения между двумя империями, так как ставил заслон для торговой экспансии европейских держав на Дальнем Востоке.

Также договором была разрешена приграничная торговля и обмен товарами для поданных со стороны обоих государств, которая находилась вне правового поля. Торговля устанавливалась беспошлинная и свободная, а со стороны представителей власти такая деятельность должна была поощряться и находится под особым вниманием.[2]

Таковы были положения Айгунского договора в области развития торговли. Можно сказать, что этим правовым актом государство узаконило частную торговлю, подвергнув правовому регулированию все направления

торговых отношений между Россией и Китаем. Понятно, что остались пробелы, но для процесса становления правового регулирования это является нормальным состоянием.

Таким образом, рассмотренные нами правовые акты явились основными и важными вехами в истории правового регулирования торговых отношений России и Китая. Мы можем проследить, что развитие правового регулирования торговли шло в ногу с развитием торговых, дипломатических и политических отношений и первые правовые акты заключались нашей страной не всегда на выгодных для неё условиях, однако постепенно, с принятием и подписанием очередного документа баланс восстанавливался.

Начиная с подписания Кяхтинского соглашения, развитие правового регулирования сопровождалось жесткой регламентацией торговли, строгим ограничением количества торговых представителей, получения письменных разрешений, установления мест торговых операций. Это впоследствии оказало положительную роль в продолжении развития правового регулирования торговых отношений между двумя государствами.

Этот путь, пройденный двумя империями, сложный и тернистый, дал возможность России и Китаю в настоящее время создать прочные правовые торговые взаимосвязи, которым может позавидовать весь остальной мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартенс Ф. Ф. Россия и Китай: Ист. — полит. исследование. СПб, 1881
2. Русско — китайские договорно — правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. В. С. Мясникова. М., 2004. Памятник исторической мысли, 694 с.
3. Бокщанин А. А. Мелихов Г. В., Думан Л. И., Ермаченко И. С. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. / отв. ред. Л. И. Думан, — М: Наука, 1977, 385 с.
4. Сладковский М. И. История торгово — экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) / М. И. Сладковский, — М: Наука, 1974, 439 с.
5. Дацьшен В. Г. История русско — китайских отношений (1618–1917), — Благовещенск, БГПУ, 2005, 276 с.
6. А.В. Лукин Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско — китайских отношений / под ред. А. В. Лукина, — М: «Весь Мир», 2013, 704 с.

© Рябова Ольга Алексеевна (frau.lilya2012@yandex.ru),

Кузнецова Наталья Александровна (kuz1503@yandex.ru), Матвеева Тамара Павловна (matveeva33@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕГИСТРАЦИЯ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОСТЬ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ КАК ЭЛЕМЕНТ ЮРИДИЧЕСКОГО СОСТАВА — ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОСТЬ

REGISTRATION OF PROPERTY RIGHTS
USING BLOCKCHAIN TECHNOLOGY
IN RUSSIA AND ABROAD AS AN
ELEMENT OF THE LEGAL STRUCTURE —
THE BASIS FOR THE EMERGENCE OF
PROPERTY RIGHTS TO REAL ESTATE

A. Sevryukova

Summary. The article deals with the registration of real estate rights as an element of the legal composition of the grounds for the emergence of property rights to real estate, taking into account the use of blockchain technology in the context of the digitalization of the economy of the Russian Federation. A comparative legal analysis of the use of this technology in foreign countries is carried out, the relevant conclusions are proposed.

Keywords: Real right, origins of the real rights of ownership (of realty), registration of rights to real estate, foreign civil law, blockchain.

Севрюкова Александра Валериевна

Аспирант, Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации (г. Москва)
lexsasever@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы регистрации прав на недвижимость, как элемент юридического состава оснований возникновения вещных прав на недвижимость с учетом применения технологии блокчейн в условиях цифровизации экономики Российской Федерации. Проводится сравнительно-правовой анализ применения данной технологии в зарубежных странах, предложены соответствующие выводы.

Ключевые слова: Вещное право, основания возникновения вещных прав на недвижимость, регистрация прав на недвижимость, зарубежное гражданское право, блокчейн.

Регистрация вещных прав на недвижимость в Едином государственном реестре недвижимости РФ является одним из видов предоставления государственных услуг, осуществляемых при помощи цифровых технологий. В соответствии с п. 3 ст. 7 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» № 218-ФЗ от 13.07. 2015 г., реестры Единого государственного реестра недвижимости, кадастровые карты и книги учета документов ведутся в электронной форме, а реестровые дела хранятся в электронной форме и (или) на бумажном носителе. Следует отметить, что и в российском, и в европейском законодательстве внесение записи в публичный реестр (поземельную книгу, ЕГРП) является обязательной составляющей юридического состава возникновения (приобретения) вещных прав на недвижимость.

В данной статье рассматривается развитие цифровых технологий в РФ на примере внедрения цифровых технологий блокчейна (распределенных реестров) в сферу государственной регистрации вещных прав на недвижимость. Вопрос является актуальным и практически значимым для общества. А. В. Клечиков, М. М. Пряников,

А. В. Чегунов, исследовав вариации применения технологии блокчейн в государственной сфере, отмечают возможности данной технологии в правовой сфере: «Использование блокчейн представляется наиболее перспективным в сфере автоматизации таких административных процедур с государственным участием, суть которых заключается во внесении юридически-значимых записей в те или иные реестры или регистры, отражающие гражданское состояние, права собственности...» [8, с. 123].

В Российской Федерации давно назрела необходимость в развитии цифровых технологий и внедрении их во все сферы общественных отношений. В связи с этим, Указом Президента РФ была утверждена Стратегия развития информационного общества в РФ (Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.» [16]. В целях реализации вышеуказанной Стратегии была принята Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная правительством Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р (далее — Программа) [11]. В Программе отмечается: «Россия достигла

значительных успехов в развитии цифровой платформы предоставления государственных и муниципальных услуг» [11]. Программа направлена на «создание условий для развития «общества знаний», повышение степени информированности и цифровой грамотности населения, улучшение доступности и качества госуслуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами» [11].

Для решения поставленных задач Программой предлагается «Дорожная карта», предусматривающая дальнейшее развитие электронных реестров, удостоверяющих права. В пункте 1.12. «Дорожной карты» дана установка на обеспечение правовых условий для внедрения и использования технологий *децентрализованного ведения реестров и удостоверения прав* [11]. Под децентрализованным ведением реестра имеется ввиду (подразумевается) применение технологии блокчейн [8]. Технология блокчейн подразумевает хранение данных на разных серверах, в распределенной базе данных [17]. Мелани Свон, основательница Института блокчейн-исследований (Institute for Blockchain Studies) по этому поводу пишет: «Блокчейн может служить надежным хранилищем имеющих общественную ценность записей, таких как *реестры документов и событий...*» [9]. Новые блоки в этой базе данных создаются постоянно и каждый блок проверяется всеми участниками сети. В том случае, если все участники конкретной сети согласны, то очередной блок присоединяется к этой цепочки. Таким образом, каждая новая запись (транзакция) в блоке данных должна быть согласована всеми участниками сети. Если на каком-то этапе внесения какой-то новой записи выявляется несоответствия сведений, то запись (транзакция) не будет утверждена в цепочке, не утвердится в ней. Таким образом, блокчейн — это цепочка блоков информации, которая способствует упорядочению и ускорению передачи данных, а также их сохранности в системе. Как отмечает С. Н. Говейко: «Запись, зафиксированная в блокчейне, не хранится в одном определенном месте, а копируется на множестве устройств, подключенных к этой системе, что гарантирует сохранность данных даже при уничтожении или выходе из строя большинства компьютеров и носителей информации» [4, с. 37–38].

Блокчейн предлагается использовать в реестрах прав на недвижимость во многих европейских странах.

Например, в Швеции уже использует блокчейн для регистрации сделок в национальном реестре недвижимости. Основная цель использования — сокращение времени для регистрации вещных прав на недвижимость, увеличение скорости операций (транзакций), возможность качественного учета, проверки и хранения

больших объемов внесенных данных, а также исключения возможности распоряжаться имуществом более одного раза [19]. Напрашивается вопрос, а как же проверка достоверности регистрируемых сведений о переходе/возникновении вещных прав на недвижимость? Ответ кроется в национальных особенностях системы возникновения вещных прав на недвижимость в Швеции. Эстонские юристы — адвокат J. Rastorgujeva и юрист G. Sein подчеркивают: «Шведская система заключения и регистрации сделок с недвижимостью отличается от эстонской системы, потому что она основана на взаимном доверии между сторонами сделки — сделки с недвижимостью могут быть заключены не в прошедшей проверке письменной форме, и они не требуют аутентификации со стороны нотариуса. Согласно шведскому закону о недвижимости, в документе о продаже достаточно наличия заявления о том, что продавец передает недвижимое имущество покупателю, а также подписи двух свидетелей. Договор купли-продажи можно отправить по почте» [19].

В Эстонии, как и во многих современных странах, ведется электронный реестр прав на недвижимость. Эстонская система регистрации вещных прав на недвижимость считается одной из самых эффективных в мире. При этом, документы-основания приобретения вещных прав на недвижимость удостоверяются нотариусом. Нельзя не согласиться с J. Rastorgujeva и G. Sein: «Использование технологии блокчейн в Эстонии не заменит все функции нотариуса в сделках с недвижимостью» [19].

О применении технологии блокчейн в реестре прав на недвижимость Германии (Поземельной книге — *das Grundbuch*) A. Jedelsky отмечает: «Блокчейн все еще находится в зачаточном состоянии в сфере недвижимости. Компании не должны упускать возможности технологий» [18]. Описывая преимущества применения технологии блокчейн в сфере недвижимости A. Jedelsky подчеркивает свойство технологии блокчейн — свойство «неизменности» — «которого до сих пор не было в цифровом мире. Все, что хранилось там (в записях блокчейн — прим. Автора), хранится там навсегда. Таким образом, информация может быть полностью отслежена с помощью цепочки боков, и ее точность может быть обеспечена» [18]. Можно сделать вывод, что свойство технологии блокчейн — неизменность важно для ведения реестра прав на недвижимость, а также применение технологии блокчейн в реестрах прав на недвижимости может обеспечить сохранность и точность внесенных записей.

Технология распределенных реестров (блокчейн) уже применяется при ведении реестров прав на землю в Грузии. Решение о внедрении блокчейн в реестр прав на землю было принято в 2016 г. [2]. Однако, необходимо

отметить один важный момент о роли правоустанавливающих и правоподтверждающих данных (юридических фактах), на которых основывается внесение записей о вещных правах на недвижимость, а именно — «некачественная информация, размещаемая в блокчейне, затруднила бы стороннюю проверку прав собственности на землю (из отчета об использовании технологии блокчейн в реестре прав на землю в Грузии — прим. Автора)» [2]. Тем самым, юридические факты, являющиеся основанием к внесению записи о вещном праве на недвижимость в Реестре, технологией блокчейн не проверяются на юридическую достоверность, но для возникновения вещных прав на недвижимость правовые основания, облаченные в форму юридически значимых документов играют не меньшую роль, чем сам факт регистрации права в реестре.

Следует отметить, что в 2018 г. на территории г. Москвы Министерство экономического развития Российской Федерации (далее — Минэкономразвития) совместно с Росреестром проводили эксперимент по проверке сведений из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) при помощи технологии блокчейн [13]. Эксперимент проводился на основании проекта Постановления Российской Федерации «О проведении на территории г. Москвы эксперимента по использованию технологии блокчейн» — ID проекта 02/07/10–17/00074195 (далее — Проект) [12]. Проектом были предусмотрены даты проведения эксперимента — с 1 января 2018 г. по 1 июля 2018 г.

В чем же преимущество и необходимость проведения подобного эксперимента, направленного на внедрение технологии блокчейн в реестр прав? В заключении Минэкономразвития об оценке регулирующего воздействия на проект постановления Правительства Российской Федерации «О проведении на территории г. Москвы эксперимента по использованию технологии блокчейн» указана цель проведения эксперимента по внедрению технологии блокчейн в реестр прав — *мониторинг достоверности сведений* Единого государственного реестра недвижимости [5]. Положение о проведении на территории г. Москвы эксперимента по использованию технологии блокчейн перечисляет следующие цели использования технологии блокчейн (в границах г. Москвы):

1. повышение доступности сведений Единого государственного реестра недвижимости об объектах недвижимого имущества, расположенных на территории г. Москвы;
2. повышение уровня доверия потребителей государственных услуг к сфере, связанной с оборотом объектов недвижимого имущества;
3. повышение гарантий защиты права собственности граждан и юридических лиц на объекты не-

движимого имущества, расположенные на территории г. Москвы.

Минэкономразвития в представленном сводном отчете о проведении оценки регулирующего воздействия сделан вывод «о достаточном обосновании решении проблемы предложенным способом урегулирования» [5].

Стоит отметить, что в Росреестре уже использовали данную технологию. Таким способом был впервые зарегистрирован договор долевого участия [14]. Данный договор был зарегистрирован в Ленинградской области. Вместе с Росреестром в регистрации сделки по технологии блокчейн участвовали Агентство ипотечного жилищного кредитования и Внешэкономбанк. Одно из преимуществ использования в регистрации прав на недвижимость технологии блокчейн состоит в том, что данная технология «должна существенно ускорить межведомственное взаимодействие» [14]. В дальнейшем планируется, что данная технология будет применяться и при взаимодействии Росреестра с Фондом защиты прав участников долевого строительства [14].

Также следует отметить разработку Правительством РФ законопроекта, которой распространит технологию блокчейн на все сделки с недвижимостью [15].

Можно сделать вывод, что с одной стороны технология блокчейн призвана ускорить межведомственное взаимодействие, а с другой стороны призвана гарантировать неизменяемость внесенных в Реестр данных. Значение регистрации прав на недвижимость в государственном реестре прав безусловно несет высокую значимость для стабильности гражданского оборота. Связано это с публичной достоверностью сведений, находящихся в государственном реестре прав на недвижимость.

Классик отечественной цивилистики И. А. Покровский справедливо утверждал, что в отношении записи прав на недвижимость существуют два принципа — принцип публичности, когда «всякий акт, долженствующий иметь вещно-правовое значение (передача права собственности, установление залога или сервитута и т.д.), должен быть записан в поземельную книгу, и только с этого момента он получает юридическую силу для всех третьих лиц, для публики» и принцип достоверности — «всякая запись в книге имеет полную юридическую силу для третьих лиц даже тогда, когда она не соответствует действительности; лица заинтересованные могут добиваться исправления поземельной книги, но пока она не исправлена, она считается истинной» [10].

Однако, в современной системе регистрации прав на недвижимость в России существуют определенные проблемы, на что обращают внимание ученые-цивилисты. В частности, Е. А. Суханов отмечает, что публичная достоверность реестра прав на недвижимость в РФ отсутствует [7]. Получается это так потому, что запись в государственном реестре только лишь «должна соответствовать тем документам, которые имели место при регистрации» [7].

Действительно, п. 3 ст. 66 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» установлено, что орган регистрации прав не несет ответственность за убытки, причиненные в результате государственной регистрации прав на основании признанных судом недействительными свидетельства о праве на наследство, свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов либо на основании нотариально удостоверенной сделки, которая признана судом недействительной или в отношении которой судом применены последствия недействительности ничтожной сделки. Получается, что государственный реестр прав не несет ответственности за предоставленные для регистрации прав сведения, дистанцируясь тем самым от установления законности перехода прав на недвижимость. Реестр (как орган регистрации) основывается на презумпции достоверности предоставляемых сведений, а в случае, если в дальнейшем обнаружится что это не так, то ответственности за предоставленные недостоверные сведения не несет.

Например, в Германии записи о правах в реестре прав на недвижимость (Поземельной книге — Grundbuch) наделены принципом публичности на основании параграфа 892 Германского Гражданского Уложения в котором установлена *публичная достоверность записей*. Заключается она в том, что содержание записей в Grundbuch признается публично достоверным за исключением тех случаев, когда в поземельную книгу было внесено возражение против достоверности записи либо, когда недостоверность записи известна приобретателю [3]. Публичная достоверность записей в Grundbuch основывается на «законной презумпции» записей — «если в Поземельную книгу в отношении какого-либо лица внесено право, то следует считать, что

это право принадлежит ему. Если внесенное в поземельную книгу право прекращается, то следует считать, что это право более не существует (§ 891 ГГУ)» [3].

Таким образом, в Германии установлен принцип публичной достоверности именно записей в реестре прав на недвижимое имущество (Поземельной книге — Grundbuch) на основании прямого указания на это в законе.

Р. С. Бевзенко предлагает изменения законодательного регулирования при условии внедрения технологии блокчейн в Единый государственный реестр недвижимости, к примеру: «Изменение текущего регулирования публичной достоверности реестра в части соотношения записи в реестре и юридической силы сделки, на основании которой совершается запись в пользу введения принципа бесповоротности записи (невозможности третьих лиц требовать исправления реестра по истечении некоторого срока после внесения оспариваемой записи) и запрета требовать изменения добровольно совершенных транзакций по передаче права на недвижимость (установления обременения в отношении недвижимости) [1]».

На наш взгляд, применение технологии блокчейн в реестре прав на недвижимость, в первую очередь, является техническим решением *способа записи прав* в электронном виде и их хранения, а также направлено на улучшение систематизации данных по реестрам прав на недвижимость и, непосредственно, объектов недвижимости. Кроме этого, внедрением технологии блокчейн в реестр прав на недвижимость можно будет ускорить межведомственное взаимодействие и гарантировать неизменность данных.

Полагаем также, что воздействовать при помощи технологии блокчейн на публичную достоверность записей в Едином государственном реестре прав на недвижимость возможно лишь в том случае, если данные, предоставляемые для внесения в реестр, будут проверяться компетентным органом и (или) лицом на законность и отсутствие пороков сделки. С этой целью, на наш взгляд, необходимо внести соответствующие изменения в действующее законодательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бевзенко Р. С. Основные направления изменения законодательства о регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в связи с внедрением технологии распределенных реестров [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru> (дата обращения — 6 августа 2019 г.).
2. Богданов Георгий // Дубай, Эстония, далее везде: 14% национальных правительств уже пытаются использовать блокчейн на практике [Электронный ресурс] URL: <https://www.dp.ru/> (дата обращения — 5 августа 2019 г.).
3. Германское Гражданское Уложение Grundbuchordnung [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения — 1 августа 2019 г.).
4. Говейко С. Н. // Технология блокчейн и рынок недвижимости // Вопросы науки и образования. 2018. С. 37-38.

5. Заключение Минэкономразвития об оценке регулирующего воздействия на проект постановления Правительства Российской Федерации «О проведении на территории г. Москвы эксперимента по использованию технологии блокчейн» [Электронный ресурс]. URL: <http://garant.ru/> (дата обращения — 2 июля 2019 г.).
6. Минэкономразвития об оценке регулирующего воздействия на проект постановления Правительства Российской Федерации «О проведении на территории г. Москвы эксперимента по использованию технологии блокчейн» [Электронный ресурс]. URL: <http://garant.ru/> (дата обращения — 2 июля 2019 г.).
7. Из выступления профессора Е. А. Суханова на конференции в рамках подготовки к IV Петербургскому международному юридическому форуму [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения — 25 июня 2019 г.).
8. Клечиков А. В., Пряников М. М., Чугунов А. В. // Блокчейн-технологии и их использование в государственной сфере // International Journal of Open Information Technologies. 2017 № 12. С. 123–128.
9. Мелани Свон. Блокчейн. Схема новой экономики. Melanie Swan. Blockchain: Blueprint for a New Economy. — O'Reilly Media, Inc., 2015. — 152 с.
10. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001, С. 200.
11. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632) [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru> (дата обращения — 2 августа 2019 г.).
12. Проект: «О проведении на территории Москвы эксперимента по использованию технологии «Блокчейн» в целях мониторинга достоверности сведений Единого государственного реестра недвижимости» [Электронный ресурс]. URL: <http://regulation.gov.ru/> (дата обращения — 1 июля 2019 г.).
13. Реестр недвижимости проверят через блокчейн // Минэкономразвития готовит эксперимент в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru> (дата обращения — 01 июля 2019 г.).
14. Росреестр использовал технологию блокчейн [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения — 5 июля 2019 г.).
15. Росреестр на блокчейне. Ипотечную сделку можно зарегистрировать за минуту [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/> (дата обращения — 10 июля 2019 г.).
16. Стратегия развития информационного общества в РФ (Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества РФ на 2017–2030 гг») [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения — 2 августа 2019 г.).
17. Что такое блокчейн? [Электронный ресурс]. URL: <https://coinspot.io> (дата обращения — 25 июля 2019 г.).
18. Jedelsky Achim // Blockchain und ihre wahren Potenziale für die Immobilienwirtschaft [Электронный ресурс] URL: <https://www.immobilienmanager.de> (дата обращения — 29 июля 2019 г.).
19. Rastorgujeva Jelizaveta, Sein Gertrud // NJORD Estonia: Real estate transaction using blockchain technology [Электронный ресурс] URL: <https://www.njordlaw.com> (дата обращения — 29 июля 2019 г.).

© Севрюкова Александра Валериевна (lexsasever@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

TO THE SPECIFICATION OF THE CONCEPT OF SOCIAL STATE

A. Siushkin

Summary. The article discusses the concept and characteristics of the welfare state, traces the formation of this type of state during the XIX–XX centuries. The author proves that the welfare state is a modernized version of the bourgeois legal state, preserving its essential features. The conservative nature of the very idea of a social state, its initial focus on reducing class contradictions within capitalist society, is particularly noted. In conclusion, an analysis is given of the modern Western model of the welfare state, which, according to the author, is gradually moving away from its conservative function and shifting the priorities of its development towards economic efficiency.

Keywords: social state, welfare state, labor state, social policy, social legislation.

Сиушкин Альберт Евгеньевич

*К.с.н., доцент, Пензенский государственный университет
bert_s@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и признаки социального государства, прослеживается становление данного типа государства на протяжении XIX–XX столетий. Доказывается, что социальное государство представляет собой модернизированный вариант буржуазного правового государства, сохраняющий его существенные черты. Особо отмечается консервативный характер самой идеи социального государства, ее изначальную ориентацию на снижение классовых противоречий внутри капиталистического общества. В заключении дается анализ современной западной модели социального государства, которое, по мнению автора, постепенно отходит от своей консервативной функции и смещает приоритеты своего развития в сторону экономической эффективности.

Ключевые слова: социальное государство, государство всеобщего благоденствия, государство труда, социальная политика, социальное законодательство.

В современном научном дискурсе понятие «социальное государство» встречается достаточно часто, что, тем не менее, не позволило сформировать единую точку зрения на природу и существенные характеристики данного государства. Встречаются и откровенно ошибочные точки зрения. Так, к признакам социального государства нередко относят исключительно развитое социальное обеспечение, закрепленное законодательно в виде множественных социальных прав и гарантий. На наш взгляд, такой подход неверен, поскольку позволяет рассматривать социальное государство в отрыве от его правовой природы и считать таковым, например, Советский Союз, где социальные права граждан были гарантированы, без сомнения, очень широко. Стоит отметить, что сама по себе эффективная социальная политика, осуществляемая конкретным государством, не делает его социальным. Мы согласны с тем, что социальное государство — это, прежде всего, модернизированная модель буржуазного правового государства, сохраняющая его существенные черты. В связи с этим представляется актуальным в рамках настоящей статьи еще раз обратиться к содержанию понятия «социальное государство», к уточнению его ключевых признаков.

Объектом исследования является понятие «социальное государство». Предметом — теоретико-концептуальные представления о социальном государстве, а также конкретные модели его построения с середины XIX до начала XX в. Методологической основой исследования выступает традиционный для теории государства

и права компаративистский (сравнительно-правовой) подход.

Понятие «социальное государство» было введено в середине XIX в. (1850 г.) немецким юристом и экономистом Лоренцем фон Штейном. В предложенном им определении содержался ряд принципиальных положений, расширявших традиционное понимание обязанностей государства. В частности, он отмечал, что социальное государство должно «поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве». [1, с. 47]

Теория социального государства, разработанная фон Штейном, представляет собой продукт генезиса западноевропейской философской мысли по вопросам социального равенства и справедливого общественного устройства. И здесь стоит упомянуть работы Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье и др., в которых рождаются идеи правовой организации государственной жизни, равенства всех граждан перед законом, разделения властей, недопустимости сословных привилегий. Происходит становление концепции правового государ-

ства, которое, опираясь на верховенство закона, должно гарантировать, прежде всего, равенство экономических и политических возможностей своих граждан. Что касается социального неравенства, то оно рассматривалось, преимущественно, как необходимое зло, с которым следует бороться, но борьба эта в условиях краха абсолютизма преждевременна, а победа в принципе недостижима.

Социальные функции государства до середины XIX в. в основном сводились к поддержке различных форм социального призрения, не имевших системного характера. Так, первоначально государство предоставляло правовые привилегии для бывших воинов и представителей некоторых сословий, затем выступило инициатором создания рабочих домов для бедных и бездомных. К тому же государственные мероприятия против бедности часто подкреплялись репрессивными мерами (уголовное преследование бродяжничества и др.). [2]

Перелом в отношении государства к проблемам социального обеспечения назрел лишь к середине XIX в., когда становится очевидным, что одни политические гарантии вкупе с экономическими свободами неспособны обеспечить стабильность буржуазного общества, примирить и согласовать интересы имущих и неимущих слоев. Необходимость модернизации правового государства за счет усиления его социальной функции обусловила потребность, в том числе, и в теоретическом обосновании и закреплении этого нового качества. Понятие «социальное государство», введенное фон Штейном, в итоге и стало такой фиксацией.

С другой стороны, стоит отметить, что концепция социального государства явилась в значительной степени реакцией на революционные выступления в Европе середины XIX века. Не будем забывать и о мощной левой идеологии, прежде всего, в лице марксизма, содержащей критику правового государства, как буржуазного идеала, и нуждавшейся в достойном оппонировании. В этом смысле можно согласиться с теми, кто считает концепцию фон Штейна порождением консервативной мысли. Например, по мнению Л. Н. Кочетковой «главной задачей теории социального государства стало устранение противоречий, возникающих в классовом буржуазном обществе, за счет усилий самого государства. Эти усилия государства должны быть направлены на организацию социального обеспечения, достойных условий жизни и возможностей свободного развития прежде всего для низших классов, что позволило бы смягчить обострившиеся классовые противоречия и установить относительный баланс интересов между различными слоями общества, а в итоге избежать самого опасного — революционного разрешения этих противоречий. Короче говоря, консерваторы поняли, что государство

должно сделать своей главной задачей «поднятие» низших классов, чтобы прекратить их революционные действия». [3]

Идеи Л. фон Штейна о социальном государстве, как инструменте сглаживания классовых разногласий впервые были с успехом воплощены в жизнь в 80-е гг. XIX в. Германии, в проекте канцлера О. фон Бисмарка по принятию развернутого социального законодательства. 17 ноября 1881 года было опубликовано послание кайзера, в котором было провозглашено право рабочих на социальную защиту. Декларация монарха была претворена в жизнь с помощью трех законов о социальном страховании, проведенных Бисмарком через Рейхстаг: на случай болезни (1883 г.); от несчастных случаев (1884 г.); по инвалидности и по старости (1889 г.). Например, закон о страховании рабочих от несчастных случаев вводил обязательное страхование всех рабочих и ряда групп служащих с годовым доходом не более 2 тыс. марок и гарантировал им помощь при несчастном случае на работе. Закон о медицинском страховании предусматривал компенсационные выплаты помимо прочего в случае профессиональной болезни или производственной травмы, которая не излечивалась более 13 недель. Закон о пенсионном обеспечении впервые ввел обязательное страхование широкого круга рабочих и служащих с годовым доходом не более 2 тыс. марок. [4, с. 232]

Разработанные Бисмарком меры социальной защиты стали основополагающими для создания немецкого социального государства, а затем были переняты другими странами. Так, общегосударственная система вспомоществования социально незащищенным слоям населения (страхование без взноса) была введена в Дании в 1891 г., государственные пенсии по старости стали выплачиваться в Англии (с 1908 г.) и т.д.

Парадоксально, но прогрессивная и передовая социальная политика О. Бисмарка, по сути, носила консервативный характер, поскольку ее главной целью было сохранение социального баланса между различными общественными слоями. В условиях глубокого политического кризиса и революционной ситуации О. Бисмарку удалось, лавируя и борясь с юнкерской оппозицией, с одной стороны, и пролетарским революционным движением — с другой, реализовать патриархальные представления о помощи неимущим и заложить основу социального маневрирования. «Основным мотивом действий О. Бисмарка была, <...> политическая цель: отвлечь рабочих от социал-демократии. Он понимал, что с рабочим и социал-демократическим движением невозможно справиться одними репрессивными мерами, поэтому стал сочетать их с социальными реформами для рабочего класса. <...> Эти реформы были призваны убе-

дить рабочих в том, что государство в состоянии создать общество социальной справедливости». [4, с. 231]

Дальнейшее развитие концепции социального государства связано с работами Г. Геллера. В 1930 г. он ввел понятие «социальное правовое государство», тем самым окончательно синтезировав две концепции. Определение Геллера исходило из признания социальных прав человека естественными правами, расширяло сферу ответственности государства не только за политический и экономический паритет своих граждан, но и за их социальное равенство и благополучие.

Важным этапом практики построения такого государства явилось закрепление в 1930-е гг. в законодательстве США права рабочих на коллективный договор и организацию профсоюзов, ликвидация детского труда и сокращение рабочего дня, введение пенсий по старости. Данные мероприятия были реализованы в рамках «Нового курса» Ф. Рузвельта, который явился реакцией на мировой экономической кризис и, в том числе, «предотвратил весьма вероятную социальную революцию, на многие десятилетия предопределил основные направления социальной политики американского государства». [5, с. 49] Положительный опыт США был использован в социальной деятельности послевоенных правительств Великобритании («План Бевериджа»), Германии, Франции, Бельгии, Италии, Дании, Нидерландов, Швеции и других стран. В некоторых из них (Германии, Франции, Италии) построение социального государства было возведено в конституционный принцип. В эти же годы усилиями международных организаций (МОТ, ООН, Совет Европы и др.), по сути, был создан наднациональный стандарт социальных прав человека. Речь идет о таких основополагающих международных актах как Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенция Совета Европы «О защите прав человека и основных свобод», Европейская социальная хартия 1961 г. и др. Таким образом, послевоенные десятилетия стали периодом окончательного становления государства нового, социально-правового типа.

Следующую веху развития теории и практики социального государства принято обозначать как этап государства всеобщего благоденствия. Исследователи по-разному оценивают временные рубежи этого этапа. Наиболее часто указывают на отрезок с конца 1950-гг. и до середины 1980-х гг., хотя встречаются оценки, отодвигающие последнюю границу на начало 2000-х гг. В свою очередь, в качестве отправного пункта некоторые называют известный «План Бевериджа», представленный в конце 1942 г. британскому парламенту и реализованный позднее лейбористским правительством. В нем были изложены основные принципы «государства

благоденствия» (welfarestate), где присутствует централизованная система социального обеспечения, охватывающая большинство граждан и гарантирующая единый национальный минимальный доход наряду с обеспечением полной занятости. С этого времени термин «государство благоденствия» («государство всеобщего благоденствия», «государство всеобщего благоденствия») стал для многих исследователей общепризнанным. Нельзя забывать и теорию Д. Кейнса, обосновавшего необходимость развития смешанной экономики, активно вмешательство государства в экономическую жизнь общества, что полностью отвечало идеологии государства всеобщего благоденствия. План Бевериджа и идеи Д. Кейнса стали ориентирами для социальной политики многих послевоенных правительств.

Существенный подъем экономики и общественного благоденствия в странах Запада в 1950–60-е гг. обеспечил динамичное развитие систем социальной защиты, которые впервые вышли на уровень охвата всех слоев населения. Социальная функция государства, направленная на обеспечение высокого уровня жизни своих граждан, с этого момента становится преобладающей.

В это же время складываются национальные модели построения социального государства, существующие по настоящее время. Так, по характеру осуществления социальной деятельности исследователи различают либеральную или англосаксонскую модель, социал-демократическую или скандинавскую, консервативную или континентально-европейскую. Следует отметить, что все эти модели в теоретическом плане можно рассматривать как противоположные бисмарковской, постулирующей принцип «воздать каждому по заслугам», т.е. по степени его вклада в копилку общественной пользы. Государство всеобщего благоденствия, напротив, нацелено на принудительное перераспределение социальных благ между богатыми и бедными слоями, что соответствует известной формуле марксизма «каждому по потребностям». Такой, по своей сути, социал-демократический подход к построению социального государства получил признание среди сторонников практически всех идейно-политических течений общественной мысли — от последовательных либералов до крайних левых. Именно это обстоятельство позволило известному политологу либерального толка Р. Дарендорфу констатировать: «В своих лучших возможностях XX век был социал-демократическим. Таким его сделали не одни социал-демократы. В конце концов мы (почти) все стали социал-демократами». [6, с. 11–12]

Триумф социал-демократической уравнивающей модели построения социального государства в странах Запада, по нашему мнению, во многом был обусловлен

присутствием на мировой арене идеологического противника в лице Советского Союза, достигшего к тому времени значительных успехов в предоставлении всем гражданам таких социальных благ как гарантированные рабочие места, бесплатная медицина, образование и др. Государство всеобщего благоденствия в этом смысле явилось инструментом сглаживания разницы в социальном положении между беднейшими социальными слоями западных стран и основной массой населения СССР. Тем самым в этих странах была снижена вероятность протестных выступлений и ослаблена потенциальная база местных компартий.

Однако стагнация экономического роста середины 1970–х гг. в развитых странах Европы и северной Америки приводит к кризису сложившейся там модели государства всеобщего благосостояния, поскольку одной из главных причин экономических проблем, по мнению экономистов, стали чрезмерно раздутые социальные программы. Последние отнимают средства, необходимые для дальнейшего развития общества, вызывая тем самым спад в экономике. Государство, таким образом, поощряет социальное иждивенчество, увеличивая при этом налоги, что демотивирует бизнес и подрывает частную инициативу.

Особенно существенной критике концепция государства всеобщего благоденствия подверглась со стороны неоконсерваторов, которые предлагали ограничить вмешательство государства в экономическую сферу, а широкие социальные программы заменить адресной помощью наиболее социально уязвимым категориям. Наиболее яркими представителями неоконсервативного подхода к социальной политике того времени выступили премьер-министр Великобритании М. Тэтчер и президент США Р. Рейган.

М. Тэтчер проводила политику, направленную на борьбу с бюджетным дефицитом, для чего применяла крайне непопулярные меры: сокращение дотаций государственным предприятиям и депрессивным регионам, снижение расходов на социальную сферу (образование и ЖКХ). Экономическая политика Р. Рейгана включала заморозку минимальной зарплаты на уровне \$3.35 за час, уменьшение федеральной помощи местным властям, ограничение субсидирования бедных. [7, с. 141–142]

В итоге неоконсерваторам удалось серьезно повлиять на социал-демократическую версию государства всеобщего благоденствия, замедлить темпы роста социальных расходов, запустить конкурентные механизмы формирования социальной политики. Таким образом, удалось придать государству всеобщего благоденствия новый рыночный оттенок, подготовить почву для его дальнейшей эволюции в этом направлении. [8, с. 176]

Тем не менее, нельзя сказать, что неоконсерваторы с примкнувшими к ним позднее неолибералами сумели найти окончательный выход из кризиса государства всеобщего благоденствия. Однако, заданный ими тренд на отказ от патерналистской роли, устранение иждивенчества и создание благоприятных социальных условий, прежде всего, путем формирования социально ориентированного рыночного хозяйства продолжил себя в дальнейшем уже в эпоху вызовов глобализации.

Примерно с середины 1990-х гг. демонтаж прежней модели «welfarestate» существенно ускорился. Сократились и внешние стимулы для стран Запада выполнять свои социальные обязательства: идеологический противник в лице СССР был уничтожен, надобность в этом отпала. [9, с. 132] В центр научных и политических дискуссий о социальном государстве прямо был поставлен вопрос, который непритворно формулируется следующим образом: возможно и нужно ли вообще в условиях глобализирующегося мира соблюдать высокие стандарты социальной справедливости для всех, или предпочтение следует отдать более достойным? Важнейшей причиной, побудившей специалистов к столь жесткой формулировке проблемы, заключается в больших миграционных потоках, захлестнувших развитые государства в последние десятилетия. Собственные демографические проблемы этих стран (снижение рождаемости и увеличение доли пожилых граждан) в сочетании с требованиями социального обеспечения значительного числа мигрантов задают крайне высокие рамки финансирования социальной сферы. Как оказалось, социальные программы могут отвлекать слишком много средств от стимулирования экономического роста. В частности, современные бюджетные дефициты во Франции, Германии, Греции и других странах вызваны, в том числе, и большими социальными расходами. Выходом видится осуществление социальной политики в первую очередь для своих граждан. Но как тогда примирить такую замкнутость государства благосостояния с открытостью границ современного мира?

Новые настроения правящих европейских элит в сфере социального обеспечения своих граждан в сентябре 2013 года открыто озвучил король Нидерландов Виллем Александр. В середине сентября 2013 года он объявил о конце государства всеобщего благосостояния. На его обломках монарх предложил построить «общество активного участия» (participation society). [10, с. 94]

Отметим, что термин «participation society» хотя и получил широкое распространение, не является устоявшимся. Как вариант, часто используется понятие «workfare state» — «государство труда». В любом случае мы можем выделить следующие признаки, присущие, по на-

шему мнению, новому нарождающемуся типу социального государства XXI века:

1. Усиление роли наднациональных правовых и политических институтов в сфере социального регулирования.

Например, социальная система Европейского Союза (ЕС) четко демонстрирует два начала — национальное и наднациональное. Решение социальных проблем осуществляется не только за счет национального бюджета. Они финансируются и на наднациональном уровне из общеевропейского бюджета ЕС, а также из специализированных организаций и фондов (Социальный фонд, Фонд регионального развития, Фонд ориентации и гарантий в области сельского хозяйства и Фонд содействия экономическому сближению государств-членов). Причина этого не только стремление установить единые европейские стандарты социального обеспечения, но и по возможности компенсировать национальным бюджетам потери, которые они вынуждены нести в результате открытости своих границ для мигрантов.

2. Смещение приоритетов осуществления социальной политики с социального обеспечения на обеспечение условий развития личности и гарантии личных благ.

Ценностные приоритеты прав человека все больше перемещаются из сферы экономической и физической безопасности человека в сферу субъективного самочувствия и качества жизни. Иными словами, речь идет не только об оказании материальной помощи нуждающимся лицам, но и о создании условий по их адаптации, реабилитации, их интеграции в общество. Например, это право инвалидов или тех же мигрантов на профессиональную ориентацию, обучение, образование, производственную адаптацию. Цель — получение дополнительных налоговых поступлений от таких категорий населения.

Издержки такого подхода очевидны, и заключаются в том, что «социальность» государства теперь определяется не гарантиями и размерами социальной помощи, а скоростью и степенью «включения» гражданина в трудовую деятельность. Отказ от политики социального иждивенчества и смещение акцентов в сторону поощрения личной ответственности индивида за свое социальное благополучие находит свое воплощение, например, в такой неоднозначной мере, как повышение пенсионного возраста. Так, Германия узаконила постепенное увеличение возраста выхода на пенсию с 65 до 67 лет к 2029 г.). В Великобритании пенсионный возраст к 2044–2046 гг. планируют увеличить с 65 лет до 68 лет. Правительство США периодически предпринимает ряд мер, в том числе направленные на увеличение нормального

возраста выхода на пенсию. В 2000 г. он составлял 65 лет, с 2005 г. 66 лет, и к 2022 г. составит уже 67 лет. Увеличение нормального возраста выхода на пенсию, по сути, означает также снижение размеров пособия для тех, кто выходит на пенсию досрочно. Для работников же, пожелавших отложить свой выход на пенсию, американское законодательство устанавливает систему поощрений. Например, с 2008 г. каждый год невыхода на пенсию за пределами нормального возраста увеличивает ее до 8%. С 2017 г. началось поэтапное увеличение пенсионного возраста государственных и муниципальных служащих и в России. В итоге он составил 65 лет для мужчин и 63 года для женщин. Такие реформы вызывают серьезное противостояние в обществе как среди политических партий, так и между профсоюзами и организациями работодателей. [11,12,13]

3. Усложнение системы правового регулирования и форм социальной защиты граждан.

Наблюдается постепенное и неуклонное разрушение монополии государства в сфере осуществления социальной политики. Все более усиливается роль рыночных механизмов социальной защиты: добровольных режимов социального страхования, вложений в частные фонды и иных инвестиций. Частное социальное обеспечение, основанное на принципе индивидуальной социальной ответственности, сегодня является необходимым дополнением обязательного, предоставляемого государством. Во многом это вынужденная мера, поскольку лишь таким образом можно гарантировать высокие стандарты социальной защищенности, заданные в эпоху «welfarestate».

Рассмотрев, таким образом, основные этапы становления и развития феномена социального государства, мы можем сделать следующие выводы.

Социальное государство — это закономерный результат эволюции буржуазного правового государства. Оно появилось как инновация эпохи индустриального капитализма второй половины XIX века, главной целью которой было снижение остроты классовых антагонистических противоречий. В дальнейшем социальное государство неуклонно сохраняло эту консервативную черту. Основные исторические импульсы совершенствования его модели явно связаны с необходимостью нейтрализации таких реальных или потенциальных факторов, угрожающих классовой стабильности буржуазного общества, как социальные революции, существование мощного идеологического противника в лице СССР и стран социалистического лагеря, неконтролируемые миграционные потоки и т.п.

Неклассовый и неправовой характер советского общества, очевидно, не позволяет в полной мере применять к его анализу термины «социальное государство» или «государство благосостояния». Социальная функция государства в СССР не была направлена на сглаживание классовых противоречий и имела другую цель — экономическую продуктивность, когда решение социальных проблем выступает как фактор оптимизации финансово-экономической ситуации в стране, ускорения ее развития. Не следует забывать и о существовании в СССР привилегированных групп граждан, прежде всего, партийной номенклатуры, имевшей приоритет в вопросе распределения социальных благ, что отсутствует в западной модели социального государства. Подобную ситуацию можно наблюдать в современном Китае, где социальная поли-

тика также полностью подотчетна финансово-экономической ситуации в стране, а с точки зрения пенсионного обеспечения, здравоохранения, социальной защиты «существуют многочисленные привилегированные группы (военные, госслужащие, работники партийного аппарата)», в связи с чем «о государстве благосостояния следует говорить с огромными оговорками». [14, с. 191]

Современная западная модель социального государства сохраняет свой буржуазно-правовой характер, но постепенно отходит от своей консервативной функции и также смещает свои приоритеты в сторону экономической эффективности, что, как нам кажется, с точки зрения конечной цели сближает «participation society» с государством социалистического типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калашников С. Социальное государство: эволюция и этапы становления. // Человек и труд. 2002. № 10. С. 47–51.
2. Лушникова М. В. Право на социальное обеспечение: история, теория, законодательство. // Вестник трудового права и права социального обеспечения. Выпуск 2. Ярославль, 2007. С. 90–91.
3. Л.Н. Кочеткова. Философский дискурс о социальном государстве. // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 6–15.
4. Л.Н. Беспалова. Социальная политика Отто фон Бисмарка. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–2. С. 229–233.
5. Гончаров П. К. Социальное государство: сущность и принципы. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2000. № 2. С. 46–59.
6. Социал-демократия в конце 80-х годов. Научно-аналитический обзор. М., ИНИОН, 1990. 90 с.
7. Слинко Е.А., Руднев В. М. Проблема становления и развития государства в современном мире. // Мегатренды мировой политики: сборник научных статей по материалам 3-ей межвузовской научно-практической конференции молодых ученых. Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». 2016. С. 138–142.
8. Золотых В. Р. Американские правые и формирование консервативного варианта «государства всеобщего благосостояния». // Вестник удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1. вып. 2. С. 173–184.
9. Тавокин Е.П. К вопросу о концепции социального государства. // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 125–134.
10. Буркова М. Д. Особенности развития государств всеобщего благоденствия в ключевых регионах мира. // Сборник научных статей XIII международной научно-практической конференции молодых учёных по региональной экономике. 2015. С. 91–95.
11. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития: монография. М., ПРОСПЕКТ. 2015. 272 с.
12. Казанцева А. Н. Законодательство по вопросам социальной защиты и социального обслуживания в России и Великобритании. Монография. Пермь, 2015. 90 с.
13. Александрова А. В. Социальное законодательство России и зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование. М., Юрист, 2010. 183 с.
14. Козюк В.В., Длугопольский А. В. Государство (всеобщего) благосостояния: китайский вариант. // В сборнике: Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества Материалы IV международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы: Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. 2014. С. 188–195.

© Сиушкин Альберт Евгеньевич (bert_s@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

EVOLUTION OF VALUES IN CIVIL LAW

**N. Khramtsova
T. Mayboroda**

Summary. This article discusses the history of the emergence, consolidation and development of value concepts in civil law. The author carries out a retrospective analysis of civil law norms that contain evaluative concepts that occupy a special place in the mechanism of legal regulation. Tracing the evolution of valuation concepts in civil law, the author concludes about the continuity and at the same time expanding the scope of use of valuation concepts in civil law.

Keywords: valuation concepts, civil law, monuments of law, civil law.

Храмцова Наталья Геннадьевна

К.филол.н., доцент, Курганский государственный университет

NatusyaH@yandex.ru

Майборода Татьяна Юрьевна

К.ю.н., Курганский государственный университет
tum-777@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается история появления, закрепления и развития оценочных понятий в гражданском праве. Автором проводится ретроспективный анализ норм гражданского права, содержащих оценочные понятия, которые занимают особое место в механизме правового регулирования. Прослеживая эволюцию оценочных понятий в гражданском праве, автор делает вывод о преемственности и в тоже время расширении сферы использования оценочных понятий в гражданском праве.

Ключевые слова: оценочные понятия, гражданское законодательство, памятники права, гражданское право.

В Гражданском кодексе Российской Федерации все более расширяется сфера применения норм, содержащих оценочные понятия. Объясняется это тем, что возрастает роль гражданского права, как главного регулятора обязательственных и имущественных отношений, выражающего основополагающие идеи равенства субъектов, диспозитивности, взаимной ответственности, свободы договоров.

По мнению М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, «в подтверждение того, что Гражданский кодекс Российской Федерации пошел по пути расширения каучуковых (оценочных) норм... можно сослаться... на то, что в первой и второй частях, в целом их число превышает семьдесят» [1, с. 139]. Гражданское право невозможно представить без норм, содержащих оценочные понятия.

Однако интересным было бы обратиться к более ранним этапам развития права и аргументировать данное положение при помощи краткого исторического экскурса эволюции оценочных понятий.

Оценочные понятия, не имеющие точного определения, и создающие некоторую неопределенность, появились уже на раннем этапе развития права. Законы XII таблиц, которые являются первым писанным древнеримским памятником права, закрепляли такие оценочные понятия, как: «исключительное уродство», «легкомыслие», «безумие», «лицеприятное», «благоприятный», «злая», «бесчестный» [2].

Институции Гая и Дигесты Юстиниана также используют некоторые оценочные понятия. Институции Гая

упоминают понятия: «жестоко» (Кн. 1, п. 53), «обыкновенно» (Кн. 1, п. 120), «священное значение» (Кн. 2, п. 3), «добросовестный» (Кн. 2, п. 51), «злой умысел» (Кн. 2, гл. 5, п. 84), «добрый» (Кн. 3, п. 157), «несправедливо» (Кн. 4, п. 116) [3].

Дигесты Юстиниана закрепляли следующие оценочные понятия: «постыдное основание» (Кн. 2, т. XIV, п. 27), «справедливость» (Кн. 3, т. V, п. 3, § 9), «необходимость» (Кн. 3, т. V, п. 3, § 10), «честность» (Кн. 16, т. III, п. 1, § 4) [4].

Первым же источником отечественного права, содержащим в себе оценочные понятия, стала «Русская правда». Количество их в тексте крайне ограничено. Фактически они используются лишь в одной статье: «А мать пусть даст свое <имущество> тому сыну, который был <к ней> *добр*, от первого ли мужа или от второго; если же все сыновья будут к ней *плохи*, то она может отдать <имущество> дочери, которая ее кормит» (ст. 106) [5].

Применение оценочных понятий в отношении наследования имущества можно увидеть и в Псковской судной грамоте. Согласно ст. 90, вдовец должен по справедливости раздать одежду умершей жены, ее близким родственникам: «Если у кого-нибудь умрет жена, а [овдовевший] муж женится во второй раз и мать, или сестра, или иные родственники первой жены предъявят к нему иск о ее платье, то муж должен *по совести* отдать ее платье, но его нельзя приводить к присяге в том, что он отдал все без остатка платье жены». То же самое должна сделать с одеждой и вдова в отношении близких родственников мужа в случае его смерти [6].

Как видим, в древнейших памятниках права закреплялся достаточно узкий круг оценочных понятий.

Судебники 1497 и 1550 годов содержат одно и то же оценочное понятие «добрым людям» [7, 8]. Согласно Судебникам, добрый человек — это состоятельное лицо, пользующееся положительной репутацией у властей.

На смену «Судебникам» приходит первый, систематизированный в российской истории свод законов — «Соборное уложение 1649 года». Он также содержал в себе ограниченный круг оценочных понятий. Например, в ст. 277 и ст. 279 — понятие «блиско» [9], которое указывает разрешенное расстояние постройки дома от построенного имущества соседа.

При рассмотрении оценочных понятий в ретроспективе, следует обратиться и к такому источнику, как «Указ о единонаследии», принятый при Петре I, 23 марта 1714 года. В данном указе речь идет о порядке наследования движимого и недвижимого имущества. В нем закрепляются схожие по смыслу понятия, такие как: «вредные» и «злые дела» [10].

В период с конца XVII — XVIII веков, согласно росписи, представляющей число уставов, учреждений, наказов, жалованных грамот, указов и трактатов, составленных с 1696 по 1801 год, было издано 18 243 [11] нормативных акта. Такое огромное количество законодательных актов и отсутствие систематизации права привело к серьезным проблемам толкования постоянно используемых норм, как содержащих, так и не содержащих оценочные понятия.

Особое внимание стоит обратить и на «Свод Законов Российской империи» 1835 года. Данный источник просуществовал (хотя с изменениями и дополнениями) до Октябрьской революции 1917 года. В нем оценочных понятий отражалось не малое количество. В ст. 575 идет речь о принудительном отчуждении, или пользовании недвижимым имуществом, для государственных или общественных нужд, только за «справедливое и приличное вознаграждение» [12]. А, например, в ст. 2230 сказано: работник или ученик должен быть «верным, послушным... и добрыми поступками» [13] стараться сохранить в семье, нанявшей его, или отдавшей на обучение, мир и покой. Помимо этого, в Своде закреплены понятия: «необходимые и чрезвычайные расходы», «приличное содержание», «недостаточные меры», «особые преимущества», «важный ущерб», «справедливо» и др.

По мнению Я.И. Гурлянда, любая наука имеет свои определения и термины, знать эти термины — обязанность каждого юриста, и неважно в какой сфере он осуществляет свою деятельность. Гурлянд издал наи-

важнейший документ того времени «Юридический лексикон, объясняющий термины и институты права, судопроизводства и нотариата» 1885 года. В нем также нашли свое отражение и в некотором роде получили разъяснения оценочные понятия. Например, «безхитренно (бесхитростно) — то есть прямодушно, чистосердечно, нечаянно...» [14]. Также словарь содержал такие понятия, как: «злой умысел», «злонамеренно», «бесчестно» и др.

Переходя в XX век нашей истории, хотелось бы обратить внимание на Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. В условиях становления тоталитаризма в России оценочные понятия, дающие свободу в поведении субъектов правоотношений, просто не могли использоваться достаточно широко. Тем не менее, проанализировав данный закон, нельзя сказать, что таких понятий в нем мало. Нужно отметить, что он содержал достаточно обширный круг оценочных понятий: «обычное» (ст. 117, 195, 227, 228, 421), «добросовестный» (ст. 56, 60, 197), «существенно» (ст. 385), «невыгодно» (ст. 33, 417), «злонамеренно» (ст. 149), «соразмерно» (ст. 226, 259, 287, 304, 347, 370), «доступно» (ст. 391), «значительно» (ст. 219, 385), «незамедлительно» (ст. 385) и ряд других [15].

Нормы, содержащие в себе оценочные понятия в Гражданском кодексе РСФСР 1922 года, нашли свое отражение и в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года, но помимо них появились и некоторые новые: «злоупотребление» (ст. 16, 55), «противная» (ст. 49, 121, 207, 409, 413, 473), «существенное» (ст. 57, 109, 160, 286, 364), «невыгодное» (ст. 58, 61), «грубое» (ст. 109, 345, 427, 457), «необходимое» (ст. 130, 134, 155, 160, 242), «обычно» (ст. 263, 361, 533, 534), «случайно» (ст. 138, 225, 253, 357, 363), «соразмерно» (ст. 118, 141, 246, 359, 360), «чрезвычайно» (ст. 85, 423) [16].

По мнению М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, большая часть оценочных понятий Гражданского кодекса Российской Федерации может быть сгруппирована вокруг одного, формулирующего целую группу понятия. Авторы рассчитывают места понятий от большего к меньшему, в зависимости от того, как часто понятия встречаются в кодексе. Так, к первой группе они относят понятие «разумный», ко второй — «обычный», к третьей — «необходимый», к четвертой — «существенный», к пятой — остальные понятия, которые не так часто упоминаются в тексте закона, например, «уважительные», «чрезвычайные», «несоразмерность», «добросовестность», «доступность», «достаточность» и др. [17, с. 231].

Проанализировав все части Гражданского кодекса Российской Федерации, по нашему мнению, к первой группе должно относиться понятие «необходимо», так как упоминается оно около 200 раз, ко второй — «существенно», его мы видим примерно 151 раз, к третьей —

«разумный» — 117 раз, к четвертой — «обычный» — 64 раза, к пятой — все остальные оценочные понятия, перечисленные выше.

Краткий ретроспективный анализ показывает, что с развитием гражданского права тенденция к применению гибких норм все больше возрастает.

Подводя итог, можно сказать, что история применения оценочных понятий очень велика: они существовали на всех этапах развития и становления права. В древних

памятниках права оценочные понятия встречаются редко — это объяснимо казуистичностью правовых норм того времени. С развитием приемов юридической техники право приобретает более абстрактный характер, увеличивается число используемых оценочных понятий. Также заметим, что оценочные понятия в основном применяются при регулировании отношений в области обязательственного права. Исследование исторического и современного законодательства дает нам право утверждать о наличии преемственности и в тоже время расширении сферы использования оценочных понятий в гражданском праве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. — М.: Статут, 2011—847 с.
2. Законы XII таблиц. Текст приводится по изданию: Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим. Под ред. акад. В. В. Струве, М., 1953, с. 21—33. Свєрено и дополнено примечаниями по «Хрестоматии по истории Древнего Рима», под ред. д. и. н. С. Л. Утченко, М., 1962 / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975> (дата обращения: 18. 08. 2019).
3. Институции Гая. Текст. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://study.shmat.by/institutsii-gaya-tekst/> (дата обращения: 18. 08. 2019).
4. Дигесты Юстиниана / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/ (дата обращения: 18. 08. 2019).
5. Русская правда. (Пространная редакция) / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения: 18. 08. 2019).
6. Псковская судная грамота / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.php (дата обращения: 18. 08. 2019).
7. Судебник 1497 года Ивана III (с комментариями) / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: [https://historicaldis.ru/blog/43735259458/Sudebnik-1497-goda-IVANA-III-\(s-kommentariyami\)?nr=1](https://historicaldis.ru/blog/43735259458/Sudebnik-1497-goda-IVANA-III-(s-kommentariyami)?nr=1) (дата обращения: 18. 08. 2019).
8. Судебник 1550 года. Текст / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://yakov.works/acts/16/2/pravo_02.htm (дата обращения: 18. 08. 2019).
9. Соборное Уложение 1649 года / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (дата обращения: 18. 08. 2019).
10. Указ о единонаследии. 23 марта 1714 года / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://runivers.ru/doc/isl/index.php?SECTION_ID=5487&sphrase_id=50772 (дата обращения: 18. 08. 2019).
11. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. — Санкт-Петербург — В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830—1851. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.prlib.ru/item/35860> (дата обращения: 18. 08. 2019).
12. Свод Законов Российской империи 1835 год. Т. X Кн. 2. Гл. VI отд. I / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/63.html#img64> (дата обращения: 18. 08. 2019).
13. Там же Т. X Кн. 4. Раз. 4 отд. I.
14. Гурлянд Я. И. Юридический лексикон, объясняющий термины и институты всех прав судопроизводства, судоустройства и нотариата. / [Электронный ресурс]. — URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=104461> (18.08.2019).
15. О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР (вместе с Гражданским кодексом РСФСР): Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/901808921> (дата обращения: 18. 08. 2019).
16. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964/ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1829#023403397176249618> (дата обращения: 18. 08. 2019).
17. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. — М.: Статут, 2011—847 с.

© Храмова Наталья Геннадьевна (NatusyaH@yandex.ru), Майборода Татьяна Юрьевна (tum-777@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

FEATURES OF CONSIDERATION OF REPORTS OF CRIMES IN THE CREDIT AND FINANCIAL SPHERE

A. Yusupov

Summary. This article is devoted to one of the urgent problems of detection and disclosure of crimes in the credit and financial sphere. The author considers the peculiarities of consideration of reports of crimes under article 172 of the criminal code of the Russian Federation.

Keywords: illegal banking activity, reporting a crime, forensic examination.

Юсупов Артур Мансурович

Аспирант, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
prok_iu_ufa@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена одной из актуальных проблем выявления и раскрытия преступлений в кредитно-финансовой сфере. Автором рассматриваются особенности рассмотрения сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 172 УК Российской Федерации.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, сообщение о преступлении, судебная экспертиза.

Ежегодно из общего числа зарегистрированных преступлений значительное число составляют противоправные деяния экономической сферы.

К примеру, за 2018 год правоохранительными органами Республики Башкортостан зарегистрировано 2456 (АППГ — 2212) преступлений экономической направленности. Из указанного числа 491 (АППГ — 499) преступлений связаны с кредитно-финансовой сферой, по результатам расследования приостановлено на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК Российской Федерации (в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности) 79 уголовных дел, по 256 уголовным делам решения не приняты [1].

Особенности расследования отдельных видов преступлений в кредитно-финансовой сфере освещены во многих научных работах. В целях раскрытия и расследования преступлений в кредитно-финансовой сфере используется «видовая» методика расследования, разработанная А. И. Ледневым [2, с 9].

В тоже время стремительно развивающиеся взаимоотношения субъектов кредитно-финансовой сферы, усложнение способов совершения преступных деяний требуют внесения изменений в ранее разработанные криминалистические методики расследования отдельных видов экономических преступлений.

В настоящей работе постараемся раскрыть особенности первоначальных мероприятий, проводимых при рассмотрении сообщений о преступлениях, предусмотренных статьей 172 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Уголовной ответственности по данной статье привлекаются юридические лица, осуществляющие незаконные банковские операции. Зачастую в практике это организации, которые зарегистрированы в установленном законом порядке, имеют соответствующее разрешение на осуществление банковской деятельности (реже — не имеют соответствующего разрешения). Они запускают привлекательную рекламу для граждан, демонстрируют разрешительные документы. Однако, как правило, они выходят за рамки представленных им прав, обманым путем завлекают денежные средства граждан.

Основными нормативно-правовыми документами, регулирующими правоотношения в данной сфере, являются Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности».

Статья 5 названного Закона содержит перечень банковских операций, для кредитных организаций, осуществляющих банковскую деятельность: привлечение денежных средств физических и юридических лиц во вклады (на определенный срок или до востребования); размещение указанных привлеченных средств от своего имени и за свой счет; открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц; осуществление расчетов по поручениям физических и юридических лиц, в том числе и банков-корреспондентов, по их банковским счетам; инкассация денежных средств, векселей, платежных и расчетных документов и кассовое обслуживание физических и юридических лиц; купля — продажа иностранной валюты в наличной и безналичной формах; привлечение во вклады и размещение драгоценных металлов; вы-

дача банковских гарантий; осуществление переводов денежных средств по поручению физических лиц без открытия банковских счетов (за исключением почтовых переводов) [3].

Кредитные организации вправе осуществлять иные сделки в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Процессуальную проверку по сообщению о преступлении, предусмотренном ст. 172 УК Российской Федерации, в соответствии с положениями ст. 151 УПК Российской Федерации, уполномочены проводить следователи органов внутренних дел Российской Федерации [4].

Однако, на практике нередки случаи, когда проверка в порядке ст. 144–145 УПК Российской Федерации, поручается органам дознания, а именно сотрудникам отдела по экономической безопасности и противодействию коррупции. В то же время, как указывалось выше, в соответствии с требованиями ст. 151 УПК Российской Федерации, процессуальное решение должны принимать следователи органов внутренних дел. При этом, сотрудникам ОЭБ и ПК следователями даются соответствующие поручения о проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий, сбора необходимых документов.

В ходе проверки сообщения о преступлении для принятия законного и обоснованного решения необходимо истребовать сведения о кредитной организации. В первую очередь: заверенные надлежащим образом устав, учредительный договор, свидетельство о регистрации, протоколы общих собраний учредителей, акционеров, а также сведения об открытых счетах, на которые впоследствии, при принятии решения о возбуждении уголовного дела, будет возможно своевременно наложить арест.

Из Центрального банка России необходимо истребовать сведения: о регистрации кредитной организации, выдачи разрешения либо лицензии на ведение банковских операций, соответственно заверенные надлежащим образом свидетельство о государственной регистрации, лицензии.

В целях изъятия всей интересующей документации, предотвращения уничтожения вещественных доказательств, первоочередным является установление периода незаконной деятельности организации.

При проведении проверок в данной сфере необходима оперативность, слаженность действий. Изъятие документации, подтверждающей незаконную кредитную деятельность без соответствующего разрешения (ли-

цензии) поручается, как правило, сотрудникам ОЭБ и ПК органов внутренних дел, либо иным уполномоченным оперативным сотрудникам. Указанные мероприятия проводятся в рамках оперативно-розыскного мероприятия — обследовании помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [5].

Изъятию подлежат следующие значимые документы, необходимые для фиксирования и доказывания незаконной деятельности кредитной организации: приказы о приеме на работу и их должностные инструкции (обязанности); учетная бухгалтерская документация; а также любая документация (записи) относительно проводимых денежных операций; компьютерная техника, носители информации и программного обеспечения, содержащие сведения о незаконной деятельности.

Одновременно оперативным сотрудникам поручается проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению имущества, в том числе, приобретенного в результате незаконной деятельности, на которое можно наложить арест, в целях обеспечения возмещения ущерба.

Комплекс оперативно-розыскных мероприятий обеспечивает полноту необходимых сведений о незаконной деятельности, последующее изъятие всей необходимой документации. Так, только в результате прослушивания телефонных переговоров возможно установить схему совершения преступлений, определить места нахождения офисов, роли подозреваемых, порядок проведения расчетов с клиентами, местонахождение компьютерной техники, с помощью которой осуществляется как правило дистанционное управление счетами подконтрольных юридических лиц.

Исследованию подлежит вся документация, сведения об открытии (ведении) счетов граждан, юридических лиц, в том числе акты ревизий, аудиторских проверок, содержащие сведения об осуществлении незаконной деятельности, результатом исследования которых будет установление причиненного ущерба, извлечения незаконного дохода.

Конечно же, данный перечень мероприятий, не является исчерпывающим, и зависит от сведений, установленных (зафиксированных) в ходе мероприятий, проведенных в рамках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Конечным результатом любой процессуальной проверки является принятие законного и обоснованного решения. Однако, на практике имеют место случаи принятия преждевременных решений о возбуждении уголовного дела, прежде всего в результате необеспечения

полноты собранных материалов, подтверждающих незаконную деятельность организации.

Так, апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда от 05 июля 2013 г. по делу № 22к-2608/2013 оставлено без изменения постановление Промышленного районного суда города Ставрополя от 29 марта 2013 года об удовлетворении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ о признании незаконными и необоснованными: решения следователя о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного п.п. «а, б» ч. 2 ст. 172 УК РФ.

Так, судебной коллегией признан обоснованным вывод суда первой инстанции о незаконности постановления о возбуждении уголовного дела, ввиду отсутствия в нем указания на вид осуществляемой банковской деятельности, поскольку указание следователя на получение дохода путем получения наличных денежных средств от различных контрагентов и последующую выдачу другим контрагентам, заинтересованным в получении наличных денежных средств вне банков, путем перечисления имеющихся у них в безналичном виде денежных средств по фиктивным основаниям, под видом оплаты поставок товаров, либо оказанных услуг на банковские счета созданных ими подконтрольных предприятий, определенный им как вид банковской деятельности — инкассация, не соответствует понятию указанного вида банковской деятельности в соответствии со ст. 5 ФЗ № 395–1 от 02.12.1990 года «О банках и банковской деятельности», а также «Положению о порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монет Банка РФ в кредитных организациях на территории РФ» № 318-П, утвержденному Банком России 24.04.2008 года.

Указание следователя в постановлении на наличие достаточных данных, свидетельствующих о наличии у подозреваемого умысла на незаконную банковскую деятельность, а именно на инкассацию денежных средств, не подтверждено представленными материалами следственной проверки. В содержании самого постановления о возбуждении уголовного дела, сведения о том, кем именно и в каких объемах получались денежные средства, отсутствуют.

Кроме того, судебной коллегией признаны правильными и обоснованными выводы суда о том, что в постановлении о возбуждении уголовного дела, так и в материалах следственной проверки отсутствуют данные, подтверждающие, в какой период времени, каким организациями, в каких конкретно суммах перечислялись денежные средства, а также в какой период времени и в каких суммах получались наличные средства [6].

Таким образом, в ходе рассмотрения сообщения о преступлении в данной сфере необходимо обеспечить проведение всех необходимых мероприятий по сбору и закреплению доказательств незаконной деятельности, достаточных для принятия законного решения, что позволит избежать необоснованное уголовное преследование лиц, подозреваемых в совершении преступления.

Как отмечает И. В. Овсяников «Суть и назначение проверки сообщения о преступлении заключаются в оценке этого сообщения в совокупности с иными доказательствами, если они имеются в распоряжении субъекта оценки (следователя, дознавателя), по правилам уголовно-процессуального закона в целях установления наличия или отсутствия повода для возбуждения уголовного дела и признаков преступления» [7, с 85].

ЛИТЕРАТУРА

1. Данные получены в информационном центре МВД по Республике Башкортостан.
2. Леднев А. И. Криминалистическая методика расследования преступлений, совершаемых при осуществлении кредитных операций: автореф. дис. . . канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. — 223 с.
3. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395–1 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996 г. — № 6. — Ст. 492 с изм. и допол. в ред. от 01.01.2019.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001 г. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921 с изм. и допол. в ред. от 08.01.2019.
5. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 14.08.1995 г. — № 33. — Ст. 3349 с изм. и допол. в ред. от 06.07.2016.
6. Информация по уголовному делу № 29601 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ URL: <http://sudact.ru/regular/doc/2NBbsfuchJY1/> (дата обращения: 14.03.2019).
7. Овсяников И. В. Рассмотрение сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические проблемы: [научно-практическое и учебное пособие]. — М: Юрлитинформ, 2010. — 208 с.

НАШИ АВТОРЫ

Abyakimova E. — Candidate of law, senior lecturer, Crimean branch of the federal state budget institution «Russian state University of justice»
6661931@mail.ru

Abramov V. — Doctor of Economics, professor, Principal Research Scientist, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
valabr@yandex.ru

Albakov A. — candidate of pharmaceutical sciences, Head of the State Budgetary Institution «Republican Medical Warehouse»

Ayro I. — Doctor of Pharmaceutical Sciences, Professor, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute - branch of the Federal State Budget Educational Establishment of Higher Education Volgograd State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Pyatigorsk
irina.airo@yandex.ru

Bachina T. — Candidate of Economic Sciences, associate professor, Ryazan state radio engineering university of V.F. Utkin
bachina_t@mail.ru

Barinov G. — Postgraduate Student, Financial University under the Government of the Russian Federation
Mr-Brownstone@yandex.ru

Buevich A. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow
buanpet@mail.ru

Demin S. — Doctor of Economic Sciences, Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)
ssdemin@mail.ru

Elshin L. — Doctor of Economics, Kazan (Volga) federal university
Leonid.Elshin@tatar.ru

Evsenkina Y. — Candidate of Agricultural Sciences, associate professor, Ryazan state radio engineering university of V.F. Utkin
evsenkina@mail.ru

OUR AUTHORS

Fain B. — The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Moscow)
fayn-bi@ranepa.ru

Frolova E. — Economist, JSC Tochinvest (Ryazan)
frolova.janes@yandex.ru

Garumova M. — Candidate of Pharmaceutical Sciences, Associate Professor, Dagestan State University

Golovanov V. — Graduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
golovanovvs@yandex.ru

Gudkov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
gudkovaniv@yandex.ru

Ibatullina A. — Graduate student of Kazan (Volga) Federal University
anna_pigasova@mail.ru

Kalendarishvili Z. — Candidate of law, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Saint Petersburg University of the Humanities and Social
zurab.kalendarishvili@yandex.ru

Khramtsova N. — PhD (Philology), Associate Professor, Kurgan State University
NatusyaH@yandex.ru

Krasilschikov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
krasilschikov@inbox.ru

Kurbanmagomedova E. — Assistant, Dagestan State Medical University

Kusnetcova N. — Senior lecturer, Vladimir law institute of Federal Penitentiary Service
kuz1503@yandex.ru

Lebedev V. — Sholom-Aleichem Priamursky State University, Russia, Kaliningrad
velbot1976@mail.ru

Lentugov D. — FSBU of HE «Plekhanov Russian University of Economics»
dmitrylentugov@mail.ru

Marchishina M. — State University of Tyumen
kuroi6mari@gmail.com

Marina A. — Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor of Law at the Autonomous noncommercial organization of higher education «International University In Moscow»
Marina.a.a@inbox.ru

Matveeva T. — Senior lecturer, Vladimir law institute of Federal Penitentiary Service
matveeva33@mail.ru

Mayboroda T. — PhD in Legal Sciences, Kurgan State University
tum-777@mail.ru

Mindlin Y. — PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skrjabin
mindliny@mail.ru

Mishchenko V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Nabiullina V. — Senior lecturer at the Northern Trans-Ural State Agricultural University; PhD student at the Tyumen State University
vitoriya@mail.ru

Ocheretnaya R. — Post-graduate student, Autonomous non-profit organization of higher education «North Caucasus social Institute»; supervisor, ST. Petersburg»
magnitskaya.raya@yandex.ru

Ohrina M. — Graduate student, MFUA
marishka251186@bk.ru

Pivovarova O. — Junior Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
olga_piv@mail.ru

Rashchupkin A. — Graduate student, Saint Petersburg University of the Humanities and Social
si_ege@inbox.ru

Repeyuk S. — The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Moscow)
repeyuk-sv@ranepa.ru

Riabova O. — Senior lecturer, Vladimir law institute of Federal Penitentiary Service
frau.lleya2012@yandex.ru

Safullin M. — Doctor of Economics, professor, Kazan (Volga) federal university
C.p@tatar.ru

Semenova A. — Doctor of Economic Sciences, Professor, Russian University of Transport (Moscow)
allaa.s@ya.ru

Sevryukova A. — Post-graduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow)
lexsasever@mail.ru

Siushkin A. — Candidate of Sociology, associate professor, Penza State University
bert_s@mail.ru

Stolyarov N. — Doctor of Economic Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)
sns147@mail.ru

Terskaya G. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow
Terskaya@list.ru

Varvus S. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow
varvus@mail.ru

Vitko V. — Candidate of Law, hands Legal Service, JSC «IT»
Vvitko@it.ru

Yusupov A. — Graduate student, Federal state budgetary educational institution of higher education «Bashkir state University»
prok_iu_ufa@mail.ru

Zherebtsova T. — Postgraduate student, University Prosecutor's Office of the Russian Federation; senior assistant to the Dolinsky city prosecutor of the Sakhalin region
zherebtsova.t.e@yandex.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).